

Вестник Сыктывкарского университета (научный журнал) Выходит 4 раза в год	Серия гуманитарных наук ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ ЖУРНАЛИСТИКА	12+ ISSN 2306-8450 Выпуск 3 (15) 2020
--	--	--

СОДЕРЖАНИЕ

ИССЛЕДОВАНИЯ

Ефименко В. П. Опыт регионального исторического романа (Амос де Эскаланте) <i>Efimenko V. P. ESSAY IN THE REGIONAL HISTORICAL NOVEL (AMOS DE ESCALANTE)</i>	3
Лудыкова В. М. Русские заимствования в роли интенсификаторов качества прилагательных в коми языке <i>Ludykova V. M. RUSSIAN BORROWINGS AS INTENSIFIERS OF ADJECTIVES QUALITY IN THE KOMI LANGUAGE</i>	12
Некрасова О. И. О некоторых моделях дименсивных конструкций с антропоцентрическим эталоном в коми языке <i>Nekrasova O. I. ABOUT SOME MODELS OF DIMENSIONAL CONSTRUCTIONS WITH AN ANTHROPOCENTRIC STANDARD IN THE KOMI LANGUAGE</i>	21
Попова Р. П. Особенности функционирования сравнительных оборотов в произведениях коми-пермяцких авторов В. В. Климова и И. А. Минина <i>Popova R. P. FUNCTIONS OF COMPARATIVE CONSTRUCTIONS IN THE KOMI-PERMYAK PROSE (BASED ON THE WORKS BY VASILY KLIMOV AND IVAN MININ)</i>	36
Розов А. Н. Былины центральных районов России в своде русских былин <i>Rozov A. N. FOLK EPICS OF THE CENTRAL REGIONS OF RUSSIA IN THE COLLECTION OF RUSSIAN FOLK EPICS</i>	41
Шишкина Л. И. Леонид Андреев и театральные искания XX века. Андреев и Замятин <i>Shishkina L. I. LEONID ANDREEV AND THEATRICAL SEARCHES OF THE XX CENTURY. ANDREEV AND ZAMYATIN</i>	58
ПУБЛИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ, ОБЗОРЫ, МАТЕРИАЛЫ, ВОСПОМИНАНИЯ	
Бровкина Т. В. Повесть о происхождении табака «Из летописца греческого» <i>Brovkina T. V. THE TALE ON THE ORIGIN OF TOBACCO FROM THE GREEK CHRONICLE</i>	74
Канева Т. С. Печорский книжник Степан Анфиногенович Носов — информант фольклорных экспедиций МГУ <i>Kaneva T. S. PECHORA KNIZHNIK STEPAN NOSOV AFINOGENOV – INFORMANT OF FOLKLORE EXPEDITIONS OF MOSCOW STATE UNIVERSITY INTRODUCTORY ARTICLE</i>	89
Информация об авторах	122

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:
ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина»
(167001, Республика Коми, г. Сыктывкар, Октябрьский пр., д. 55)

Вестник Сыктывкарского государственного университета. Серия гуманитарных наук. Сыктывкар:
Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2020. Выпуск 3 (15). 122 с.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

М. В. Мелихов, д-р филол. наук, профессор кафедры русской филологии
СГУ им. Питирима Сорокина

Заместитель главного редактора:

Т. Ф. Волкова, д-р филол. наук, профессор кафедры русской филологии
СГУ им. Питирима Сорокина

Редакционная коллегия:

М. В. Мелихов, д-р филол. наук, профессор кафедры
русской филологии СГУ им. Питирима Сорокина;

Т. Ф. Волкова, д-р филол. наук, профессор кафедры русской филологии
СГУ им. Питирима Сорокина;

Е. В. Остапова, – канд. филол. наук, доцент кафедры коми филологии, финно-угроведения
и регионоведения, руководитель научно-образовательного центра
«Инновации в национальном гуманитарном образовании» СГУ им. Питирима Сорокина;

Г. В. Пунегова, канд филол. наук, старший научный сотрудник сектора языка Института языка,
литературы и истории ФИЦ Коми научного центра УрО РАН, доцент кафедры коми филологии,
финноугроведения и регионоведения СГУ им. Питирима Сорокина.

Адрес редакции Вестника Сыктывкарского университета

167001. Сыктывкар, Октябрьский пр., 55.
тел. 8 (8212) 390-397

Редактор Л.В. Гудырева

Корректор Е.М. Насирова

Верстка и техническое редактирование А. А. Ергаковой

Выпускающий редактор Л. Н. Руденко

Подписано в печать 21.12.2020. Дата выхода в свет 11.01.2021.

Печать ризографическая. Гарнитура Times New Roman.

Бумага офсетная. Формат 70x108/16.

Усл. п. л. 14,1.

Заказ № 177. Тираж 100 экз.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «Коми республиканская типография»,
167982, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Савина, 81

ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 821.134.2

В. П. Ефименко
V. P. Efimenko

ОПЫТ РЕГИОНАЛЬНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО РОМАНА (АМОС ДЕ ЭСКАЛАНТЕ)

ESSAY IN THE REGIONAL HISTORICAL NOVEL (AMOS DE ESCALANTE)

В статье характеризуется творчество испанского писателя второй половины XIX века Амоса де Эскаланте, анализируется его наиболее значительное произведение «Ave Maris Stella» как редкая разновидность жанра исторического романа.

Ключевые слова: исторический роман, исторический провиденциализм, нравоописательная проза, регионализм, традиционализм.

Annotation. The article characterizes the work of the Spanish writer of the second half of the 19th century Amos de Escalante, analyzes his most significant work “Ave Maris Stella” as a rare variety of the genre of the historical novel.

Keywords: historical novel, historical providentialism, customs-descriptive prose, regionalism, traditionalism.

Амос де Эскаланте (1831–1902) — имя для русскоязычного читателя совершенно незнакомое. Не упоминают о нем ни отечественные литературные энциклопедии, ни вузовские истории зарубежной литературы. Но в развитие литературы Испании второй половины XIX века он внес заметный вклад своей очерковой прозой, поэзией и незаурядным историческим романом «Ave Maris Stella», который и будет главным предметом нашего внимания в предлагаемой статье.

Родился будущий писатель на севере Испании, в городе Сантандере. Он получил прекрасное гуманитарное образование, знал латынь настолько, что в подлинниках читал не только римских классиков, но и сочинения средневековых отцов церкви. Владел он свободно английским и французским

языками, любил романы Г. Филдинга и Т. Смоллета, высоко чтит творчество «шотландского чародея» В. Скотта, переводил на испанский язык стихи Д. Г. Байрона.

Несколько лет своей юности он провел в Париже, где приобщился к жизни «богема», но литературные симпатии отдавал романтической лирике А. де Ламартина и реалистической прозе О. Бальзака. Свои впечатления о культуре Франции и Италии он позднее представит в книге путевых очерков «От Эбро до Тибра» (1864). Среди итальянских авторов его внимание привлекли не только великий Данте Алигьери, но и романтики Д. Леопарди и А. Мандзони. Последний, как считал друг и биограф Амоса де Эскаланте М. Менендес-и-Пелайо [1, с. XV], своим историческим романом «Обрученные», наряду с «шотландскими романами» В. Скотта, в определенной мере повлиял на «Ave Maris Stella».

Знал дон Амос и немецкий язык, ценил Г. Гейне, как и Байрона, в первую очередь, как великолепного певца морской стихии, переводил для испанских читателей стихи Л. Уланда и Ф. Рюккерта. Воздействие поэзии Байрона и Гейне сказалось не только в лирике, но и в очерковой прозе испанского автора. Морские пейзажи и зарисовки составят значительную часть книг Эскаланте «Побережье и горы» (1871), «На берегу. Акварели» (1873).

Весьма обширные познания в области архитектуры демонстрирует его книга «Побережье и горы», в которой большое место уделено изображению памятников зодчества испанского Севера, как и в его более позднем историческом романе. Тонким ценителем живописи показал себя Эскаланте на страницах книг, рассказывающих о поездках писателя по родной стране («От Мансанареса к Дарро», 1883) и по Европе («От Эбро до Тибра»).

Немалое место в очерковой прозе писателя занимает историческая тема. На страницах книги «Побережье и горы» автор-путешественник не только представляет читателю старинные церкви и монастыри, но и вспоминает о древних «правах и вольностях» самоуправлявшихся испанских средневековых городов, о политических и военных раздорах XV и XVI столетий. В воображении рассказчика воскресают тени императора Карла V и его несчастной матери Хуаны Безумной. Неудивительно поэтому, что главным произведением Эскаланте станет его исторический роман «Ave Maris Stella», опубликованный в 1877 году под псевдонимом Хуан Гарсия, как и другие прозаические произведения.

Действие романа, имеющего подзаголовок «История из жизни горцев XVII века» (*Historia montanesa del siglo XVII*), развивается осенью 1656 года. В начале романа говорится о сложной политической обстановке, в которой оказалась Испания в царствование Филиппа IV — с ней враждуют не только протестантские страны Голландия и Англия, но и католическая

Франция Людовика XIV, своекорыстные интересы поставившая выше профессиональной общности. Еще не забылась война с Францией 1639 года, в ходе которой подверглись разрушению города Монтаньи — горной части провинции Сантандер. Возникает привычное читательское ожидание значимой исторической составляющей романного повествования.

Главные герои романа — три брата из старинного рода Перес де Онгайо. Старший из братьев дон Диего, унаследовав майорат, изгнал из отцовского дома дона Родриго и дона Альваро, не оправдавших его тщеславных ожиданий выбором своих жизненных путей. Родриго стал монахом-францисканцем, Альваро пошел добровольцем в испанскую армию, воевавшую во Фландрии. Узнав о том, что Диего сватается к красавице Менсии де Кихас, с которой Альваро связывает взаимное чувство, младшие братья возвращаются в родные места. Родриго увещевает Альваро сохранять хладнокровие, не поднимать руки на Диего, не давать тому основания для вражды, до сих пор бывшей беспричинной. Альваро находит приют в доме идальго де Бинуэва, а его попытка с помощью старого слуги отцовского дома Ребесо устроить тайное свидание с Менсией кончается неудачей. Таким образом, намечается читательское предчувствие конфликта героев, связанных личными отношениями, но оказывающихся в противостоящих общественных лагерях. Конфликта, традиционного для того типа европейского исторического романа, начало которому положил своими произведениями Вальтер Скотт.

Наконец, экспозиция пополняется рассказом о созыве «Совета девяти селений» для обсуждения требования короля о новом налоге и выделении пополнения для армии ввиду грозящей войны с голландцами и англичанами. Мнения жителей Монтаньи радикально разделились: одни не склонны беспрекословно исполнять любые требования центральной власти, отстаивая древние «права и вольности» провинций, другие доказывают, что только сильная королевская власть сможет защитить обитателей побережья от внешнего врага. Крестьянин Антонио в разговоре с идальго де Бинуэва сетует на то, что среди сеньоров Монтаньи нет единства, иначе они могли бы самостоятельно решать местные дела и не ждать указаний из Мадрида. Идальго де Бинуэва решает отправиться на собрание местных «хунт» в селение Пуэнте де Сан Мигель. Туда же направляется и возведенный в чин капитана дон Диего в сопровождении прикомандированного к нему в качестве адъютанта каталонца Сэрры. От внимательного читателя не ускользнет при этом, что завязка действия приходится лишь на восьмую главу (из 18-ти составляющих текст романа), что значительное место занимают в романе весьма пространственные и выразительные пейзажи, картины, воссоздающие давно разрушенные или пришедшие в запустение сооружения военного и гражданского назначения, описания местных нравов и обычаев.

Одна из жанровых зарисовок подобного рода — хунта в Пуэнте Сан Мигель с краткими характеристиками прибывших на собрание идалго и любопытствующей публики — становится как бы дополнительной экспозицией к последующей кульминационной сцене раздоров и массовой драки, во время которой Сэрра стреляет в Ребесо, но попадает в голову идалго де Бинуэва. Появившийся Альваро, услышав о случившемся, спешит отомстить за гибель гостеприимного идалго своему брату Диего. Но вмешательство дона Родриго, взывающего к разуму и религиозной вере противников, предотвращает готовый разразиться братоубийственный поединок. Слух о смерти идалго де Бинуэвы, по счастью, оказался ложным. А дон Диего падает, неожиданно пораженный сердечным приступом.

Другая характерная жанровая сцена предстает читателю в главе, рисующей званый обед в доме сеньоры де Кихас с перечислением подававшихся в прежние времена блюд, рассадкой гостей, разговорами и манерами собравшихся. Мать и дочь озабочены сватовством дона Диего: Менсия не хочет оказаться непослушной дочерью и пойти против материнской воли, хотя любит Альваро, а донья Брианда не желает вопреки воле дочери выдать ее замуж за человека много старше нее, хотя этот брак был бы вполне практичным в их положении после смерти главы семьи сеньора де Кихас. Таким образом, и здесь наметившаяся коллизия не перерастает в открытый конфликт.

Две заключительные главы книги содержат в себе неожиданную для традиционного исторического романа трагическую развязку сюжета и подводят итог авторскому видению национальной истории. В главе XVII перед нами возникает впечатляющая картина грандиозного наводнения. Вышедшая из берегов река все сметает на своем пути, грозит обрушить обветшавшие стены дома семейства де Кихас. Ребесо становится свидетелем того, как дон Альваро, стремясь помочь терпящим бедствие, срывается с крутого берега и тонет в бурном потоке. Стихия, удовлетворившись полученной жертвой, успокаивается.

Дон Диего вовсе не опечален гибелью младшего брата, а вот известие о том, что донья Брианда отказалась выдать за него свою дочь, становится для старшего брата смертельным ударом. Появляется фрай Родриго и своими увещаниями побуждает брата раскаяться в его душевной черствости и верить свою судьбу Богу. Что и происходит — умирает дон Диего, внутренне примирившись с вышней волей. Так угасает еще один древний и когда-то грозный дворянский род в Испании. И эту ситуацию можно понять как один из симптомов начала кризиса испанской монархии.

На последних страницах книги мы узнаем, что за городскими стенами Сантандера возник новый францисканский монастырь и монастырская

церковь стала наполняться моряками разных кварталов портового города. В их хоре, славящем Богоматерь гимном «Ave Maris Stella», выделялся голос фрая Родриго, что можно расценивать для Испании как надежду исключительно на божественное провидение.

В самом конце романа в словах автора-повествователя звучат иронические извинения за неоправдавшиеся ожидания потенциального читателя, которого привлекают прежде всего любовные перипетии романских сюжетов: «Мне хорошо известно, читатель, что ты закроешь мою книгу неудовлетворенным оттого, что не узнал, что же произошло с некоторыми персонажами, из тех, которые стали тебе знакомы в этой истории, и в особенности с сеньорами де Кихас /.../. А ведь единственная надежда следовать за ними в счастье или в несчастье, возможно, и заставила тебя дочитать книгу до конца» [2, с.151].

Уже из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что автор сознательно отказывается следовать утвердившимся канонам жанра исторического романа вальтерскоттовского типа, получившего широкое распространение и в испанской литературе 1830–40-х годов.

З. И. Плавский в своем итоговом труде «Литература Испании: От зарождения до наших дней» выделял три типа испанского романтического исторического романа — историко-лирический, историко-авантюрный и историко-хроникальный: «Если в историко-лирическом повествовании события прошлого были лишь фоном для столкновения противоборствующих страстей, а в историко-авантюрном — поводом для хитросплетений более или менее запутанной интриги, в романе-хронике главным становится описание событий» [3, т. 2, с. 70]. Особо отмечал ученый роман Э. Хилья-и-Карраско «Властитель Бембибре» (1844) как произведение, синтезирующее основные особенности разных типов исторического повествования, и характеризовал автора как одного из первых регионалистов в испанской литературе XIX века. К сожалению, вне поля зрения выдающегося отечественного испаниста осталось творчество А. де Эскаланте и его опыт создания именно регионального исторического романа.

Нам уже доводилось писать о жанре испанского регионального романа с современной тематикой на материале творчества Х. М. де Переды (см. [4]). Типологические черты поэтики этого жанра, как представляется, несет в себе и исторический роман А. де Эскаланте. Это поэтика крупной формы нравоописательного (этологического — в терминологии Г. Н. Пospelова) повествования, которую в традициях отечественного литературоведения скорее следует определять как повесть, а не роман.

Этологическим повествовательным произведениям присущ особый, близкий произведениям пространственных искусств тип фабулы с немоти-

вированными внешне переходами от одной ситуации к другой, с концентрацией внимания на каждой ситуации в отдельности.

Фабула в нравоописательной повести прерывиста, как в пространственных искусствах, например живописи, где создание серии картин или графических листов превращает статическое искусство в динамическое, когда время разворачивается как некая последовательность в пространстве (см. [5, с. 93]). Аналогичным образом происходит в балете, где «сюжет прерывист, и смысл этой прерывистости в пополнении новыми экспозиционными данными, новыми, новыми, вводимыми в оборот длительными факторами, которые порой поначалу даже не предполагаются» [6, с.120].

Нравоописательное повествовательное произведение по сути лишено того саморазвития, которое является принципом собственно романной сюжетики. В связи с этим в этологической прозе резко возрастает роль автора-повествователя, автора-рассказчика в конструировании сюжета. Характерный пример этого в романе Эскаланте — сцена наводнения и гибели Альваро.

Эксплицитно выраженный автор в этологическом произведении чаще всего вступает в прямой контакт с читателем с помощью публицистических отступлений, вводя новые экспозиционные данные, которые радикально корректируют картину, сложившуюся в представлении читателя, используя явную иронию и т. п. Напомним в связи с этим характеристику испанских королей XVI–XVII веков в главе XIII, где автор-повествователь делает вывод об упадке испанской монархии, и вышеприведенное финальное обращение к читателю.

Доминирующим в этологическом повествовании подчас оказывается не рассказ о событиях и действиях героев, а показ места и ситуации действия, характеристика коллективных нравов и обычаев. Таково, в частности, довольно пространное изображение в романе функционирования провинциального самоуправления — собрания хунт в Пуэнте Сан Мигель в главах XII–XIV.

Персонаж в нравоописательной прозе чаще интересен не как индивидуальность, а как представитель определенной национальной, профессиональной или общественной группы. В этом отношении показательны образы трех братьев Перес де Онгайо, представляющих многовековую традицию выбора жизненного пути отпрысками дворянского рода в Испании, когда согласно закону майората имущество отца наследуется старшим сыном, а на долю младших остается либо церковная, либо военная служба.

Образ в этологической прозе чаще всего внутренне статичен, лишен заметного развития и изменения. Обратим внимание в этом отношении на фигуру слуги Ребесо, охарактеризованного, прежде всего, как «законченный

образец горца» [2, с. 134]. Авторская интенция к типотворчеству, а не к индивидуализации персонажа здесь вполне отчетливо себя проявляет.

Редким исключением предстает произведение А. де Эскаланте как исторический роман не только без реальных исторических персонажей в действии, но и без собственно исторических событий, рисующий именно историческое состояние Испании второй половины XVII века и в первую очередь одного из ее регионов — Монтаньи.

Актуальное звучание романа А. де Эскаланте можно видеть в том, что изображенная социально-политическая ситуация XVII века явственно коррелировала с современным писателю положением дел в Испании периода третьей карлистской войны (1872–1876 гг.), когда многие жители северных провинций страны оказались в оппозиции к правившему в Мадриде режиму.

В философии истории А. де Эскаланте здесь соединяются, по-видимому, распространенные во второй половине XIX века пессимистические представления об историческом регрессе с традиционным для испанского национального сознания историческим провиденциализмом. Наиболее законченное выражение подобная философско-историческая концепция получила в творчестве земляка Амоса де Эскаланте и самого значительного испанского писателя-регионалиста Х. М. де Переды. Об этом с полной отчетливостью свидетельствует переписка последнего с другом и одновременно идейным оппонентом Б. Пересом Гальдосом в 1877 году.

По мнению Переды, Испания идет по пути, чуждому национальному характеру испанцев, а проза буржуазной жизни губительно отражается на национальном характере. «Не всем расам и не всем народам подходят одни и те же обычаи. Когда речь шла о том, чтобы смело сражаться и пускаться в невероятные приключения, Испания была в первых рядах, потому что для этого мы родились. Возможно, тогда и исполнилось наше предназначение. С тех пор, как народы приняли более прозаический курс, Испания не знает, что делать, чтобы развеять скуку, которая ее подавляет; поэтому она плодит заговоры и герильи и разрушает в праздности свои древние добродетели» [7, с. 55]. Беды современной Испании, считает писатель, суть следствия национальной идиосинкразии, поэтому их не устранить с помощью свободы вероисповедания или других либеральных свобод. И если «недостаточно доказано, что старые системы могут покончить с нашей болезнью, то несомненно, что новейшие лекарства нас мало-помалу убивают» [Там же].

Переход Испании в разряд второстепенных европейских стран, потерю былого могущества и величия Переда связывает с национальным предопределением и спецификой национального характера, важнейшей особенностью которого он считает также обостренное чувство справедливости.

«Наш упадок, — пишет он Пересу Гальдосу, — очень может быть, есть другое предназначение, которое исполняется до тех пор, пока через годы или века не зазвучит вновь героическая труба и мы вновь не примемся исправлять несправедливость» [7, с. 55].

Упадок Испании, полагал Переда, последовал за прекращением испанской ветви габсбургской династии. И двадцать лет спустя, в интервью французскому журналисту Б. де Танненбергу, он скажет, что, чем больше думает о будущем родной страны, тем менее находит ее способной к усвоению европейской культуры, нового идеала современной жизни. Испания «была первой державой мира при политической системе, окончательно погибшей», ее величию «пришел конец, должно быть, вместе с австрийским королевским домом» [8, с. 340]. Эти мысли апологета регионального романа были абсолютно созвучны идеям его младшего друга и земляка, идеолога испанского традиционализма М. Менендеса-и-Пелайо, изложенным, в частности, в его книге «История испанских еретиков».

В основу концепции существования Испании Менедеса-и-Пелайо легло убеждение в том, что католицизм является определяющим началом испанской культуры и фундаментом национального единства испанцев. В «Истории испанских еретиков» он напишет, что «католическая догма — ось нашей культуры, католическими являются наша философия, наше искусство и в целом все проявления принципа цивилизации» [9, т. 1, с. 57]. Поэтому политический упадок Испании, начавшийся в XVII веке, он объяснит борьбой с «извращенным духом эпохи и с половиной Европы, объединившейся в защиту Реформации» [9, т. 2, с. 110]. Только Испания, по его мнению, осталась верна духу своей цивилизации и поэтому не должна раскаиваться, хотя и оказалась обескровленной в борьбе.

Настоящий и всеобъемлющий упадок приходит в страну, считал Менендес-и-Пелайо, как и Х. М. де Переда, в XVIII веке вместе с утверждением на испанском престоле французской династии Бурбонов, принесшей с собой янсенизм, энциклопедизм, излишнюю централизацию и удушение провинциальных свобод. «Дух испанской цивилизации полностью извратился, и, к несчастью, извращение длится до сих пор» [10, т. 2, с. 128].

Идеи традиционализма и зарождающегося испанского почвенничества несли в себе, таким образом, региональные романы Х. М. де Переды и роман «исторического состояния» А. де Эскаланте.

1. Menendez-y-Pelayo M. Don Amos de Escalante (Juan Garcia): Estudio preliminar // Escalante A. de. Obras escogidas: En 2 tomos. Madrid, 1956. T. 1. P. IX–XLVII.

2. Escalante A. de. Ave, maris stella // Escalante A. de. Obras escogidas: En 2 tomos. Madrid, 1956. T. 2. P. 5–162.

3. Плавский З. И. Литература Испании: От зарождения до наших дней : в 2 т. СПб., 2009. Т. 2: XIX–XX вв. 435 с.

4. См.: Ефименко В. П.: 1) Региональный роман Хосе Мариа Переды (идеология и поэтика) // Стиль и идеология (активность авторского повествования) : межвуз. сб. науч. статей. Сыктывкар, 1983. С. 113–128; 2) Автор, герой, сюжет в региональном романе Хосе Мариа Переды // Автор. Жанр. Сюжет : межвуз. тематический сб. науч. статей. Калининград, 1991. С. 55–65.

5. Дмитриева Н. А. Изображение и слово. М., 1962. 272 с.

6. Карп П. М. Балет и драма. Л., 1980. 246 с.

7. Ortega S. Cartas a Galdos. Madrid, 1964. 323 p.

8. Tannenberg B. de. Ecrivains Castellans Contemporains: J.M. de Pereda // Revue Hispanique. 1898. Т. 5. Num. 13–14.

9. Menendez-y-Pelayo M. Historia de los Heterodoxos Espanoles. Madrid, 1911. Т. 1–4.

10. Menendez-y-Pelayo M. La ciencia Espanola. Buenos Aires. 1947. Т. 1–3.

РУССКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В РОЛИ ИНТЕНСИФИКАТОРОВ КАЧЕСТВА ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В КОМИ ЯЗЫКЕ

RUSSIAN BORROWINGS AS INTENSIFIERS OF ADJECTIVES QUALITY IN THE KOMI LANGUAGE

Статья посвящена исследованию интенсификации прилагательного коми языка. Выявлены интенсификаторы, заимствованные из русского языка. Особое внимание уделяется их семантике. Анализ проводится на большом языковом материале.

Ключевые слова: коми язык, заимствования, имя прилагательное, интенсификация, семантика.

The article considers the intensive adjective in the Komi language and reveals the intensifiers borrowed from the Russian language. Special attention is paid to the intensifiers' semantics. The analysis is carried out on a large language material.

Keywords: Komi language, borrowings, subjunctive name, intensive adjective, semantics.

Высокая степень качества (интенсив) прилагательных указывает на то, что качество предмета превышает некоторую норму. При этом всегда выражается сопутствующее оценочное значение, т. е. говорящий дает субъективно-эмоциональную оценку выражаемому признаку. Интенсификаторы, выражающие степень качества, вносят «голос автора» (Вольф, 1978: 44). По справедливому замечанию Е. М. Вольф, «прагматической целью оценок с интенсификацией является стремление сделать высказывание более убедительным для собеседника и усилить его перлокутивный эффект — изменение эмоционального состояния адресата; не случайно интенсификация часто сопровождается экспрессивностью (...). Коммуникативная цель интенсификации состоит не столько в том, чтобы сообщить, что признак превышает норму, сколько ввести в высказывание аффективный компонент, усилить таким образом «эмотивную» сторону оценки — отношение субъект – объект и тем самым более эффективно воздействовать на адресата (Вольф 2002: 111).

Особенностью коми языка является то, что данная степень качества выражается синтаксически, при помощи специальных слов-интенсификаторов, которые сочетаются с прилагательными, находятся слева от него. В нем, в отличие от некоторых других языков, отсутствуют специальные суффик-

сы с данным значением. Для выражения интенсивной степени в коми языке имеется богатый фонд интенсификаторов. В их роли употребляются наречия типа *зэв* «очень», *ёна* «очень» и т. п., а также другие классы слов: существительные, частицы, числительные *сё* «сто», *сизим* «семь» и некоторые другие, междометия, подвергшиеся синтаксической транспозиции. Они указывают на то, что качество предмета превышает норму. Прагматическая роль интенсификаторов является двойкой: они усиливают иллюкативные силы воздействия на адресата и одновременно снижают категоричность высказывания путем подчеркивания его субъективной стороны» (Вольф 2002: 114). Следует отметить, что интенсификаторы употребляются преимущественно с прилагательными, занимающими позицию предиката, поскольку именно в предикативной функции прилагательное способно выражать оценочные смыслы.

В современном коми языке для выражения усилительного значения широко представлены различные заимствования из русского языка, вполне адаптировавшиеся к условиям коми языка. Весьма любопытным является использование в коми диалектах словоформы *черессюлу*, *черессюлы* «чрезмерно, слишком» со значением интенсификации качества. Она образована на основе десемантизированной предложно-падежной формы *через силу*, заимствованной из русского языка. Употребляясь в препозиции к прилагательному, лексема полностью изменила свое первоначальное значение и грамматические свойства. Если в русском языке существительное с предлогом указывает на способ совершения действия, сочетается с глаголами (*работать через силы*) и не сочетается с именами прилагательными, то в коми диалектах — наоборот. Сема «делать что-либо сверх нормы, приложить сверх усилия» послужила основой переосмысления и формирования словоформы, расширения ее синтаксических связей. Вероятно, словоформа первоначально также использовалась в глагольных сочетаниях (*уджалö через силу* «работает через силы»), затем значение было переосмыслено, сочетательные возможности расширились, словоформа начала употребляться и с прилагательными, в значении интенсификаторов прилагательных.

Сочетание данного интенсификатора с прилагательным удалось обнаружить в крайних южных — верхнесыольском и лузско-летском — и северном — печорском — диалектах коми языка: *Ейыс черессюлы госа* (ОКЗР 1971: 136) «Мясо слишком жирное (букв. через силы жирное)»; вс. *Пöрысь батькöд пондiм туй кузя кайны. Черессюлу кузь бöжса коткö петiс, гöрдыд быдсöн. Мутыс мунö бöжыс* (Жилина 1975: 263) «Со старым отцом начали подниматься по дороге. Кто-то выбежал с очень длинным (букв. через силы длинным) хвостом, весь красный. Хвост (его) тянется по земле»; *черессюлы ыджыд* (ССКЗД 1961: 408) «чрезмерно большой»; *черессюлу ыджыд*

(Жилина 1985: 253) «чрезмерно большой»; **черессюлу кӱдзыд** (Сахарова и др.1976: 109) «Очень холодно, очень холодный». Писателями-носителями южных диалектов данный интенсификатор вводится и в произведения художественной литературы, при этом сочетается как с именами прилагательными (а), так и с наречиями (б): (а) *А Улдзиас вотӱдз на черессюлы мича да паськыд ягъяс сулавлӱмаӱсь, мян батъяс на бура пӱрӱдчылӱмаӱсь сӱнӱ* (Торопов 2003 III: 661) «А не доходя до Улдзи были когда-то чрезвычайно красивые и широкие сосновые боры, наши отцы еще там занимались лесозаготовками»; *Менам черессюлу ёна коддзыссьӱма да мунсьӱма поп ордӱ байтышитны...* (Торопов 2003 I: 325) «Я сильно опьянел (букв. у меня чрезмерно сильно опьянелось) и пошел, оказывается (букв. ушлось), к попу побеседовать».

Для ижемского диалекта характерно употребление заимствованного из русского языка существительного *ватага* «очень (букв. ватага)», которое утратило своё первоначальное значение, перейдя в разряд интенсификаторов со значением «очень»: *ватага ыджыд* «очень большой», *ватага ён* «очень сильный», *ватага том* «очень молодой» и т. п.». В настоящее время оно полностью грамматикализовано. Сочетательные возможности данного слова в ижемском диалекте существенно расширились. Кроме значения «очень» оно выражает значение «много», сочетаясь при этом с именами существительными: *ватага во олӱ Ухтаын* «Много лет живет в Ухте».

Полностью грамматикализовавшись, оно может выражать значение «много, большое количество чего-нибудь» и сочетаться с именами существительными и даже с глаголами: *ватага кыы ог пӱнимайт* «много слов не понимаю», *ватага гижим* «много писали» (Сахарова, Сельков 1976: 134). Лексема *ватага* встречается и в других коми диалектах, к примеру нижневычегодском и удорском, в которых она сочетается с некоторыми существительными и имеет значение количества: *ватага йӱз вӱлі* «было много народу», *ватага народ волісны* «много народу приходило», *ватага во* (Сорвачева, Безноскова 1990: 125) «много лет». В этих случаях исходное значение слова — «большая, шумная компания, группа людей (обычно о молодежи, детях); гурьба (Да тут их целая ватага); стадо животных, стая птиц (Закаркав, отлетела ватага черная ворон) (ССРЛЯ 1991: 40) — уже стерлось. Однако в произведениях современной коми художественной литературы удалось обнаружить примеры на использование слова в его исконном значении: *Со мый ыджда ватага жӱдӱдӱ дзирья ӱдӱӱс водзас* (Куратова 1995: 106) «Вот какая большая ватага слоняется перед калиткой»; *Кӱмтӱм кока ватага, ми лӱням, да зыралам кымӱснымӱс, думайтам-корсям* «ан» *вылӱ помасян кыв* (там же: 106) «Босоногая ватага, мы умолкаем, и потираем лбы, думаем, подбираем слово, оканчивающееся на «ан».

В южных диалектах коми языка в роли интенсификатора часто используется слово *стрась* «очень»: *Мунас, мунас — шор локтас, посыс стрась омоль* (Жилина 1975: 259) «Идет-идет — навстречу ручей попался, мост очень (букв. страсть) плохой». Из северных диалектов оно отмечено лишь в печорском: *страсьт ыджыд* (Сахарова и др. 1976: 29) «очень большой». В печорском диалекте зафиксирован фонетический вариант этого слова с выпадением первого согласного: *трасьт* «очень», что объясняется фонетическими законами коми языка, в соответствии с которыми в начале слова не может быть два и более согласных: *трасьт няйт* «очень грязный». Данная лексема в значении усилителя в сочетании с глаголами зафиксирована и в произведениях художественной литературы: *Степан страсть эз радейт пияныслысь норасьом* (Юхнин 1981: 88) «Степан очень не любил жалобы сыновей». Широкое употребление интенсификатор *стрась* «очень» имеет в диалектах коми-пермяцкого языка: *Тятюё мяян стрась стрөгёй вёи* (Кривошекова-Гантман, Ратегова 1980: 29) «Отец наш очень строгим был»; *Оёмась-вёёмась коркё инька да мужик гозья. А инькаыс стрась эд ас ныра вёём* (Там же: 29) «Жили-были муж и жена. А жена очень своенравная была»; *А нылён вёлісё стрась лёк поннэз* (Оласё 1990: 26) «А у них были очень злые собаки»; *Видзётан-керан да тиакъя шыд пуыштан. Сіа кёсвуннас стрась бур* (Кривошекова-Гантман, Ратегова 1980: 21) «Подумаешь и грибной суп сварить. Он в пост очень хорош»; *Страсть съёкыд вёлі уджыс* (Пономарева 2002: 110) «Очень тяжелая была работа»; *Страсть колана* (там же: 110) «Очень нужный». В качестве усилителя признака слово зафиксировано также в нижнечепецком говоре удмуртского языка (Кельмаков 1998: 132).

Слово *стрась* представляет собой заимствование из русского языка, в котором имеет несколько значений: I.1. бездна, пропасть, тьма, множество, сила, ужас что, ужас как, весьма, сильно, крайне, страх много, страшно сильно (*У них денег страсть. Страсть как больно*) (Даль 1982: 336); II.1. сильное чувство, с трудом управляемое рассудком; 2. сильная увлеченность чем-либо; отдача всех своих душевных сил какому-либо делу, занятию; 3. сильная любовь с преобладанием чувственного влечения; III.1. ужас, страх. Оно употребляется и в значении наречия «очень, крайне, чрезвычайно» в сочетании со словом «как», «какой», «сколько»: *страсть как, страсть какой, страсть сколько*, например: *Да, брат, плоха крестьянская жизнь, страсть плоха*, и говорить нечего. Дело это потребовало *страсть* какого умения (СРЯ 1988: 282). Как видно, в диалекты пермских языков слово было заимствовано в последнем значении, а затем было специализировано для выражения степени качества прилагательных.

Любопытным является переосмысление значения русского существительного *беда* «беда». В ижемском диалекте и отдельных говорах удорского диалекта произошла полная десемантизация этого слова, которое употребляется для выражения высокой степени качества прилагательных. Оно имеет широкие сочетательные возможности: *беда ён* «очень сильный», *беда ыджыд* «очень большой», *ваыс беда нюзесь* «вода вся в тине (букв. очень тинистая)» (ССКЗД 1961: 19; Сахарова, Сельков 1976: 59; 188); *беда мича* «очень красивый» (Сорвачева, Безносилова 1990: 113). В ижемском диалекте наблюдается употребление этого слова в сочетании с безлично-предикативными словами и наречиями: *беда съёкта ооны* «очень тяжело жить»; *беда ёдде мунны* «очень быстро идти» (Сахарова, Сельков 1976: 103). Такие конструкции встречаются и в произведениях художественной литературы, причем в языке писателя — выходца из южных регионов республики: *Абу жё, тыдалё, ёти сикаса колхозьясыд, Митрей Олексеевич. Кольём воясё мянё батыд воylvлiс да беда лёкён висьтавлiс* (Юхнин 1983: 120) «Колхозы, Дмитрий Алексеевич, все же, видимо, не одинаковые. В прошлые годы к нам отец (твой) приходил и очень плохим называл». Вероятно, интенсификатор встречается и в южных коми диалектах, поскольку имеется в мысовско-лупьинском диалекте коми-пермяцкого языка: *беда шаньёсь старикыс да старукаыс вёисё* «очень хорошими старик со старухой были»; *беда бур свадьбаыс вёли* «очень хорошая свадьба была» (Пономарева 2002: 110), а также в нижнечепецком диалекте удмуртского языка (Тепляшина 1970: 170; Кельмаков 1998: 132).

Такая грамматикализация характерна и для диалектов русского языка. Лексема *беда* в значении наречия «очень» функционирует в русских говорах Пермского края. Она также используется в сочетании с прилагательными с целью усиления признака, качества предмета: *Эта кошка беда ловучая* (т. е. хорошо ловящая), *всех мышей переловила* (СРГ 2006: 140); Она мне беда любая (любая, т. е. дорогая) (Там же: 149); *По заднице вертихвостнул девку парень-от, она побежала от овина — ой, мужик беда злой попадёт!* (Там же: 60); *Я беда старая — уже две судьбы пережила* (Там же: 233); *Ему зарно (т. е. завидно), беда девка красивая, охота бы посвататься* (Там же: 104). В русском языке, в отличие от коми, слово со значением интенсификации может располагаться и справа от прилагательного: *Резкая (т. е. активная) беда собака была, потерялася. И зайцев гоняла, и на белку, хоть куда* (Там же: 210); *Теленок вовсе справку не взял, худой беда* (Там же: 63). В русских диалектах сочетательные возможности слова *беда* в усилительном значении более широкие. Оно используется в сочетании и с наречиями, безлично-предикативными словами, глаголами: *Робенок-от беда хорошо постарался — от штанов-то на ногах токо бомки (т. е. лохмотья, от-*

репья) остались (Там же: 51); *Жили беда худо, лишь бы только душу содержать, ниче не покупали* (Там же: 225); *Идти беда тяжело, сумятица (т. е. сырая погода), снег сырой* (Там же: 233); *Раньше в реке-то щуки только кипели, беда много были* (Там же: 119); *Душиничка (комнатное растение с голубыми цветами, приятным запахом мяты) — та беда баско цветте и пахнет сладко* (Там же: 92); *Жарко беда, вдыхать нечем даже* (Там же: 59); *Которы с порчами, беда маются. Порчу трудно вывести у человека* (Там же: 112); *За речкой, там беда горкат (т. е. гремят), даже страшно* (Там же: 78).

В диалектах коми языка в роли интенсификаторов прилагательного представлено и заимствованное из русского языка слово *смоль* в значении «слишком, чрезмерно» (в удорском диалекте — фонетический вариант *смӧль*). Оно сочетается с цветообозначающим прилагательным *сьӧд* «черный». В самом русском языке само слово *смоль* имеет значение «черная смола // чернь, чернота; смоль, смолье, смольный» (Даль 1982 IV: 236), «смоль / черный как смоль — очень черный и блестящий (обычно о волосах или человеке с такими волосами)» (Ожегов 1988: 600; СРЯ 1988 IV :157): *Борода как смоль, Волосы черны как чернь смоль*. Семантика «очень черный, чернь» послужила основой для развития значения интенсификации в коми языке. В коми языке, как и в русском, лексема *смоль* употребляется в сочетании с прилагательным *сьӧд* «черный», при этом само сочетание *смоль сьӧд* «чрезмерно черный (букв. смоль черный)» используется не только с существительными *юрси* «волосы», *тош* «борода», но и *син* «глаза», а также и с некоторыми существительными, называющими животных, птиц: *Вильыш тӧв летйӧ сылысь смоль сьӧд кудрисӧ* (Куратова 1974: 5) «Озорной ветер треплет ее черные, как смоль, кудри»; *А матыстчис да стрӧга юалис (...)* *смоль сьӧд уска-тошка, но абу на пӧрысь мужичӧйлысь: — Кто таков? Откуда?* (Шахов 1999: 218) «А подошел (он) и строго спросил у еще не старого мужчины с черными, как смоль, усами и бородой, — Кто таков? Откуда?»; *Нырыс Мишкалӧн гӧрбакодъ (...), чорыд да смоль сьӧд юрсиыс кывзысьтӧм* (Юхнин 1981: 34) «Нос у Мишки с горбинкой (...), жесткие и черные, как смоль, волосы непослушные»; *Вылис уличаын паныдасис Прокӧ Митълӧн смоль сьӧд лайкаыс* (Напалков 2000: 71) «Наверху улицы навстречу попалась черная, как смоль, лайка Проко Мити»; *Пуксис пу вылӧ гӧрд синъяса, смоль сьӧд гӧна тар* (Коданев 2001: 108) «Сел на дерево черный, как смоль, тетерев с красными глазами»; *Смоль сьӧд синъяса, мугӧм синъяса, кузь ныра, ачыс косӧдиник, невиджыд туша, збой да тӑрыб, сийӧ пыр гажа* (Изьуров 1980: 16) «С черными, как смоль глаза, смуглолицый, длинноносый, худенький, небольшого роста, смелый и проворный, он всегда весел».

Для выражения абсолютной степени качества в ижемском диалекте получило распространение такое слово с усилительным значением, как *туч* «совсем, совершенно». Лексема *туч*, вероятно, является заимствованием из русского языка, в котором слово *туча* (*тукъ, тучный*) имеет следующее значение: «что-либо огромное, пухлое, тучное, громоздкое, объемистое, рыхлое, составное, сборное; куча: стога, скирды тучами стоят. Трава в лугах туча тучей. Туча пыли, саранча тучами несется» // Огромное множество, пропасть, бездна, говорят о подвижном, толпе (туча народу или войска, белка кочует, валит тучей) (Даль 1982 IV: 444). Сема «огромное множество, пропасть, бездна» у слова *туча* вполне могли служить основанием для развития кванторного значения, для приобретения им значения абсолютной степени качества в коми диалекте: *туч съöd* «совершенно черный», *туч гöрд* «совершенно красный» (Сахарова, Сельков 1976: 59).

На то, что предмет определенным качеством, свойством охвачен полностью, т. е. на абсолютную степень качества, указывает наречие *шнич* (уд. *шнички*, вым., иж., лл. *сьнитки*, нв. *сьнит* (ССКЗД 1961: 431), вс. *шник* (Жилина 1975: 249), печ. *сьнич* (Сахарова и др. 1976: 99) «совсем, совершенно, абсолютно». Оно употребляется, как правило, с прилагательным *вьль* «новый», редко — с другими прилагательными: *шнич коми* «совсем коми». С прилагательным *вьль* «новый» употребление этого интенсификатора является регулярным и частотным: *Öни кутан шнич вьль костюмön сиктад тапкасьны* (Попов 2001: 212) «Сейчас будешь по селу ходить в совершенно новом костюме»; *Югъялан сапöгъяса (...), шнич вьль турунвиж кителя, сöмын погонтöм вöли Емельыс* (Юшков 1979: 75) «В блестящих сапогах (...), абсолютно новом зеленом кителе, только без погон был Емеля».

Лексемы *шнич*, *шнички*, *сьнитки*, *сьнит* и т.п. представляют собой фонетические варианты словоформы *с нитки*, *до нитки*, заимствованной из русского языка. Достаточно сильные фонетические изменения в коми языке свидетельствуют о том, что в коми язык эта форма вошла достаточно давно. В русском языке фразеологизм *до нитки* имеет следующие значения: 1. Абсолютно всё, до последней вещи (спустить, проиграть, обобрать, пропить и т. п.); 2. прост. Подробно, основательно, вплоть до мелочей (рассказать, разобраться, понять). *До /последней нитки/* — «насквозь, совсем (промокнуть, вымокнуть, вымочить): Он был в сапожках, как и отец, и в промокшем до нитки зипунишке, мы начали зябнуть» (ФСРЯ 1986: 279).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Вольф 1978 — Вольф Е. М. Грамматика и семантика прилагательного. М.: Наука, 1987. 200 с.

Вольф 2002 — Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. 2-е изд., доп. М.: УРСС, 2002. 261 с.

Даль 1982 IV — Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Русский язык, 1982. Т. IV. 683 с.

Жилина 1975 — Жилина Т. И. Верхнесысольский диалект коми языка. М.: Наука, 1975. 267 с.

Жилина 1985 — Жилина Т. И. Вымский диалект коми языка. Сыктывкар: Пролог, 1985. 271 с.

Кельмаков 1998 — Кельмаков В. К. Краткий курс удмуртской диалектологии : учебное пособие для вузов. Ижевск: Изд-во Удмуртского ун-та, 1998. 385 с.

Кривошекова-Гантман, Ратегова 1980 — Кривошекова-Гантман А. С., Ратегова Л. П. Коми-пермяцкие говоры. Пермь, 1980. 69 с.

Ожегов 1988 — Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. 20-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1988. 750 с.

ОКЗР 1971 — Образцы коми-зырянской речи / под ред. Д. А. Тимушева. Сыктывкар, 1971. 311 с.

Пономарева 2002 — Пономарева Л. Г. Фонетика и морфология мысовско-лупьинского диалекта коми-пермяцкого языка : дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2002. 207 с.

Сахарова и др. 1976 — Сахарова М. А., Сельков Н. Н., Колегова Н. Н. Печорский диалект коми языка. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1976. 151 с.

Сахарова, Сельков 1976 — Сахарова М. А., Сельков Н. Н. Ижемский диалект коми языка. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1976. 288 с.

Сорвачева, Безносилова 1990 — Сорвачева В. А., Безносилова Л. М. Удорский диалект коми языка. М.: Наука, 1990. 283 с.

СРГ 2006 — Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа. Пермь, 2006. 272 с.

СРЯ 1988 IV — Словарь русского языка / ред. А. П. Евгеньева. 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1988. Т. IV. 796 с.

ССКЗД 1961 — Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов / под ред. В. А. Сорвачевой. Сыктывкар, 1961. 489 с.

ССРЛЯ 1991 — Словарь современного русского литературного языка. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Русский язык, 1991. Т. I. 864 с.

Тепляшина 1970 — Тепляшина Т. И. Нижнечепецкие говоры североудмуртского наречия // Записки Удмуртского НИИ истории, экономики, лит-ры и языка. Вып. 21. Филология. Ижевск, 1970. С. 156–196.

ФСРЯ 1986 — Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. 4-е изд. М.: Русский язык, 1986. 543 с.

Источники

Изьюров 1980 — Изъюров И. Салдатлӧн туй. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1980. 191 с.

Куратова 1974 — Куратова Н. Радейтана, муса. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1974. 176 с.

- Куратова 1995 — Куратова Н. Аддзысьлам на тшук. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1995. 239 с.
- Коданев 2001 — Коданев И. Шувгы, муса пармай. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2001. 135 с.
- Напалков 2000 — Напалков В. Чолём и прёщай. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2000. 319 с.
- Оласё 1990 — Оласё да вёласё. Коми-пермяцкёй сказкаэз, легендаэз, преданнёэз, сказзэз, быличкаэз, висьтассэз. Кудымкар: Пермское кн. изд-во, 1990. Т. I. 366 с.
- Попов 2001 — Попов А. Чудь мыльк. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2001. 287 с.
- Торопов 2003 I — Торопов И. Куим небөгö öтувтём гижöd чукöр. 2003. Т. I. 675 с.
- Торопов 2003 III — Торопов И. Куим небөгö öтувтём гижöd чукöр. 2003. Т. III. 687 с.
- Шахов 1999 — Шахов Б. Овлісны-вывлісны. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1999. 541 с.
- Юхнин 1981 — Юхнин В. Алöй лента. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1981. 456 с.
- Юхнин 1983 — Юхнин В. Дінгёльса вөрпункт. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1983. 174 с.
- Юшков 1979 — Юшков Г. Ловья лов. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1979. 527 с.

О НЕКОТОРЫХ МОДЕЛЯХ ДИМЕНСИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ С АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКИМ ЭТАЛОНОМ В КОМИ ЯЗЫКЕ

ABOUT SOME MODELS OF DIMENSIONAL CONSTRUCTIONS WITH AN ANTHROPOCENTRIC STANDARD IN THE KOMI LANGUAGE

В статье рассматриваются некоторые конструкции размера (дименсивные конструкции), с помощью которых в коми языке обозначаются различные физические параметры объектов: высота, длина, ширина, размер, величина, глубина, расстояние. Показано, что компонентом описываемых конструкций могут быть соматизмы, выступающие «антропоцентрическим эталоном»: ноготь, палец, ладонь, кулак, глаза, уши, человек, голова и т. д., образующие сочетания с параметрическими именами, параметрическими послелогам, некоторыми ИГФ (именными глагольными формами): причастиями, герундиумами, деепричастиями.

Ключевые слова: *размер, дименсивная конструкция, соматизм, антропоцентрический эталон, коми язык, коми-пермяцкий язык, параметры.*

The article deals with some size structures (dimensional structures) with the help of which various physical parameters of objects are indicated in Komi and Permian Komi: height, length, width, size, depth, distance. It has been shown that the component of the structures described can be somatism, acting as an “anthropocentric standard”: nail, finger, palm, fist, eyes, ears, human, head, etc., forming combinations with parametrical names, parametrical postlogues, some IGF (nominal verb forms): participles, gerunds, deprivents.

Keywords: *size, dime structure, somatism, anthropocentric benchmark, Komi language, Permian Komi language, parameters.*

Одним из важных свойств объектов окружающего мира является размер, языки мира по-разному определяют этот параметр. Размер – это физическая характеристика объектов реального мира, но, как и многие другие пространственные свойства, эта категория отражается в естественном языке иначе, чем в языке науки [17, с. 4]. Объекты и предметы, наполняющие пространство, мы воспринимаем одновременно с их внешними свойствами, и в первую очередь — с их размерами — количественными физическими параметрами <...>. В научном познании важны все более точные измерения количества, и потому единицы, шкалы, приборы, соотношения между параметрами одного и того же предмета, ср. масса и вес, скорость и расстояние; здесь измерение и количественная оценка означают одно и то же

— численную квантификацию, в идеале никак не зависящую от человека. Практический опыт, напротив, соотносит количество не столько с точной шкалой, сколько с жизненными ситуациями, и поэтому здесь оценка количества психологизируется, субъективируется и превращается в аксиологизацию. Практическое, донаучное сознание пользуется не столько точными цифровыми данными, сколько, в некотором роде, их оценочными аналогами. В обыденном сознании количество «опредмечивается», а не исчисляется, оценивается, а не измеряется, и потому окрашивается психологическим отношением к нему» [14, с. 108]. Научный и языковой подход описания размера различаются, в языке используется «наивное» (термин Ю. Д. Апресяна), или «обывательское» (термин Л. В. Щербы), понимание вещей, отношений между ними, а также явлений и процессов [17, с. 10].

В коми языке исследование семантических категорий (например, категорий пространства, времени и т. д.) представляет широкое поле для исследователей. В настоящей работе внимание обращено к моделям дименсивных (или размерных, от лат. *dimensio* «обмер, измерение») конструкций, включающих антропоцентрический эталон, в том числе образованных с помощью ИГФ (именных глагольных форм) — глагольных конструкций. Они, на наш взгляд, представляют интерес, так как отражают особенность коми языка в выражении размера.

По замечанию А. Мёль (со ссылками на Ю. Д. Апресяна, В. Г. Гака, С. Ю. Семенову), «в наивно-языковой картине мира части тела нередко выступают своего рода мерами-эталонами при описании размеров объектов и измерении расстояний между ними. Размер и расстояние от точки А до точки В — две основные области применения антропоцентрических мер. Зачастую мы производим операции сравнения и оценки размера навскидку, беря за основу бытующее в языке представление о некоем среднем размере соответствующей части тела или ссылаясь на общие физические параметры, такие как средний *рост* и средний *объем* тела человека [12, с. 209]. Ср.: *траншея глубиной по пояс / грудь и т. п.; макияж толщиной в полпальца; встать на ширину плеч*. В качестве единицы измерения могут также выбираться элементы, восходящие к действиям, осуществляемым человеком: *в двух шагах, в два обхвата, рукой подать* и пр. [3]. Части или формы тела выступают единицами измерения, или так называемыми «антропоцентрическими ‘эталонами’» [15; 10, с. 475]. Эталонные объекты (части тела, животные, природные объекты, в частности плоды, а также артефакты) — инструменты для антропоцентрического измерения величины конкретных предметов в наивной картине мира. Наиболее естественными инструментами измерения для человека являются его руки и части руки (палец, ноготь, ладонь, локоть), а наиболее естественными объектами измере-

ния — объекты, меньшие человека или сравнимые с ним по величине [18, с. 4–5; 7]. Соматическая лексика (от греческого *soma* «тело») — одна из универсальных лексических групп в любом языке и самый распространенный объект исследования в сравнительно-исторических, лингвокультурологических работах отечественных и зарубежных лингвистов, которые обычно выделяют эту лексику первой в лексико-тематической системе любого языка. Соматизмы — имена существительные с исходным значением частей тела человека или животного [1, с. 6]. Антропоцентричны в коми языке такие единицы измерения как **юр** 'голова (*единица счёта скота*)'; **лов** 'голова (*единица счёта*), букв. душа, человек', **весьт** уст. пядь (*мера длины, равная расстоянию между вытянутыми большим и указательным пальцами*); четверть аршина (примеры из: [8]). В финно-угроведении соматизмы часто привлекают внимание специалистов, исследующих фразеологию, например Ф. Вакка *Somaatiline fraseologia kaasaja eesti kirjakeeles* («О соматической фразеологии в современном эстонском литературном языке») (1964); Э. С. Якимова «Соматическая фразеология в марийском языке» (1975), А. Н. Карманова анализировала соматическую лексику в составе фразеологизмов коми языка [4; 5], О. А. Гагарина посвятила главу диссертационной работы фразеологическим единицам с наименованием частей тела человека и животных (соматическим ФЕ) [2].

Параметрические прилагательные коми языка типа *ичёт* «маленький», *ыджыд* «большой», *посни* «мелкий», *гырысь* «крупный» и т. д. исследованы В. М. Лудыковой с точки зрения лексической сочетаемости и синтаксических возможностей [9]. В частности, исследователем отмечается, что «параметрические прилагательные в роли атрибута свободно сочетаются с существительными, называющими как природные объекты, так и артефакты, имеющие четкие границы. Все они характеризуются определенными размерами: **Ыджыд самоварён чай пудёиснї** (Сажин) «Большим самоваром чай вскипятить»; **Гырысь õшинъясыс бура югдөдиснї пытшкөсса жыръяссö** (Напалков) «Большие окна хорошо пропускали свет во внутренние комнаты». Ограниченными являются сочетания подобных прилагательных с отвлеченными существительными, называющими не конкретные предметы, а абстрактные понятия. Причем существительные типа *озырлун* «богатство», *неминуца* «неприятность, горе», *мыж* «вина», *вын* «сила» и т. п. принимают в качестве своего распространителя лишь прилагательное *ыджыд* «большой», но не антонимическое *ичёт* (*дзоля*) «маленький» [9, с. 221].

Параметрическая составляющая заложена в падежных формантах со значением предела в коми — у терминатива на *-төдз* (коми и коми-пермяцкий язык) и альтитерминатива на *-ви* (коми-пермяцкий язык): «Не смотря на разную трактовку суффикса *-ви*, в каждом случае отмечается его

семантическое отличие от суффикса *-ödz*: суффикс *-ви* указывает на пространственный предел только на вертикальной оси: *Асывко косви пырис муас* «Асывко по пояс провалился в землю» (Перем) <...> Альтитерминатив sporadически употребляется в контекстах, описывающих ситуацию невертикальной направленности движения, когда актуализируется параметр ширины. В этом случае он конкурирует с терминативом. Ситуация описывается предикатами со значением «покраснеть», «улыбнуться», «расширять, расширить»: *Повны Гришалö немись, а вот эстön öшис, гёрдöдiс пеллесви* «Бояться Грише нечего, а вот растерялся, покраснел до ушей» <...> [11, с. 203–204]. Г. А. Некрасова отмечает, что терминативные падежи различаются также в сочетании с существительными. Показатель альтитерминатива допускают существительные, обозначающие части тела (кос «пояс», пель «уши», син «глаза», пельпон «плечо», голя «шея», синкым «брови», дзулля «щиколотка», пидзöс «колени», морос «грудь», гырэдзза «локоть», пята «пятки»), вертикально ориентированные предметы и их части, преимущественно верхние (керку «дом», вевт «крыша», матица «матица», рама «рама»), части целого (джын «половина», дор «край»). Параллельно с отмеченными существительными используется суффикс терминатива, но по частотности доминирует альтитерминатив. В коми-пермяцких текстах он употребляется в два раза чаще [11, с. 205].

Для описания таких физических параметров, как *высота*, *длина*, *ширина*, *глубина*, *толщина*, *расстояние* предметных и непредметных имен окружающего мира, а также их *размера* и *величины*, используются конструкции, эксплицитно называющие эталон сравнения, или меру [10, с. 475]. В коми языке конкретные параметры обозначают лексемы — параметрические имена: *высота* — к. *ылна*, *джуджда*, *судта*, кп. *выв*, *выл*; *длина* — к. *кузта*, кп. *кузь*; *ширина* — *пасьта*, от (ширина ткани, полосы чего-либо), кп. *вомлöс* (ширина ладони, используемая как линейная мера), *паськыдлун*; кп. *паськыт*; *толщина* — к. *кыза*, *кызталун*, *вöсня*, *судзмöн* (пу *кызтаыс сывйöн судзмöн* «толщина дерева в (один) обхват»), кп. *кыз*; *глубина* — к. *джуджда*, *пыдна*, кп. с. *пыд* (Рогов, 227), *пыдына*; *расстояние*, *дальность* — к. *ылна*. кп. *ылына*, *иньв.* *ыына*, *ывына*. Антропометрический эталон включается в различные дименсивные конструкции с данными лексемами, например, при указании высоты, вертикального уровня (также и в метафорическом значении) — *ылнаö*, *расстояния*, *дальности* — *ылнаö* — это может быть человек (*морт*) в различных статусах, мифологическое существо (может заменяться местоимением), животное, нос (*ныр*), глаза (*син*), пель (*ухо*), кп. (*рука*), голова (юр). Примеры конструкций (с *ылна*, *ылнаö*):

Существительное-эталон + параметрическое имя в падежной форме (*ылнаö*, *ылнаö*): *Морт лов ылнаö пуктiсны да пуктöны ывла вывсö*

уна коми гижысь [43] «На высоту человеческого духа возвели и возводят природу многие коми писатели»; *А индейскöй петук, кодi рöдитчис шпора кокъясöн да сы вöсна пуктылис асьсö император вылнаö, зэвтчис...* [21] «А индейский петух, который родился со шпорами на ногах и поэтому возводил себя в императоры, напрягся»; *Ньöти мортöс на эн вермы бöрддзöдлыны, а ме вылнаö пуксян* [66] «Ни одного человека еще не сумел заставить плакать, а на мой уровень метишь (букв. садишься на одну высоту со мной)»; *Сиктыд тшыгылы оз кув, но карыс мый думайтö, кор техника вылас донсö кыпöдiс лешакыс вылнаö...* [25] «Село с голоду не умрет, но город о чем думал, когда поднял цены на заоблачную высоту (букв. до лешего)»; *А дадь нырным вылнаö кыпöдчис,..* [39] «А сани на уровень носа взлетели».

Существительное-эталон + параметрическое имя (джуджда, судта) + параметрическое имя в падежной форме (вылнаö, ылнаö): *Сийöс вöчöма пукяс вылö мусянь морт судта вылнаö* [63] «Он сделан на деревьях на уровне человеческого роста от земли (букв. на высоте высоты человека)»; – *Микальöн, – шуö Сандыр, да мед гөгөрвоис вокыс, öшöдлö ки пыдöссö Микаль джуджда вылнаö* [23] «– У Микаля, – говорит Сандыр, и чтобы брат понял, задерживает свою ладонь на высоте роста Микаля».

Причастие, причастный оборот, герундиум, включающий антропоцентрический эталон (син, пель, ки, юр) + параметрическое имя в падежной форме (ылнаö, вылнаö): <...> *уна тоннаа көрт пакетъяс ковмылис лэптыны юр бергöдчан вылнаö прöстöй лебедкаясöн* [26] «Многотонные железные пакеты приходилось поднимать на головокружительную высоту»; *Бур вöралысь некор оз босьт йöзлысь прöмыс, казялас кө йöз налькыйысь зверöс, мынтöдö сийöс да лэптö тыдаланаинö, ручлы, шырлы шедтöм вылнаö* [54] «Настоящий охотник никогда не заберет чужой промысел, если обнаруживает в чужом капкане зверя, вытаскивает его и поднимает на видимое место, на недоступный для лисы, мыши уровень»; *А енэжас синмөн тыдавтöм вылнаö качöдчöма колип да дугдывтöг сьылö...* [28] «А в небо взлетел соловей на недосыгаемую для глаз высоту и непрерывно поет»; *Тасянь киöн нюжöдчан ылнаын, асфальт туй сайын, кыз стенöн кыпöдчыштö том вөр* [53] «На расстоянии вытянутой руки отсюда, за асфальтной дорогой, мощной стеной поднимается молодой лес»; *Владимир Николаевич тубралис картасö, <...> сувтiс лызьяс вылас да öдийö кутiс шалскöдны синъясылы öдва судзяна ылнаын сулалысь кондаяслань* [49] «Владимир Николаевич скатал карту, встал на лыжи и быстро заскользил к соснам, растущим на еле видимом глазу расстоянии»; *А Тябö регыд пельöн кылана ылнаын и увтчис нин* [30] «А вскоре и Тябе, на слышном уху расстоянии, уже лаял»; *Синмөн аддзана ылнаын Анна да Лёша гөгөр бергалiс-торкаси*

[37] «Бегал-мешался вокруг Анны и Лёши на расстоянии видимости (букв. глазом видимом)».

(Числительное) + *сажень, шаг, воськов, весът, вершок, аршын, верст, сыв* + параметрическое имя в падежной форме (*вылнаӧ, ылнаын*): *Сталин насянь некымын воськов ылнаын* [48] «Сталин за несколько шагов от них»; *Тыыс бадь дорысь сыв ылнаын и вӧлі* [47] «Озеро от ивняка оказалось всего на расстоянии сажени».

Параметрическое имя (*вылнаӧ*) + придаточное предложение: *Сэні мианлы, со эатшӧм на войтырлы, – и Надежда Алексеевна петкӧдліс кинас джуджсянь сы вылнаӧ, мый ыдждаӧсь овлӧны вит-квйт арӧса челӧдь, – вӧлі ясыда тӧлкуйтӧны, мый позьӧ да мый – оз* [22] «Нам там, вот таким еще малышам, – Надежда Алексеевна показала рукой от пола на такой высоте, какого роста бывают пяти-шестилетние дети, – четко объясняли, что можно, а что — нельзя».

Конструкции размера, величины, физических параметров в коми языке могут представлять обороты с параметрическими знаменательными словами («параметрическими именами»), которые в данных конструкциях выполняют функцию сравнительных послелогов, употребляются в сопоставительном значении, с обозначением высоты: *судта, джуджда, вылна*; ширины: *насьта*, толщины: *кыза, кызта*, длины: *кузя, кузьта*; тяжести: *сьӧкта*, величины «ыджда», например, **высотой с:** *пуыс сарай джуджда дерево* «высотой с сарай»; **глубиной в:** *ваыс весът джуджда* «вода глубиной в пядь»; *дас метр джуджда юкмӧс* «колодец глубиной в десять метров»; *нитшкаингъясті лым лоӧма пӧшти весьтӧн-джыньӧн судта* «на поросших мхом местах толщина снега достигла почти полутора пядей» (примеры из: [8]), **кень кыза** «тонкий, тоненький (букв. толщиной с плёнку)», а также послеложно-именные обороты, например, для обозначения расстояния между предметами: *вий-* (*вийӧн, вийӧдз, вийысь* и т. д.), *выя*.

Антропоцентрические отглагольные компоненты **воськов** 'шаг' (от глагола *восълавны* — *шагать*), **шаг** «шаг», кп. *оськӧв, оськӧл* «шаг» [13, с. 404; 6, с. 298], **сыв** «обхват», **сывтыръя** «в обхват», **сыв кузя, сажения** «саженный», разг. **сажень кузьта, сыв кузя, сывъя** (**сыв** «сажень (2,13 м кузьта / длиной 2,13 м)» — буквально, столько, сколько может обхватить, объять человек руками — присутствует в конструкциях измерения расстояния, толщины и длины (**сыв** — сажень) в коми языке, в коми-пермяцком это **мерайтчан сыв** *усол*. «сажень» [6, с. 247], **сыв** «маховая сажень: **кык сажень кузя** длина, равная двум маховым сажням»; **сывтыр** «обхват, объятие» [6, с. 459]; в коми языке: **сывтыръя прил. пожӧм** сосна в обхват; *Архитектор Монферан веськӧдлӧм улын Сухановлӧн артель дасьтис, шьльӧдіс Вежа Исаакий соборлы сывйӧн судзмӧн сюръяяс*, <...> [67] «Под руковод-

ством архитектора Монферана артель Суханова подготовила, отшлифовала для Исаакиевского собора столбы (толщиной) в обхват»; *Мужичой дунтыр ноксис дача йёрас, кодйис гу: кык сыв кузъта, кык сыв пасъта да сывйён-джыныйён джуджда* [55] «Мужчина целый день провозился во дворе на даче, рыл яму: в две сажени длиной, две сажени шириной и полсажени глубиной».

Указание на толщину, величину выше нормы присутствует в послеложной конструкции с антропоцентричным компонентом *сой* «рука (от кисти до плеча)»: *сой кызта коса* «коса (женская) толщиной с руку», т. е. толстая, красивая коса, *сой кыза зэрё* «льет как из ведра, букв. идет дождь толщиной с руку»; а *пель* «ухо» – в выражении *кёч пель пасътаён лым усьё* «снег идёт хлопьями (букв. с заячьи уши)».

С соматизмом *ки пыдёс* «ладонь» можно привести такие дименсивные конструкции, как *ки пыдёс пасъта* «шириной (размером) с ладонь»: *ки пыдёс пасъта черинянь* «рыбник с ладонь»; *ки пыдёс пасъта места да шёрас розь, розяс ді (загадка)* «место с ладонь, посередине дыра, в дыре остров (отгадка томан / замок)» (примеры из КРС 2000); *Пёжны пуктёны ки пыдёс пасъта нель либё квайт кольк* [52] «Откладывают для высиживания четыре или шесть яиц размером с ладонь». Обороты с компонентом *ки пыдёс* могут подразумевать размер меньше нормы, маленький, небольшой размер: *ки пыдёс пасътаин* пятачок разг.; *А менам сійё ки пыдёс пасъта и эм* [60] «А он у меня всего то и есть что с ладонь (т. е. небольшого размера)»; *Сэсся пыр вочасён кутисны мир туй дорад пуксявны, ётарё и мёдарё выль керкаяс лэпталісны да мянлы дзикёдз тупкисны Эжватё — ёні весиг ки пыдёс пасъта нин оз тыдав* [46] «Затем постепенно стали селиться близ большака, здесь и там новые дома подняли, и нам совсем перекрыли Эжву – даже с ладонь уже не видно».

Длину, толщину, ширину в коми и коми-пермяцком могут показывать дименсивные конструкции с соматизмом *чунь* «палец»: кп. *чунь кузя* длиной с палец, продолжительностью с... [6, с. 199], *чунь кыза* толщиной с палец [6, с. 548], *Кызкё Гришаыс асывнас саймётё зонсё — киас чунь кыза шать, и синнэс вирдалёны* [59] «Как-то утром Гриша будит сына — в руке хворостина толщиной с палец, и глаза сверкают»; в коми-пермяцком языке выражение *чунь пасъта* «очень мало (например, о материале, ситце и т. д.)» [6, с. 548] скорее указывает на малое количество, а не ширину, как и *чунь ыжда абу* «нисколько нету (букв. даже величиной с кончик пальца нет)». В коми языке используются выражения *чунь кыза, чунь кызта, чунь вомлёс* «в палец толщиной» (*вомлёс* — ширина, расстояние, равное поперечнику или ширине чего-л.) [8]; *чунь вомлёс кызта* «шириной с палец»: *чунь кызта гартыштём чигарка* «цигарка, скрюченная толщиной с палец». Соче-

танием **чунь кузя** часто обозначают малую длину, малый рост (человека), при этом имплицитно может подразумеваться и малый возраст, например кп. **чунь кузя токо эшö зонмыс, а отсалö нин аймамлö** «сын еще маленький (букв. с палец), а уже помогает родителям» [6, с. 199], для передачи значения «малый размер», «малый рост», «маленький» в конструкциях используется также не палец (любой) — **чунь**, а конкретно мизинец — **чаль чунь**, **чаль** — самый короткий палец на руке человека: **Чаль чунь ыджда ныв да пиян Лун-вой кыскисны тай сийöс** [33] «(Плыло полено по речке), Поймали его человечки. (Взвалили полено на плечи), Несли целый день и весь вечер». Амбивалентный характер заметен в значениях конструкций с соматизмом кп. **чуньпон** «кончик пальца» — **чуньпон ыжда** (например, об очень крупных ягодах, очень мелких плодах) [6, с. 548], выражающих крупный и мелкий размер (обычно плодов, ягод), зависящий от того, что определяется, измеряется. В разговорном языке можно встретить выражение **ситан пасьта**, где **ситан** обозначает «зад (*задняя часть тела*), седалище», которое применяется для обозначения маленьких по размеру, узких по ширине мест, предметов, в которых или на которых неудобно находиться, сидеть, обычно это помещения или стулья: **ситан пасьта жыр** «маленькая (букв. шириной с зад) комната», **ситан пасьта джек** «маленький (неудобный, узкий), букв. шириной в зад, стул».

При указании величины (кп. ыжда, к. ыджда) востребованы соматизмы **гыж** «ноготь», **юр** «голова», **кабыр** «кулак» с послелогом **ыджда** «величиной с»: **гыж ыджда** — величиной с ноготь; **кабыр ыджда** — величиной с кулак; **капуста мачьясыс юр ыдждайсь нин** — кочаны капусты уже большие, величиной с голову; **Сьöд гыж ыджда ог эскы** — ни капли не верю. «**Гыж ыджда**» обычно указывает на малую величину, «юр ыджда» — на большую величину: «**Вузалысь мый тэныд сетис? — Зарни тор, вöв юр ыджда**» [32] «Продавец тебе что дал? — Кусок золота, размером с лошадиную голову».

К дименсивным конструкциям в коми языке, несомненно, можно отнести сочетания, образованные на базе некоторых ИГФ (именных глагольных форм), что представляет своеобразие коми. С помощью именных форм, производных от глаголов **тöрны** 1. вмести́ться; поместиться, уместиться, уложиться, войти; 2. влезть, пролезть, пройти; **аддзыны** 1. *перех. неперех.* видеть, увидеть; **судзны** 1. доставать, достать *до чего-либо*; дотягиваться 2. обхватить, охватить — образованы конструкции размера, объема, расстояния [8]. Статус отглагольных форм в конструкциях определяется как герундиум — причастно-деепричастная форма в коми языке (**тöрмöн, тöрмöна, судзмöн, судзмöна, аддзымöн**), деепричастие (к. **тöриг**, кп. **тöрик**), причастие (к., кп. **тöран**, к. **тöрана**), формы могут сочетаться с послелогом на

вый- (*выя, выйö*) или **мында**. В коми языке герундиум (на *-мön*) обозначает меру и степень действия («сколько», «в какой степени»), заключая в себе семантику количественности, потенциального действия, например **öтчюд ваймön турун** «трава, достаточная для привоза в одну ходку».

Относительно образования метрических и параметрических единиц интересно отметить, что старорусская единица измерения расстояния **са́жень**, или **сажéнь** (сяжень, саженка, прямая сажень) — расстояние от конца пальцев одной руки до конца пальцев другой при расставленных в стороны руках — происходит от глагола «сягать» (доставать до чего-либо, хватать, достигать — ср. также «досягать», «досягаемый»).

В коми языке с отглагольной лексемой кз. *тöриг*, кп. *тöрик* «вмещающая, вмещающий» (от глагола *тöрны*) зафиксированы (еще в трудах Ю. Вихмана, Д. Фокоша-Фукса) такие сочетания, как *ас тöриг розь* «отверстие, в которое можно пролезть самому», *сийö кодйис ас тöрмöныс гу* «он вырыл яму, вмещающую его самого [перевод наш]», *сылы колö толькö ас тöрмöныс места* «ему нужно место, размером с него, букв. вмещающее его / способное его вместить [перевод наш]» [20; 19, с. 280], как деепричастие лексема *тöриг* отмечена в Коми-русском словаре 1961 года вместе с формой на *-мön*: *ведра тöриг* (деепр.) или *ведра тöрмön* (деепр.) — ёмкостью в ведро, ведёрный: *дас мöс тöрмön карта* «хлев на десять коров»; *морт тöриг* (деепр.) *розь* или *морт тöрмön* (деепр.) *розь* «отверстие, в которое может пролезть человек» [7, с. 689], в [8, с. 655] в словарной статье **Тöрны** *неперех.* 1. вместиться; поместиться, уместиться, уложиться, войти; **ведра тöриг деепр.** — ведёрный; в [16, с. 376] в словарной статье **Тöриг** вв. скр. сс., *тöрöг* нв., *тöрöд* лл. — ёмкостью, вместимостью с; *ведра тöриг* скр., *ведра тöрöг* нв., *ведра тöрöд* лл. — вместимостью в ведро. В Коми-пермяцко-русском словаре 1985 года зафиксировано так: **Тöрик** вместимостью в..., ёмкостью в...; **ведра** ~ ёмкостью в ведро, ведёрный; **мешöкыс куим пуд** ~ мешок вместимостью в три пуда [6, с. 485], *юр тöрик öсьта* «отверстие, в которое может пролезть голова» [6, с. 590].

Дименсивные конструкции «существительное-эталон + к. *тöриг* / кп. *тöрик* + измеряемый объект» представляют один из способов выражения а) «общего» размера и б) объема, в них присутствует элемент сравнения (размер одного предмета определяется через сравнение с другим предметом). Чаще всего конструкции *размера* реализуются как определения различных отверстий (*розь* «отверстие»). Антропоцентричными эталонами в конструкции *размера* прежде всего являются человек и части его тела: *морт* «человек», *ас, ачыс, аслым* «сам (человек), мне, ему самому (человеку)»; *юр* «голова», *ки* «рука», *палец* «чунь», *кулак* «кулак», животные и насекомые (*ном* «комар», *пон* «собака», *лэбач* «птица»): *Чуткаласны вöли коз лапъяс и коляс-*

ны *лэбачыслы тёрмён розьтор*, а сэтчө сиаласны лэч [38] «Втыкали было еловые лапки и оставляли небольшое отверстие, вмещающее (размером с) птицу, в которое ставили силок»; *Керавны кокни – шөрыс юр тёрриг розя* [57] «Рубить легко – в середине отверстие размером с голову (букв. вмещающее голову)»; *Шөрвыяс, тыдалё, поз вёчёма, кулак тёрриг розь тыдалё* [56] «Посередине, видимо, сделано гнездо, видно отверстие с кулак (букв. вмещающее кулак)»; *Зверь – абу сир, понлён кодь юрыс чунь тёрриг розьёсь, бугыльясыс көи пасьта...* [27, с. 39–47] «Зверь — не щука, похожая на собачью голову с маленькими (букв. вмещающими палец) отверстиями». Эталонном могут быть и неодушевленные объекты: <...> *өдзөссө пицаль ствол тёрмён кальк колис, пуксис* [24] «<...> дверь оставил открытой настолько, насколько ствол ружья помещался, сел». Для указания объема элементом конструкции «существительное-мера» служат обозначения различных сосудов: ведро, чугунок и т. д., например: ... *сылён пуис нин куим ведра тёрриг нёртйын ва* [61] «у него уже кипела вода в трехведерном (букв. вмещающем три ведра) котле».

Материал коми языка демонстрирует синонимию в атрибутивных сочетаниях со значением величины, размера, объема. Дименсивная конструкция, кроме *-иг*-овой лексемы *тёрриг* «вместимостью с», в современном коми языке может строиться с помощью лексем, образованных суффиксом герундиума *-мён*: *тёрмён*, суффиксом причастия *-ана*: *төрана*, образуя синонимический ряд, зафиксировано также сочетание лексемы *тёрриг* с количественным послелогом *мында* «с; сколько; количеством, численностью»: *тёрриг — тёрмён — тёрмёна — төрана* «вместимостью в..., размером с...»: кз. *Игана өдзөстө оз вермыны восьтыны, кутасны өдзөстө йирны [чёртьяс]. Йирасны юр тёрриг мында розь, сэсья петук горөдас* «Кикуруку!» — *и чёртьяс вошöны* [36, с. 39] «Не смогли открыть запертую дверь, стали ее грызть (черти). Выгрызли отверстие, вмещающее голову (размером с голову), затем петух прокукарекал, и черти исчезли»; *Арся ывлаыс удитёма нин куньны синъяссө, юр тёрмён өшинь быттё кажитчис юланьö пемыд розьён* [31] «Осенняя природа уже успела впасть в сон, окно размером с голову казалось темной дырой, глядящей в сторону реки»; кз. *Часовня сруб пытшикас тэчисны кык мортлы водёмөн төрана ванна сяма бассейн* [40] «В срубе часовни соорудили похожий на ванну бассейн, вмещающий двух человек в положении лёжа». Устойчивое сочетание *чунь тёрмён(а)* «с палец» в коми языке передает значение «маленький, небольшой»: *Ротнөйлөн чунь тёрмёна землянкаын öзйис гильзаысь вёчём нейджыд лампа* [41] «У ротного в крошечной (букв. вместимостью в один палец) землянке, горела сделанная из гильзы небольшая лампа»; *чунь тёрмёна жыр* — очень маленькая комната, комната площадью с палец.

В коми-зырянском языке развита синонимия конструкций с *төрмөн* и *тöриг*. В коми-пермяцком языке можно привести синонимичный ряд *тöрик* — *тöран*, в нем более распространены конструкции объема, а не размера: кп. *Семьяным вöлі ыджыт — капустасö солавлім быдса бочка. Идсис тусьсö керам-масьтам ведра тöрик кадуляё тыр* [42] «Семья у нас была большая — капусту квасили в бочках. Ячменя натолчем полную кадку ёмкостью с ведро»; *Жадной инькабыс: тшаксö солаліс ведра тöран туиссэзö* [58] «Жадная женщина: грибы засолила в тусеса, ёмкостью в ведро».

Герундиум *судзмён* в коми языке имеет два значения: 1. доставаемый (о расстоянии, высоте, глубине и т. п.): *киён судзмён выйöдз* на расстоянии, доставаемом рукой; *ваыс кокён судзмён* на глубине, доставаемой ногами 2. в обхват; в охват: *муыс öдва синмён судзмён* поле едва глазами охватишь; *пу кызтаыс сывйён судзмён* толщина дерева в (один) обхват [8]. Дименсивные конструкции образует в обоих значениях, сочетаясь с послелогоми *вый-*, *выя-* (*выяöдз*, *выяын*, *выяö*), *ылна-*: *киён судзмён выя* на расстоянии вытянутой руки; *Сэні, син судзмён ылнаöдз паськөдчöма берегыасысь петöм ю*, ... [35] «Там, насколько достанет (охватит) глаз, разлилась вышедшая из берегов река»; *Сійö куйліс паськыда, синлы муртса судзмён да ёна торьяліс аслас лöзвезж краскаён* [64] «Она простиралась широко, еле глазом достать, и сильно выделялась своими сине-зелеными красками»; *И аддзыліс сэки Маша: син судзмён выяын быдлаын быдмöны гырысь дзоридзьяс: гөрдьяс, лöзьяс, вижьяс, еджыдьяс* [34] «И тут Маша увидела: на расстоянии видимости глаз (сколько глаза видят) везде растут большие цветы: красные, синие, желтые, белые»; *Дозмөрьяслөн судзмён выйö пуксьöмыс Кынтылас и пöсьöдлывлас пыр* [29] «Приземление глухарей на доступное расстояние заставляет кровь бурлить и леденеть»; *Киён судзмён мортлы лои космос, Енэжыслөн ловзис джуджыд йир* [45] «Космос для человека стал близко (букв. можно рукой достать), Глубокий омут неба ожил». Можно заметить, что в данных конструкциях часто встречаются соматизмы *син* «глаза», *ки* «рука», *сыв* «обхват, сажень»: *Быдмöмаöсь найö тані гырыся, кык сывйён муртса судзмён, черён ни пуртён вөрзьöдлытöмөсь* [65] «Выросли они здесь густо, в два охвата еле достанешь, не тронутые еще ни топором, ни ножом».

Герундиум *аддзымён* со значениями 1. заметно; на глазах; *öзим аддзымён быдмö* озимь заметно растёт; *аддзымён пондіс туны ва* заметно начала прибывать вода 2. до видимости *матыстчыны аддзымён* приблизиться на расстояние видимости; образует дименсивную конструкцию во втором значении: *Вөрö пограничникьяс писькөдчисны öта-мөднысö аддзымён паськөдчөмөн* [50] «В лес пограничники вошли, рассредоточившись на расстояние видимости друг-друга»; *Синмён аддзымөнъя гөгөр*

лӧсталіс алӧй рӧмӧн: енэжӧ кавшасъысь шондӧйс ворсіс ю веркӧсын [44] «Всё вокруг, сколько глаза видят (букв. сколько глазу видно), переливалось алым цветом: взобравшееся на небо солнце играло на речной глади»; *Аддзымӧнья сійӧ тӧдмаліс нин ставсӧ и места сертиыс, наблюдательнӧй пунктъяссянь видзӧдӧмӧн* [51] «В пределах видимости (букв. сколько можно видеть) он все исследовал на месте, разглядывая с наблюдательной вышки». Антропоцентрическим компонентом конструкции может выступать лексема *син* «глаз, глаза» как «инструмент наблюдения» или человек (на которого может указывать местоимение).

1. Таким образом, для описания различных параметров размера, величины в коми языке (коми-зырянском и коми-пермяцком) применяется не только метрическая система, но и различные параметрические единицы: падежи терминатива в коми и коми-пермяцком, альтитерминатива в коми-пермяцком, параметрические прилагательные, параметрические имена, описательные, устойчивые обороты (фразеологизмы), различные конструкции: сравнительные послеложно-именные, глагольные (образованные с помощью ИГФ). В сравнительных и глагольных конструкциях в качестве антропоцентрического эталона чаще всего выступают следующие имена, называющие части и формы тела (ими не ограничиваясь): *гыж* (гыж ыджда), *кабыр* (кабыр ыджда), *ки* (киӧн судзмӧн), *ки пыдӧс* (ки пыдӧс пасьта), *морт* (и местоимения указывающие на него: ас, аслыс) (морт тӧриг, морт тӧран, морт тӧрмӧн), *пель* (пель пасьта), *сітан* (сітан пасьта), *син* (син судзмӧн, синмӧн судзмӧн выя, синмӧн судзмӧн ылна, синмӧн аддзымӧн), *сой* (сой кыза, сой кызта), *чунь* (чунь кыза, чунь кызта, чунь вомлӧс, чунь тӧрмӧн), *чуньпон* (чуньпон ыджда), *юр* (юр ыджда, юр тӧриг, юр тӧрмӧн), *сыв* (сыв кузя, сыв кузта, сывъя — в форме прилагательного, сывтыръя — прилагательное, сыв пасьта, сывйӧн джуджда; в состав конструкции могут включаться числительные: кык сыв пасьта, сывйӧн судзмӧн) и т. д. Возможности языка для описания размера объектов не ограничиваются приведенными моделями, семантическое поле пространства — тема более обширная и требует дальнейшего исследования.

Сокращения

к. — коми язык

кп. — коми-пермяцкий язык

1. Ворошилова С. О. Соматизмы в английской и русской паремиологических картинах мира : выпускная квалификационная работа. Екатеринбург, 2016. 85 с.

2. Гагарина О. А. Фразеология коми-пермяцкого языка : дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 1999. С. 93–94.

3. Гак В. Г. Пространство вне пространства // Логический анализ языка. Языки пространств / отв. ред.: Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. М., 2000. С. 127–134.
4. Карманова А. Н. К вопросу изучения диалектной соматической фразеологии коми языка // Вопросы лексикологии коми языка / отв. ред. Г. Г. Бараксанов. Сыктывкар, 1979. С. 38–44 (Труды ИЯЛИ; 22).
5. Карманова А. Н. Коми фразеологизмы со словами ки «рука» // Историко-культурные связи пермских народов: По данным фольклора и языка / Удмуртский гос. ун-т. Ижевск, 1981. С. 43–48.
6. КПРС 1985 — Баталова Р. М., Кривошекова-Гантман А. С. Коми-пермяцко-русский словарь. М., 1985.
7. КРС 1961 — Коми-русский словарь. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1961. 923 с.
8. КРС 2000 — Безносикова Л. М., Айбабина Е. А., Коснырева Р. И. Коми-русский словарь = Коми-роч кывчукор / отв. ред. Л. М. Безносикова. Сыктывкар, 2000. 816 с.
9. Лудькова В. М. Синтаксис имени прилагательного в коми языке : дис. ... д-ра филол. наук. Ижевск, 2007. 445 с. [Электронный ресурс — РГБ].
10. Мёль А. Часть тела как эталон в измерительных конструкциях русского языка // Tilman Berger [et al]. (Hg.): *Vongrammatischen Kategorien und sprachlichen Weltbildern — Die Slavia von der Sprachgeschichte bis zur Politsprache*. München: Sagner, 2009. S. 475–490.
11. Некрасова Г. А. Альтитерминатив в падежной системе коми-пермяцкого языка // *Linguistica Uralica*. 2015. № 3. С. 202–211.
12. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / отв. ред. Ю. Д. Апресян. Москва; Вена, 2004. 1488 с. (НОСС 2004).
13. Рогов Н. А. Пермяцко-русский и русско-пермяцкий словарь. СПб., 1869. 414 с.
14. Рябцева Н. К. Размер и количество в языковой картине мира // Логический анализ языка. Языки пространств : сб. статей / отв. ред.: Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. М., 2000. С. 108–117.
15. Семенова С. Ю. О некоторых свойствах имен пространственных параметров // Логический анализ языка. Языки пространств : сб. статей / отв. ред.: Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. М., 2000. С. 117–126.
16. ССКЗД 1961 — Жилина Т. И., Сахарова М. А., Сорвачева В. А. Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар: Коми книгоиздат, 1961. 490 с.
17. Цикорева П. Н. Семантика размера в норвежском языке : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2015. 222 с.
18. Шеманаева О. Ю. Конструкции размера в типологической перспективе : автореф. ... канд. филол. наук. М., 2008. 26 с.
19. Fokos-Fuchs D.R. Die Verbaladverbien der permischen Sprachen // *Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae*, t. VIII. Budapest, 1958. S. 272–342.
20. Wichmann Y. Kurzer Bericht über eine Studienreise zu den Syrjänen 1901–1902. Helsingfors, 1903. 47 S.

Источники

21. Андерсен Г. Х. Мисьтём уткапи. 1939 // ЭККЯ.
22. Ануфриева А. З. Марина // Войвыв кодзув. 1983. 10 № // ЭККЯ.
23. Афанасьев Е. Войнабёрса повесть // Войвыв кодзув. 1992. 6 № // ЭККЯ.
24. Афанасьев Е. (1) Сизим морга звено // Афанасьев Е. С. Вежласяна повод. 2007 // ЭККЯ.
25. Афанасьев Е. (2) Шокнесса войтыр // Войвыв кодзув. 2007. 10 № // ЭККЯ.
26. Бахов Л. Ми нюжодім Войвыв магистраль // Войвыв кодзув. 1977. 1 № // ЭККЯ.
27. Безносиков В. И. Ёж ку пася коин // Войвыв кодзув. 1971. 5 №. 39–41 л.б.
28. Белых И. И. Кор усьо кодзув // Войвыв кодзув. 1997. 10 № // ЭККЯ.
29. Ванеев А. Е. Дозмөр койт // Ванеев А. Талун асылыс сөдз. 1979 // ЭККЯ.
30. Васютов Ю. Тодысь Савать Вась // Войвыв кодзув. 1997. 3 № // ЭККЯ.
31. Васютов Ю. К. Шыр кывтё-катё // Васютов Ю. Шондіа вой. 2000 // ЭККЯ.
32. Вежом: сказка (перевел Г. С. Лыткин) // Зырянскій край при епископахъ Пермскихъ и Зырянскій языкъ. 1889 // ЭККЯ.
33. Журавлёв А. Пес чурка йылысь мойд / (комиодіс Н. А. Щукин) // Би кинь. 2018. 12 № // ЭККЯ.
34. Изьюров И. Зарни чунькытш // Войвыв кодзув. 1958. 2 № // ЭККЯ.
35. Изьюров И. Кор дзоридзалё льём // Войвыв кодзув. 1954. 7 № // ЭККЯ.
36. КМК 1913 — Цембер А. А. Коми мойдан кывъяс. Усть-Сысольск, 1913. 41 с.
37. Коврижных Ю. Съод пас // Войвыв кодзув. 1997. 8 № // ЭККЯ.
38. Конаков Н. Кызди вöравлісны комиас // Войвыв кодзув. 1983. 9 № // ЭККЯ.
39. Кузнецова В. Мый тода — сіес и висьтала // Войвыв кодзув. 2016. 2 № // ЭККЯ.
40. Липин П. Бөрö кольёмаыс оз вун. 2002 // ЭККЯ.
41. Лыңуров А. А. Кодлы война, а кодлы и... // Лыңуров А. Аттьö тiянылы. 1991 // ЭККЯ.
42. Мальцева Н. Көклөн тоин. URL: http://www.finnougoria.ru/logos/child_lit/2504/34399/ (дата обращения: 06.07.2017).
43. Мартынов В. И. Коми гижöдын ывла выв серпасъяс // Войвыв кодзув. 1999. 11 № // ЭККЯ.
44. Напалков В. Олісны-вылісны Вапöлын // Войвыв кодзув. 1981. 3 № // ЭККЯ.
45. Напалков В. Туйвежъяс // Войвыв кодзув. 1980. 2 № // ЭККЯ.
46. Нёбдінса Витторлы — 130 // Би кинь. 2018. 11 № // ЭККЯ.
47. Никулин Н. Быдён ас местаас // Войвыв кодзув. 1989. 12 № // ЭККЯ.
48. Павленко П., Чиаурели М. Берлин босьтём // Войвыв кодзув. 1953. 4 № // ЭККЯ.
49. Парначев А. Н. Наян // Войвыв кодзув. 1996. 4 № // ЭККЯ.
50. Полищук В. Николай Шныриковлөн застава / (комиодіс В. Морозов) // Карпат сайса висьтъяс. 1978 // ЭККЯ.
51. Пыстин И. Фронтöвöй лун-войяс // Пыстин И. Бушкала вояс. 1987 // ЭККЯ.
52. Ракин А. Юсь // Би кинь. 2008. 5 № // ЭККЯ.

53. Рочев Е. Сьӧлӧмын вурис // Войвыв кодзув. 1974. 10 № // ЭККЯ.
54. Рочев Е. В. Лазья морт // Войвыв кодзув. 1987. 5 № // ЭККЯ.
55. Рябчиков М. Гу // Чушканзі. 2015. 11 № // ЭККЯ.
56. Торопов В. П. Гриш-Пашъяс // Торопов В. Талун и аски. 1993 // ЭККЯ.
57. Торопов В. П. Тулан бӧрся // Торопов В. П. Менам вӧр-ва. 1980 // ЭККЯ.
58. Федосеев С. А. (1) Виль гортын. URL: <https://studfiles.net/preview/3562384/page:3/> (дата обращения: 06.07.2017).
59. Федосеев С. А. (2). Сьӧд цветтӧс. URL: <https://studfiles.net/> (дата обращения: 08. 2027).
60. Шахова Н. Ӧшинь улӧй, сьӧлӧмшӧрӧй! // Би кинь. 2007. 2 № // ЭККЯ.
61. Шолохов М. Лӧптӧм эжа. 1958 // ЭККЯ.
62. ЭККЯ – Электронный корпус коми языка. URL: <http://komicorpora.ru/> (дата обращения: 21.10.2020).
63. Юхнин В. (1) Вӧрын // Рӧдина вӧсна. 1941 // ЭККЯ.
64. Юхнин В. Тундраса бияс // Войвыв кодзув. 1952. 12 № // ЭККЯ.
65. Юхнин В. В. (2). Алӧй лента. 1941 // ЭККЯ.
66. Юшков Г. Тӧла додь // Войвыв кодзув. 1995. 12 № // ЭККЯ.
67. Яковлев Ю. Лов видзысь // Коми му. 2008-12-16 // ЭККЯ.

**ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СРАВНИТЕЛЬНЫХ
ОБОРОТОВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ КОМИ-ПЕРМЯЦКИХ АВТОРОВ
В. В. КЛИМОВА И И. А. МИНИНА**

**FUNCTIONS OF COMPARATIVE CONSTRUCTIONS
IN THE KOMI-PERMYAK PROSE (BASED ON THE WORKS
BY VASILY KLIMOV AND IVAN MININ)**

В статье рассмотрены функции сравнительных конструкций в коми-пермяцких художественных текстах, проанализированы сравнительные конструкции, в которых в качестве субъекта сравнения выступает человек. Выявлены основные тенденции образного представления действительности, сравнения охарактеризованы с точки зрения их лексико-семантических параметров.

Ключевые слова: коми-пермяцкий язык, сравнительные конструкции, субъект сравнения, объект сравнения, стилистический прием.

The article considers the functions of comparative constructions in the Komi-Permyak prose and analyzes some comparative constructions in which a person acts as the subject of comparison. The main tendencies of the figurative representation of reality are revealed, and comparisons are characterized in terms of their lexical and semantic parameters.

Keywords: the Komi-Permyak language, comparative constructions, subject of comparison, object of comparison, stylistic technique.

Сравнение является одним из часто используемых стилистических приемов в художественном тексте. Как одно из выразительных средств художественного произведения, сравнение делает текст ярким, семантически насыщенным, усиливающим действенность высказывания, подчеркивающим особенность авторского стиля. Несмотря на то что вопрос использования сравнений в художественном тексте часто обсуждается в научной литературе, данная тема остается актуальной, поскольку в любом художественном произведении сравнения используются для различных целей, несут в себе разные функции. С. В. Постникова выделяет функцию создания образа события или персонажа в сознании читателя [1, с. 238]. Согласно данной функции, сравнение имеет возможность наделять персонаж определенными чертами, в зависимости от сюжета художественного произведения. В этой функции сравнение представляется очень гибким стилистическим приемом, способным отразить в своей структуре всю гамму характеристик

и оценочных признаков, чтобы создать в сознании читателя полноценный образ. По мнению Н. В. Головиной, сравнение выполняет в художественной литературе функцию оригинальности и неожиданности, поэтому только элемент новизны в сравнении позволяет ему репрезентировать стилистическое разнообразие и посредством него выражать сущность предмета или явления [2, с. 102]. О. В. Уарова предлагает выделять следующие функции сравнения:

1) изобразительная функция – создание описаний, характеристик персонажей;

2) оценочная функция – отражение авторской точки зрения на описываемые события;

3) функция создания сатирического эффекта – привлечение сатиры при помощи сравнения;

4) функция афористической формы изложения, т. е. интертекстуальные включения в художественный текст [3, с. 10].

Таким образом, сравнение, выполняя в художественном произведении вполне определенные функции, создает неповторимые образы и динамику происходящих событий.

В коми-пермяцкой прозе сравнительные обороты являются неотъемлемой частью любого художественного произведения. При знакомстве с текстом произведения можно отчетливо проследить особенности использования сравнительных конструкций отдельными авторами. В данной статье хотелось бы остановиться на анализе сравнительных конструкций, встречающихся в произведениях коми-пермяцких писателей В. В. Климова и И. А. Минина. Материалом исследования послужили прозаические произведения из сборника В. В. Климова «Лӧз йӧрнӧс» / «Голубая рубаха» (1992) и И. А. Минина «Бӧрйӧм» / «Избранное» (2015).

Используемые писателями сравнительные конструкции можно рассматривать с разных позиций. Известно, что любое сравнение включает в себя три составляющие части, а именно: субъект сравнения, объект сравнения и признак сравнения. Субъект и объект сравнения могут распределяться по разным лексико-тематическим группам. В данной статье остановимся на сравнительных конструкциях, в которых в качестве субъекта сравнения выступает человек. Субъект сравнения, будучи обязательным компонентом структуры сравнения, отражает наиболее важные для художественного мировосприятия сферы образного мышления. Исследуемый материал показал, что авторы активно включают лексемы, относящиеся к лексико-тематической группе «Человек», в структуру сравнительных конструкций. Рассматривая человека в качестве субъекта сравнения, авторы сосредотачивают свое внимание на следующих аспектах личности:

а) **внешний вид человека:** *То медбӧрись парта сайын пукалӧ съӧд платъеа, дзик монашка, нылочка* «Вот за последней партой сидит девочка в чер-

ном платье, словно монашка» [4, с. 27]. *Гришалон чужо́мыс бо́ра ро́мсяліс, дзик во́м озья́гөд, и зонкаыт мышкы́ртіс юрсо́* «Лицо Гриши покраснело, словно созревшая земляника, и мальчик опустил голову» [4, с. 45]. *И тырп-пес зэв ро́мао́сь, дзик жельно́г цвет* «И губы очень яркие, как цветы шиповника» [4, с. 82]. *Быдо́с сыло́н кузь мыгёрыс ветло́ одз да бо́р, бытьто́ кытшю́мкө лек вын со́талө спинаас зорон* «Все его высокое туловище наклонялось вперед и назад, будто какая-то нечистая сила била его в спину лопатой» [5, с. 214]. *Ыджы́т мыгёра, го́грөс чужо́ма лысой́ старик, важной́, кыздз ачыс Христосыс, өвтчис кадило́н и бобгис невежёртана стиххез* «Крупного телосложения, круглолицый лысый старик, важный, словно сам Христос, махал кадилом и бубнил непонятные стихи» [5, с. 159]. Характеризуя внешний вид человека, авторы в качестве субъекта сравнения чаще всего используют лексемы *лицо, глаза, губы, нос и волосы*;

б) **физические действия, проявление деятельности:** *Нылочка сувтіс зеркало одзө, чатыртіс юрсо́, артист моз паськөтыштіс киэсо́ да лыддьөтіс стишок* «Девочка встала перед зеркалом, высоко подняла голову, как артистка, раскинула руки и прочитала стишок» [4, с. 12]. *Гусьоник типок моз сувтіс Лора да шыв-шыв шыасис* «Незаметно, словно цыпленок, встала Лора и тихо прошептала» [4, с. 7]. *Өтік кыз нывка сэтчөдз ылаліс, что өдззис йөктыны зонка моз присядкаөн, но, конечно, нем эз пет, и киэсо́ рака борддэз моз паськөтөмөн, нывка брякнитчис шульга бок вылас* «Одна полная девушка так разошлась, что стала плясать вприсядку, как парень, но не сумела, и раскинув руки, как ворона крылья, упала на левый бок» [5, с. 178];

в) **эмоциональное состояние человека:** *Эна шоныт кыввес вөрзьөтісө кык вонлісь сьёлөммез, и ния шынн्याлісө, дзик видз вылын катшасиннэз* «Эти добрые слова тронули сердца двух братьев, и они заулыбались, словно ромашки на лугу» [4, с. 46]. *Сьөкыта, ышоло́н ловзисис Рита да полөмөн, дзик калитчөм көрт, босьтіс косинкасө да нюжөтіс Катялө* «Рита тяжело вздохнула, смущаясь взяла косынку, словно раскаленное железо, и протянула Кате» [4, с. 82]. *Старик тарыс моз жө бы ылөтчө, чуклясьө баснинас* «Старик, как тетерев, извивается, пытается обмануть» [4, с. 273]. *Виталько тожө петіс юрсо́ өшөтөмөн, кыздз вартлөм пон* «Виталька тоже вышел с опущенной головой, словно побитая собака» [5, с. 228];

г) **особенности речи, общения:** «*Сулав!*» –не горөтчис, а дзик пон моз увтыштіс старикыс ««Стой! « –не произнес, а словно пес гавкнул старик» [4, с. 72]. *А старик баитіс нюжвыла, бедуйтөмөн, дзик норасис кинлөкө* «А старик говорил протяжно, обиженно, словно жаловался кому-то» [5, с. 124]. *Сія доддяліс пара вөв, рвякнитіс ош моз и пуксис телегаө* «Он запряг пару лошадей, рвякнул, как медведь, и сел в телегу» [5, с. 179]. *Васса Петровна баитіс дзирыта и гажөн, бытьто́ бьльной́ празник коста* «Васса Петровна, словно на празднике, говорила весело и горячо» [4, с. 14];

д) **физические возможности и способности человека:** *Митюбаран ош моз кватитіс сьѡкыт мешѡксѡ, нем туйѡ нѡбѡтис вес вылѡ* «Митюбаран, как медведь, схватил тяжелый мешок и с легкостью донес до весов» [5, с. 104]. *А Маруська пуктис киэсѡ кадэж вылас да сідз и чыліс, кыдз ур, Степанко одзѡт* «Маруська положила руки на талию и легко, словно белка, прошла перед Степаном» [5, с. 178].

Сравнительные обороты с точки зрения анализа субъекта сравнения выполняют функцию характеристики центральных и второстепенных героев, их физического и психического состояния, позволяя читателю наиболее полно представить образы героев, четко выразить идейно-авторский замысел произведения.

Немаловажное значение в сравнительных конструкциях для воплощения идеи произведения играет объект сравнения. В исследуемых текстах, где субъектом сравнения выступает человек, в качестве объекта сравнения могут выступать как одушевленные, так и неодушевленные предметы. В произведениях рассматриваемых авторов в качестве объекта сравнения может выступать:

а) **человек:** *То медбѡрись парта сайын пукалѡ сьѡд платьѡеа, дзик монашка, нылочка* «Вот за последней партой сидит девочка в черном платье, словно монашка» [4, с. 7]. *Митюбаран сейис Санко моз, а мамыс — Степанко моз* «Митюбаран ел, как Санко, а мать – как Степанко» [5, с. 105]. *Ме кыдз умѡлик солдат* «Я словно плохой солдат» [5, с. 220];

б) **животные:** *Гусьѡник типок моз сувтис Лора да шыв-шыв шыасис* «Незаметно, словно цыпленок, встала Лора и тихо прошептала» [4, с. 7]. *Старуха рака моз вешиис бѡрлань, сайѡвтчис шалаш пытикас* «Старуха, словно ворона, подалась назад и скрылась в шалаше» [4, с. 26]. *И вот мунѡ одзам фашист, здоровѡй, дзик верблюд, юрсиыс гѡрд кыдз шондѡ* «И вот идет впереди меня фашист, здоровый, как верблюд, волосы, как солнце, красные» [5, с. 169]. *Митюбаран ош моз кватитіс сьѡкыт мешѡксѡ, нем туйѡ нѡбѡтис вес вылѡ* «Митюбаран, как медведь, схватил тяжелый мешок и с легкостью донес до весов» [5, с. 104]. В художественной литературе сравнение персонажа с животными — довольно традиционное явление, поэтому они с точки зрения объекта сравнения составляют большую группу. Сравнительные обороты этой группы позволяют акцентировать характерные черты внешности, физические, нравственные качества героев, а также помогают понять особенности их поведения, их эмоциональное состояние, взаимоотношения с другими персонажами и даже авторскую оценку описываемого, так как сравнение человека с животными подразумевает оценочные коннотации;

в) **предметы быта:** *Аскина сідз и этадз бергѡтліс Наташасѡ, бытьтѡ акань мыччаліс челядьыслѡ* «Аскина и так, и эдак поворачивала Наташу, словно куклу показывала детям» [4, с. 9]. *А басѡкѡн Ѡльѡшкаѡс некыдз он*

шу — *вӧснитик сiя, дзик майӧг, винерик* «А красивым Алешку никак не назовешь — худой он, как жердь, хилый» [5, с. 214]. *Лолалiс сiя сьӧкыта, пыдына, дзик кузнечной мех ушкис* «Дышал он тяжело, глубоко, словно кузнечный мех пыхтел» [5, с. 143]. *Стрась ни сiя ен да гӧгрӧс, дзик и дзик гыр* «Очень она толстая и круглая, точь в точь ступа» [4, с. 88]. Сравнительные обороты, в которых объектом сравнения выступает предмет быта, вещь, играют немаловажную роль в художественном тексте, поскольку они не только создают определенную атмосферу, но и отражают характер героев, их особенности внешности;

г) **растения:** *И сулалӧны нiя (челядь)* (пр. автора), *дзик кык дзоридзок –гӧрд мак да лӧз астра* «И стоят они, как два цветка — красный мак и голубая астра» [4, с. 6]. *Эна шоньт кыввес вӧрзьӧтiсӧ кык вонлiсь сьӧлӧммес, и нiя шыннiялiсӧ, дзик видз вылын катшасиннэз* «Эти теплые слова тронули сердца братьев и они заулыбались, как ромашки на лугу» [4, с. 46]. *И тырптес зэв рӧмаӧсь, дзик жельнӧг цвет* «И губы очень яркие, словно цветы шиповника» [4, с. 82]. Сравнение персонажей с природой, окружающим миром создаёт психологический настрой восприятия текста, помогает раскрыть внутреннее состояние героев. Включая подобные сравнительные обороты в текст, автор показывает связь и единение человека с природой.

Анализ исследуемого материала позволяет утверждать, что в художественном тексте сравнительные конструкции выполняют различные стилистические функции, а также участвуют в формировании художественного образа, дают возможность отражать авторскую позицию на описываемые события и формировать индивидуально-авторскую картину мира.

1. Постникова С. В. Сравнение как способ создания образности в немецкой художественной литературе // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского университета. 2013. № 1 (2). С. 238–240.

2. Головина Н. В. Характер сравнений в индивидуально-авторской картине мира М. Ю. Лермонтова (гендерный аспект) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011. № 11. С. 102–108.

3. Уарова О. В. Дискурсивные стратегии интерпретации стилистического приёма сравнения (на материале английской художественной литературы XIX–XX вв.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 24 с.

4. Климов В. В. Лӧз йӧрнӧс. Кудымкар: Пермская книга, Коми-пермяцкое отделение, 1992. 272 с.

5. Минин И. А. Избранное. Кудымкар: ГКБУК «Коми-пермяцкий этнокультурный центр», 2015. 352 с.

**БЫЛИНЫ ЦЕНТРАЛЬНЫХ РАЙОНОВ РОССИИ
В СВОДЕ РУССКИХ БЫЛИН****FOLK EPICS OF THE CENTRAL REGIONS OF RUSSIA
IN THE COLLECTION OF RUSSIAN FOLK EPICS**

Статья посвящена обзору и анализу былин и былинных сказок, зафиксированных в центральных районах России. Автором впервые созданы указатели текстов по месту записи и сюжетам. Эти материалы представляют интерес для фольклористов, изучающих русский эпос.

Ключевые слова: былина, былинная сказка, район, богатырь, сюжет, указатель.

The article is devoted to the review and analysis of epics and epic tales recorded in the central regions of Russia. The author for the first time created indexes of texts on a place of record and plots. These materials are of interest to folklorists who study the Russian epic.

Keywords: folk epic, folk epic tale, district, bogatyr, plot, index.

В своей статье «Наблюдение над географическим распространением былин» [1, с. 65–96] В. Ф. Миллер, ссылаясь на сборники П. В. Киреевского и П. В. Шейна, пришел к выводу, что данный фольклорный жанр не зафиксирован в Воронежской, Казанской, Калужской, Курской, Орловской, Пензенской, Тамбовской, Тверской и Ярославской губерниях. В Рязанской, Тульской и Владимирской губерниях записано по одному тексту, в Москве и Московской губернии — три текста, в Новгородской губернии — два. «Несколько обильнее остатки былевого эпоса в некоторых поволжских губерниях, — причем число их, по-видимому, возрастает по течению Волги» [1, с. 69]. Ученому было известно семь былин из Нижегородской губернии, более двух десятков из Симбирской, около десяти из Саратовской.

Выводы В. Ф. Миллера об отсутствии былинных текстов в центральных районах России разделяли и ряд исследователей советского времени. «Героические былины и старинные былины-фавль, — писал В.И. Чичеров, — обнаруживаются в центральных областях лишь как исключение» [2, с. 5].

По мнению А. М. Астаховой: «Средней России — Московской, Тульской, Рязанской и др. — принадлежат только единичные и довольно плохие варианты, относящиеся еще ко времени собирательской работы П. В. Киреевского, а также отдельные случайные записи более позднего времени.

В XX в. следы былинного эпоса сохраняются в этих местах лишь в сказках» [3, с. 217].

С. И. Дмитриева утверждала, что «совсем нет былин в Псковской, Смоленской, Ярославской, Костромской, Тверской, Курской, Тамбовской, Пензенской, Казанской и Астраханских губерниях. По одной былине записано в Вологодской, Владимирской, Калужской, Орловской, Воронежской, Рязанской губерниях <...>. Семь былин зафиксировано в Московской губернии; из них четыре записаны в самой Москве, в мещанской среде» [4, с. 21].

Выводы В. Ф. Миллера об отсутствии эпоса в центральных районах России оспорил воронежский краевед А. Зачиняев [5, с. 147–171], считавший, несмотря на то, что до сих пор былины не зафиксированы в Орловской, Курской и Тамбовской губерниях, это не значит, «что их здесь нет и никогда не было» [5, с. 147]. Автору статьи доводилось слышать былины об Илье Муромце и Соловье разбойнике, о бое Ильи Муромца с сыном, о Добрыне Никитиче, Алеше Поповиче в Елецком уезде Орловской губернии и в Задонском уезде Воронежской губернии. Более того, «лет 15–18 назад одному из местных разносчиков народных книг (офене) г. Сотникову удалось даже записать от 90-летнего старика в одном из сел недалеко от г. Задонска около десятка прекрасных, по его замечанию, былин. <...> Свои записи былин г. Сотников передал потом кому-то из этнографов (сообщалась нам и фамилия его, но мы сейчас не можем ее припомнить) для напечатания, но до сих пор они нигде не появлялись, и, к глубокому прискорбию, кажется, должны считаться потерянными навсегда» [5, с. 147–148].

Кроме былин в Воронежской губернии А. Зачиняев неоднократно слышал сказки с эпическим сюжетом. Например, в селе Дóлгуши Землянского уезда была распространена сказка об Илье Муромце (его исцеление, бои с Соловьем-разбойником и разбойничьим атаманом. Этот персонаж заменил сына Ильи Сокольника).

По мнению В. Я. Проппа: «Некогда эпос был распространен повсеместно. Не было такого русского уголка, где бы не знали и не пели русских былин. Киреевский и его корреспонденты в 30–40 гг. находили былины там, где впоследствии они уже не были найдены. Эпос стал исчезать с Юга и центральных областей» [6, с. 492].

Ю. А. Новиков также уверен в том, что былины некогда активно бытовали «не только на Русском Севере, но и в центральной России и в Поволжье» [7, с. 313]. Незначительное количество текстов, записанных здесь, исследователь объясняет тем, что собиратели фольклора не проявили вовремя такого активного поиска эпоса, какой был свойствен во время разыскания былин на Русском Севере П. Н. Рыбникову, А. Ф. Гильфердингу, Н. Е. Ончукову, А. Д. Григорьеву.

Как известно, Отдел русского фольклора ИРЛИ (Пушкинский Дом) уже более 20 лет работает над изданием «Былины» в «Своде русского фольклора». В 21-м томе будут опубликованы тексты, записанные в центральных районах Европейской России и Поволжья. Работа над этим томом осуществляется А. Н. Розовым и Е. А. Дороховой.

Во всех вышедших в свет томах былин Русского Севера (Печорских, Мезенских, Кулойских, Пинежских и Пудожских) материал располагался внутри одного из перечисленных регионов, представляющего собой, по значительному числу записанных текстов, эпический центр. Иными словами, в основе издания лежал географический принцип, а внутри каждого тома материал распределялся по сюжетному принципу вокруг эпических героев, начиная со старших богатырей (Волха Всеславьевича, Святогора, Добрыни Никитича и др.) и до героев позднего эпоса (Дюка Степановича, Чурилы, Хотена Блудовича и др.).

В томе былин Европейской России и Поволжья тексты будут публиковаться изначально по сюжетному принципу, так как если в Поволжье благодаря усилиям собирателей (П. В. Киреевского, братьев Языковых, Е. Фаворского, А. Н. Мордовцевой, М. Е. Соколова, А. М. Акимовой, В. Н. Потявина, К. Е. Кореповой и др.) издано в общей сложности около 100 былин, былинных песен и сказок с былинным сюжетом, то в центральных регионах России, в южных (напр., Смоленская, Курская, Брянская губернии) и северо-восточных (Петербургская) число подобных записей весьма ограничено (например, в Костромской и Курской губерниях записана лишь одна былина, в Пензенской области — одна сказка с былинным сюжетом и т. д.). Поэтому в состав тома войдут не только былины, но и былинные сказки, в том числе связанные с книжными источниками (сказки А. Корольковой, М. Сказкина и др.) и лубком, а также побывальщины и предания, расположенные по сюжетному принципу.

Существует необходимость создания Указателя эпических жанров, зафиксированных в указанных регионах. В нем будут, во-первых, перечислены былины центра России, северо-запада (Санкт-Петербургская губерния) и юго-востока (Смоленская губерния, Курская и т. д.); во-вторых, названы сюжеты зафиксированных текстов, как это сделано в Указателе Ю. И. Смирнова [8].

О принципах построения Указателя: 1) дается место записи, фамилия собирателя и исполнителя; год записи; 2) приводится название текста, данное собирателем или издателем; 3) определяется жанр публикации: былина, сказка, предание; 4) пересказывается сюжет произведения; 5) в постраничной сноске указывается название сборника, в котором текст опублико-

ван. Звездочкой (*) обозначены тексты, еще не введенные в корпус будущего тома.

I. Владимирская губерния (область)

1. **Город Суздаль (История о славном и о храбром богатыре Илье Муромце и о славном разбойнике.** Прозаический текст конца XVIII — начала XIX в.). Сюжет: Илья Муромец (Исцеление Ильи Муромца + Илья и разбойники + Илья разбивает силу под Черниговым + Илья и Соловей-разбойник + Илья и Идолище в Киеве) [9, № 19, с. 119–120].

2. **Город Муром.** Предание записано в 1870- гг.: Илья-пророк, он же Илья Муромец, проезжает близ Мурома по полю, после здесь появляется ключ, над которым строят церковь [10, № 3, с. 310].

3. **Муромский уезд, село Карачарово.** Предание записано в первой половине XIX в.: Илья расчищает место для сенокоса и пашни, выдергивает из земли дубы и бросает в Оку, после чего река изменила свое русло. Местные жители рассказывают о поездке Ильи на богатырском коне в Киев на богомолье. На всем пути этой поездки были построены церкви [11, с. 277, прилож. II ж].

4. **Муромский уезд, село Карачарово.** Предание записано в 1847 г.: Илья переносит на гору три огромных дуба, лежащих на берегу Оки. Затем на этом месте была построена церковь [11, с. 277, прилож. II е.].

5. **Юрьевский уезд, деревня Бережки.** Былина записана в 1883 г. : «Василиса Микулишна и Ставр Годинович» [12, с. 6–11]. Сюжет: На пиру у князя Владимира Ставер хвалится своей женой + Владимир сажает Ставра в погреб + Василиса Микулишна под видом посла Василия едет в Киев выручать Ставра + в Киеве посол Василий соревнуется в стрельбе из лука, в борьбе + в качестве награды Василиса добивается освобождения Ставра из заточения.

6. **Поселок Мстёра Вязниковского р-на.** Фрагмент былины (4 строки) об Илье Муромце. Запись 1962 г. [13, с. 92].

*7. **Вязниковский уезд.** Дюк Степанович (Тенишевский архив МЭ, разд. Ж, п. 245 фр. (Личный архив Ю. И. Смирнова).

*8. **село Нижний Ландех.** Запись 1855 г. (Фонд Мельникова-Печерского в Нижегородском областном архиве).

9. **Деревня Ольгино Муромского района.** Фрагмент былины «Илья Муромец на Соколе-корабле» записана в 1988 г. (с напевом) [14, с. 237]. Сюжет: Описание одежды Ильи Муромца, плывущего на корабле (конца былины исполнитель не помнит).

II. Воронежская губерния (область)

1. **Землянский уезд.** Былина «Илья Муромец и Сокольник». Запись 1861 г. [15, с. 59–64] Сюжет: Мимо богатырской заставы едет чужеземный

богатырь + богатырь не хочет разговаривать с Добрыней + Илья сражается с чужеземным богатырем и побеждает его + богатырь оказывается сыном Ильи + Илья с сыном едут в Киев + пир у князя Владимира.

2. **Землянский уезд.** Былина «О Мишуте Даниловиче». Запись 1861 г. [16, с. 418–419]. Сюжет: Князь Владимир просит посчитать в поле вражескую силу + Мишута Данилович готов ехать в поле + Илья Муромец обижает Мишуту + Мишута рассказывает о том, что было на пиру у князя Владимира своему отцу + Мишута выполняет просьбу князя Владимира + князь награждает Мишуту.

3. **Село Александровка Бобровского уезда.** Записал в 1910 г. М. Е. Пятницкий от крестьянки А. Колобаевой и др. Фрагмент былины «Илья Муромец и разбойники». Сюжет: Разбойники собираются ограбить Илью Муромца + Илья сообщает им сколько стоит его сермяга, конь, стрела [17, с. 42].

*4. **Воронежская область.** Былина «Добрыня и Маринка». Запись 1926 г. (ИРЛИ, ФА ФВ. Гринкова, № 1).

*5. **Воронежская область.** Былина «Садко в подводном царстве». Запись 1926 г. (ИРЛИ, ФА ФВ. Гринкова, № 2).

6. **Город Воронеж.** Сказка «Илья Муромец». Сюжет: Исцеление Ильи + Помощь родителям + Илья и разбойники (здесь богатыри) + Три дороги + Илья и ведьма в виде девушки + Илья Муромец и богатство + Илья и Святогор [18, с. 11–15].

7. **Город Воронеж.** Сказка «Илья Муромец». Сюжет тот же, что и № 6, однако варианты текста заметно отличаются друг от друга [19, с. 25–32].

8. **Город Воронеж.** Сказка «Добрыня и Алеша». Сюжет: Отъезд Добрыни из дома + Встреча и бой Добрыни с богатырем Францилем Венецианом (= Василиса Савельевна) + Свадьба с Василисой + Отъезд Добрыни + Добрыня на свадьбе Василисы и Алеши Поповича [19, с. 32].

9. **Село Щучье Эртильского района.** Сказка, записанная в 1965 г.: «Иван-богатырь». Сюжет: Исцеление Ивана (= Ильи Муромца) + Чисто сказочный мотив о добывании унесенных в подземелье девушек, куда богатырь и опускается [20, с. 25–32].

III. Ивановская область

1. **Юрьевецкий район (бывший уезд Костромской губ.). Илья Муромец.** Прозаический текст конца XVIII в. Сюжет: Исцеление Ильи Муромца + Илья и разбойники + Илья разбивает силу под Черниговым + Илья и Соловей-разбойник + Илья и Идолище в Киеве [9, № 23, с. 128–129].

*2. **Место записи не обозначено.** Предание, записанное в 1961 г. Сюжет: Илья запрудил реку около Муромца (МГУ 1961 (Личный архив Ю. И. Смирнова).

IV. Калужская губерния (область)

1. **Боровский уезд.** Записано от старухи в середине XIX в. Былина: «Илья Муромец на Соколе-корабле». Сюжет: Плывущие по Волге гребцы хвалят-величают есаула Илью Муромца [21а, № 2. С. 90–91].

2. **Село Мокрое Куйбышевского района.** Былина: «Илья Муромец и разбойники». Запись 1977 г. [22, с. 82–83]. В этом же селе было записан еще один вариант [22, с. 83–84]. Сюжет: Разбойники предлагают Илье Муромцу продать коня, он отказывается.

3. **Деревня Починок Куйбышевского района.** Былина: «Илья Муромец и разбойники». Запись 1977 г. [22, с. 85]. В той же деревне записан еще один вариант [22, с. 86–87] Всего в смежных сельсоветах в 1977 и 1979 гг. было записано 19 подобных текстов, опубликовано с нотами 7 песен.

4. **Деревня Каменка Куйбышевского района.** Былина: «Илья Муромец и разбойники». Запись 1977 г. [22, с. 87–88.].

5. **Деревня Починок Куйбышевского района.** Былина: «Илья-Муромец и Соловей-разбойник» (неполный текст) [22, с. 70].

*6. **Деревня Быково Куйбышевского района.** Пересказ былины «Илья Муромец и Соловей-разбойник + Исцеление Ильи» [22, с. 70].

*7. **Там же.** Сказка о пахаре-богатыре (мотив былины «Микула Селянинович») + Встреча пахаря с Алешей Поповичем и другими богатырями + Бой пахаря с Идолищем (мотив былины «Илья Муромец и Сокольник») [22, с. 71].

V. Костромская губерния (область)

1. **Махловская волость Юрьевоцкого уезда.** Былина. Сюжет: Илья Муромец на Соколе-корабле + Илья и разбойники на лодке, желающие разбить корабль Ильи [23, с. 5–36].

VI. Курская губерния

1. **Обоянский уезд.** Сюжет: Алеша Попович и братья Бродовичи (=купцы обоянцы) [24, с. 26–27].

VII. Москва и Московская губерния

1. **Москва (Повесть о славном могучем богатыре о Илье Муромце и о Соловье разбойнике.** Прозаический текст конца XVIII — начала XIX в. Сюжет: Илья Муромец и Соловей-разбойник (фрагмент: Илья едет в Киев к князю Владимиру + конечная фраза) [9, № 4, с. 84].

2. **Москва (Алеша Попович).** Сюжет: Алеша Попович и братья Бродовичи. Записана П. В. Киреевским в первой половине XIX в. от 70-летней мешанки [21б, с. 64–66].

3. **Москва (Сказание о трех богатырях киевских, о славных витезах — [о] Илье Муромце, о Алеше Поповиче, [о] Михаиле Поток[е] Иваныче.** Прозаический пересказ второй половины XVIII в. Сюжет: Илья Му-

ромец, Алеша Попович и Михаил Поток Иванович едут в чужеземные страны за данью + Поток находит себе невесту + Венчание в Потока в Киеве + Отъезд Потока из Киева (окончания нет) [9, № 42, С. 194–195].

4. **Москва (Встреча с разбойниками)**. Записана С. И. Лапшиным от московского мещанина Сергея Вонифатьева. Сюжет: Старый (он же Добрыня) собирается напасть на Царьград, турок повырубить, а турчанок в полон взять + Старый и разбойники [11, № 3, с. 8].

5. **Московская губерния (Гистория о Илье Муромце и о Соловье разбоинике)**. Прозаический текст второй половины XVIII в. Сюжет: Илья Муромец едет в Киев + Илья разбивает вражеское войско под Себежем + Илья и Соловей-разбойник [9, № 9, с. 91–92].

6. **Московская губерния (Сказание о трех богатырях — Илье Муромце, Михаиле Потока Ивановиче и Алеше Поповиче)**. Прозаический текст второй половины XVIII в). Сюжет: Илья Муромец, Алеша Попович и Михаил Поток Иванович едут в чужеземные страны за данью + Попок находит себе невесту Авдотью + Венчание Поток в Киеве + Отъезд Потока из Киева + Царь Золотой орды Кощей дважды осаждает Киев, требуя отдать ему Авдотью + Дважды Поток побеждает Кощея + Авдотья умирает, а Поток живым ложится в гроб + В гробницу прилетает змея с двумя змеёнышами + Поток убивает змеёнышей + Змея приносит живой воду, которой Поток оживляет Авдотью + Поток в отъезде; Кощей опять осаждает Киев и требует отдать ему Авдотью; киевляне отдают ему Авдотью + Поток едет сразиться с Кошеем + Кощей с Авдотьей спят в шатре + Авдотья дает Поток усыпающее питье + Авдотья предлагает Кощею убить спящего Потока, тот отказывается + Авдотья превращает Потока в камень + Илья Муромец и Алеша Попович едут искать Потока + Калика (=Михаил Архангел) воскрешает Потока + Поток едет в Золотую Орду убить Авдотью + Авдотья усыпляет Потока питьем и приковывает его к стене + Дочь Кощея освобождает Потока и приковывает к стене татарина + Авдотья убивает татарина, думая, что это Поток + Илья Муромец, Алеша Попович и Поток побеждают вражеское войско, выкалывают глаза Кощею, убивают Авдотью + Богатыри возвращаются в Киев + Поток женится на дочери Кощея + Поток избивает киевлян, отдавших Авдотью Кощею [9, № 38, с. 175–180].

7. **Московский уезд, Воронки**. Записано 3 сент. 1833 г. Былина: «Илья Муромец и разбойники». Сюжет: Илья Муромец убеждает разбойников, что им нечего взять от него + Они не отстают от него + Илья не хочет убить разбойников и посылает стрелу в землю [21а, II. № 2, с. 16–17].

8. **Коломенский уезд, деревня Лаптева**. Былина: «Илья Муромец и Соловей-разбойник». Запись середины XIX в. Сюжет: Илья Муромец ищет

себе противника + Илья убивает Соловья-разбойника, сидящего на трех дубах [21а, № 2, с. 30–31]

9. **Город Коломна. Бой Добрыни с Ильей Муромцем.** Запись А. Н. Островского (вторая половина XIX в.). Сюжет: Добрыня, выехав из Царьграда, собирается, захватив Киев, Илью Муромца в ноги стоптать + Илья снаряжается для боя, выезжает навстречу Добрыни и убивает его [25, с. 17].

VIII. Новгород и Новгородская губерния (область)

1. **Новгород (Добрыня Никитич).** Записано П. В. Киреевским 9 сент. 1834 г. от Феклы. Сюжет былины: Скимен-зверь прибегает и ревет у реки Непры + Сын просит у матери благословения на отъезд и поиски родного брата — Ильи Муромца [21б, № 1, с. 1–2].

2. **Валдайский уезд, деревня Сосница, на берегу озера Селигер (Иван Гостиный сын).** Записано П. В. Киреевским от крестьянина Савелья, 5 сент. 1839 г. в г. Новгороде. Сюжет: Зачин + На судне едут сын с матерью + Сидящие на судне похваляются + Иван Гостиный сын похваляется своим конем + Спорящие закладываются на свою буйную голову + / пропуск/ Иван просит коня поспеть к заутрени из Киева до Владимирова + Конь просит подготовить его к этой поездке + Описание скакания коня (конца нет) [21, с. 1–3].

3. **Валдайский уезд, деревня Сосница, на берегу озера Селигер (Иван Гостиный сын).** Записано П. В. Киреевским на пожне. Отрывок: Зачин + Описание скакания коня, которое пугает людей [21, с. 3–4]

4. **Село Ретло Старорусского района Новгородской области (Про Добрыню).** Пересказ былины, которую исполнитель читал в книжке. Сюжет: Добрыня и Алеша Попович [26, с., 103–104].

IX. Орловская губерния

1. **Село Лимовое Малоархангельского уезда (Алеша Попович [Алеша и братья Бродовичи]).** Записана в первой половине XIX в. Сюжет былины: Братья хвастаются своей сестрой + Алеша Попович говорит им, что любовник их сестры + Братья убивают сестру [21б, с. 64–66].

2. **Малоархангельский уезд (Алеша Попович [Алеша и братья Бродовичи]).** Записана в первой половине XIX в. Н. А. Костровым. Сюжет: Братья хвастаются своей сестрой + Алеша Попович говорит им, что любовник их сестры + Братья собираются убить сестру [21б, с. 66–67].

3. **Орловская губерния (?) (Отъезд Добрыни из дома: фрагмент былины «Добрыня и Алеша»).** Запись напева (слух.) и текста М. А. Стаховича. Запись: 50-е гг. XIX в., от Н. М. Соболевского. Сюжет: Добрыня уезжает из дома + Просит у матери благословения + Мать спрашивает: на кого он оставляет жену и детей [27, № 20, с. 20].

4. **Орловский уезд.** Предание: Исцеление Ильи-пророка + Вознесение его на небо [28, с. 484–485].

X. Пензенская область

1. **Село Новая Каштановка Поимского района.** Записано в 1943 г. А. П. Анисимовой от Н. Ф. Родионова (75 л.). Сказка «**Про Илью Муромца**». Сюжет: Калики излечивают Илью Муромца + Приказывают, чтобы отец Ильи купил жеребенка + Призывают Илью стоять за святую Русь + Илья едет в Киев [29, с. 55–56].

XI. Петербургская губерния (Ленинградская область)

1. **Деревня Чернь Лужского уезда.** Записано в середине XIX в. С. И. Гуляевым от крестьянина Е. П. Быкова. Сюжет былины: Князь Владимир сообщает о нашествии на Киев царя Мамаю + Гонец к Мамаю просит трехмесячную отсрочку на поход на Киев + Мамай дает отсрочку + Илья Муромец едет собирать богатырей на Куликовом поле + Богатыри пируют шатре, Илья засыпает + Князь Владимир посылает к Илье Муромцу своего племянника Ермака Тимофеевича + Богатыри продолжают свое пиршество + Ермак один сражается с войском Мамаю + К усталому Ермаку на подмогу приезжают богатыри во главе с Илей Муромцем + Богатыри празднуют победу на пиру у князя Владимира + После пира богатыри отправляются на Куликово поле, гуляют, пьют, тешатся + К богатырям приезжает богатырша Бабища, желающая отомстить за погибшее войско Мамаю + Ермак выезжает сражаться с Бабищей и убивает ее [30, тетр. 2, стб. 145–152].

2. **Деревня Конец, Усанской волости, Новолодожского уезда.** Записано в сент. 1871 г. в Петербурге А. Ф. Гильфердингом от крестьянина И. Я. Гусева. **Илья Муромец и Калин-царь.** Сюжет: Три дороги + Илья Муромец и разбойники (=татары) + Илья убивает разбойников (= татар) /конца нет. [31, с. 451–452].

3. **Деревня Конец Усанской волости Новолодожского уезда.** Записано в сент. 1871 г. в Петербурге А. Ф. Гильфердингом от крестьянина И. Я. Гусева. Сюжет: Конь Ильи Муромца не смог не выскочить из четвертого окопа + Илью приводят к царю Кудриянищу + Царь предлагает Илье служить ему + Илья отказывается, и его ведут на казнь + Илья побеждает татар + Приходит к Кудриянищу и убивает его [31, с. 453–455].

4. **Деревня Конец Усанской волости Новолодожского уезда.** Записано в сент. 1871 г. в Петербурге А. Ф. Гильфердингом от крестьянина И. Я. Гусева. **Василий Буслаев.** Сюжет: На пиру у царя Ивана Васильевича богатыри хвастаются + Только Василий Богуслаевич соглашается ехать сражаться с его войском + Два друга Василия собираются вместе с ним на бой + Василий заключает с царем Иваном Васильевичем уговор: если он победит врага, то получит власть над Новгородом, а если проиграет, то нет ему

«ни сыску, ни отыску» + Василий рассказывает своей матери об уговоре с царем + Мать Василия запирает сына в доме + Друзья Василия сражаются с новгородцами + Друзья Василия ранены + Девушка-служаночка будит Василия + Василий ввязывается в бой + Его старается остановить родной дядюшка + Василий стал владеть Новгородом [31, с. 455–458].

5. **Деревня Конец Усанской волости Новоладожского уезда.** Записано в сент. 1871 г. в Петербурге А. Ф. Гильфердингом от крестьянина И. Я. Гусева. **Алеша Попович и Ярык богатырь.** Сюжет: Алеша Попович угрожает убить Ярыка и взять замуж его жену + Ярык убивает Алешу [31, с. 459].

*6. Подпорожский район. Запись Э. В. Померанцевой (личный архив). Сказка об Алеше Поповиче [33, с. 28].

*7. Пашский район. (Р.О. ИРЛИ, Р. V, колл. 118, папка 18, № 7) [33, с. 16].

8. **Деревня Алексеевская Винницкого района.** Записала П. Г. Ширяева в 1947 г. от М. А. Фешкова (86 лет). Сказка. Сюжет: Илья Муромец стал ходить и почувствовал в себе богатырскую силу в 30 лет + Илья едет в Киев + Бой Ильи с Соловьем-разбойником + Илья убивает дочерей и сестер Соловья-разбойника, которые хотели его убить + Илья и Идолище Поганое в Киеве + Илья убивает Идолище Поганое и Соловья-разбойника + Поклонившись князю, Илья возвращается домой [34, с. 104–106].

*9. **Подпорожский район.** Записала П. Г. Ширяева в 1947 г. от И. Я. Тимачева. Сказка «Про Садко, новгородского купца» (Р.О. ИРЛИ, Р. V, колл. 118, папка 22, № 45) [33, с. 28].

10. **Деревня Выстав Волховского района.** Запись В. С. Бахтина в 1957 г. от А. И. Гришина (60 л.). Сказка. Сюжет: Излечение Ильи Муромца стариком + Илья убивает Соловья-разбойника + Богатырь Руслан-Лазарь говорит, что он убил Соловья-Разбойника + На пиру у государя Илья убивает Руслана [35, № 25, с. 59–60].

ХII. Псковская область

1. **Деревня Сунево Пыталовского района.** Записали В. С. Бахтин и Д. М. Молдавский от И. Д. Богатырева в 1947 и 1948 гг. Сказка. Сюжет: Излечение Ильи Муромца + Бой Ильи с Соловьем-разбойником + Бой Ильи с Тугарином + Илья и Святогор + Бой Ильи с богатырем-татаринном [32, с. 87–93].

ХIII. Рязанская губерния (область)

1. **Место записи не указано (Илья Муромец; Илья Муромец и разбойники).** Сюжет былины: Старый собирается поехать в Царьград, повырубить турок, турчанок же взять в плен + Старый и разбойники [21а, № 1, с. 15–16].

2. **Деревня Чурилкова Зарайского уезда.** Записал А. Маслов от женщины. Сказка. Сюжет: Исцеление Ильи Муромца (Мурыча) старичком + Илья идет в поле к своим родителям + Илья отрубает Соловью-разбойнику 6 голов [1, с. 376].

3. **Село Леки Егорьевского уезда.** Записал крестьянин Иван Степанович Гришкин по просьбе А. А. Шахматова (1920-е гг.) (**Илья Мурымиц и Сылавей разбойник**). Сказка. Сюжет: Исцеление Ильи Муромца странниками, которые велят ему ехать в Киев + Две дороги + Илья и Соловей-разбойник + Встреча Ильи с Алёшей Поповичем + Илья и Алеша в Киеве у князя Владимира + Илья убивает Соловья-разбойника, который свистит в полный свист [36, с. 98–101].

*4. РО ИРЛИ, Р. V, колл. 47, папка 18, № 9 (запись Р.С. Липец).

XIV. Смоленская губерния

1. **Место записи не указано.** Записал В. Н. Добровольский. Сказка. Сюжет: Исцеление Ильи Муромца (Мурама) + Илья и Соловей-разбойник + Илья и Обжора (= Идолище) + Илья убивает Обжору шляпой + незрячий богатырь Алькадим предвидит свою смерть от Ильи и велит строить себе гроб + Алькадим крепко жмет руку Илье, которому это не понравилось + Илья убивает Алькадима [37, с. 397–402].

2. **Место записи не указано.** Записал В. Н. Добровольский. Предание. Сюжет: Илья расчищает берег от дубов, которые бросает в море [37, с. 397].

3. **Село Даньково Смоленского уезда.** Записал В. Н. Добровольский. Былина: Алеша Попович и братья Бродовичи. Сюжет: братья хвастают целомудренностью своей сестрой + Алеша говорит, что она его любовница [37, т. XXVII, с. 599].

*4. **Бельский уезд.** Записал В. В. Богданов. Сказка (Илья Муромец и Соловей-разбойник + Илья Муромец и Идолище). Сюжет: Илью излечивает старик + Илья и разбойники + Освобождение Чернигова от врагов + Илья и Соловей-разбойник + Илья и Идолище [1, с. 378].

5. **Деревня Полюны Краснинского уезда.** Записал А. Л. Маслов в 1908 г. от старой крестьянки М. И. Губернаторовой. Былина: Илья Муромец и Данидонище. Сюжет: В поле три богатыря: Илья Муромец, Добрыня Микитич и Алеша Попович + Они встречают убогого калеку, который сообщает, что в Новом городе наехал царь Данидонище + [Илья Муромец] в образе калеки приходит в Нов-город и убивает Данидонища [39, с. 299–300, № 9].

XV. Тамбовская губерния (область)

1. **Елатомский уезд.** Записал П. И. Астров. Сказка. Сюжет: Илью Великого исцеляют три ангела + Илья и Соловей-разбойник + Дети Соловья стараются убить Илью + Илью спасет Бог и берет его на небо [1, с. 375–376].

2. **Деревня Комендантская, Покрово-Марфинского района.** Записал С. Г. Лазутин от В. И. Головашина в 1939 г. Сказка. Сюжет: Исцеление Ильи Муромца + Илья и Соловей-разбойник + Илья и Святогор + Ссора Ильи с князем Владимиром + Бой Ильи с иноземным богатырем нахвальщиком [45, № 1].

XVI. Тверская губерния

1. **Краснохолмский уезд. Повесть о сильном могущем богатыре о Илье Муромце и о Соловье Разбойнике.** Прозаический текст второй половины XVIII в. Сюжет: Илья Муровец едет в Киев + По дороге разбивает вражеское войско под городом Себеж + Илья и Соловей-разбойник + Князь Владимир приглашает Илью на службу [9, № 1, с. 79–81].

XVII. Тульская губерния

1. **Алексинский у.** Запись первой половины XIX в. Былина **Алеша Попович (Алеша Попович и братья Бродовичи)**. Сюжет: Два брата похваляются своей сестрой + Алеша Попович говорит, что он любовник их сестры + Братья убивают сестру [216, № 1, с. 64–66].

2. **Алексинский у.** Запись середины XIX в. Былина **Добрыня Никитич**. Сюжет: Скипер-зверь ревет у Непры-реки + Отъезд Добрыни в чистое поле + Наказ Добрыни жене не выходить замуж за Алешу Поповича [216, № 2, с. 2–3].

XVIII. Ярославская губерния (область)

1. **Ростовский у. Повесть о славном богатыре Илье Муромце, како он родился и как поехал из Муромы к столному граду Киеву ко князю Владимиру Всеславьевичу.** Прозаический текст XVIII в. Сюжет: Исцеление Ильи двумя странниками + Илья калечит людей на улице + Илья едет в Киев + По пути он побеждает вражеское войско, осадившее город Кинешму + Илья и Соловей-разбойник + Илья рассказывает князю Владимиру о своих подвигах + Сыновья Соловья-разбойника приезжают в Киев и выкупают своего отца [9, с. 107–110, № 14].

2. **Город Углич. Гистория о славном, о храбром и сильном богатыре Илье Муромцу сыне Ивановиче и о Соловие разбойнике.** Прозаический текст второй половины XVIII в. Сюжет: Святитель Николай излечивает Илью + Илья калечит людей на улице + Илья едет в Киев + По пути он побеждает вражеское войско, осадившее Сибирское царство + Илья и Соловей-разбойник + Илья рассказывает князю Владимиру о своих подвигах + Илья уезжает из Киева вместе со слугой Торопом + Илья побеждает царя Тухмана и его войско + Тороп ошибочно принимает Илью за Тухмана и чуть было не убивает Илью + Радость князя Владимира по случаю победоносного возвращения в Киев Ильи [9, с. 92–96, № 10].

3. **Город Углич. Сказание о киевских богатырях, како ходили во Царьград и како они побили цареградских богатырей.** Прозаический текст XVIII в. Сюжет: Князь Владимир просит богатырей охранять Киев от нашествия войска из Царьграда + Богатыри едут в Царьград + По дороге богатыри встречают калик и меняются с ними платьями + Придя в Царьград, богатыри просят милостыни + Ссора Алеши Поповича с чужеземным богатырем Идолом + Богатыри уезжают из Царьграда и побеждают татарское войско и цареградских богатырей + Идола отдают цареградскому царю, а Тугарина Змиевича берут с собой в Киев + Князь Владимир награждает победителей [9, с. 157–160, № 34].

4. **Место записи не известно.** Былина «Алеша Попович и Тугарин». Сюжет: Алеша Попович со слугой Екимом Иванович выезжают из Ростова + Три дороги + Калика говорит, что он видел Тугарина Змеевича = Алеша и калика меняются одеждами + Алеша убивает Тугарина + Еким чуть не убивает Алешу, приняв того за Тугарина + Алеша и Еким приезжают в Киев + Тугарин жадно ест в покоях князя Владимира + ссора Тугарина с Алешей + Алеша хитростью побеждает Тугарина + Жена князя Владимира обвиняет Алешу за то, что он убил ее друга [41, № 1, с. 15–27].

5. **Село Угодичи Ростовского уезда.** Запись А. Артынова. **Женитьба князя Владимира.** Сюжет: По Днепру плывут струги с русскими богатырями + Они собираются добыть в жены князю Владимиру дочь правителя Золотой Орды [41, № 2, с. 28–30].

Сюжеты¹.

Бой Илья Муромца с Добрыней Никитичем (VII, 9)

Добрыня Никитич и Илья Муромец (VIII, 1)

Добрыня и Маринка (II, 4)

Добрыня и Алеша Попович (сказка: II, 8; пересказ былины из книги: VIII, 4; IX, 3; XVII, 2)

Исцеление Ильи Муромца (предание: исцеление Ильи Пророка: IX, 5; сказка: X, 1)

Илья Муромец и Соловей-разбойник (IV, 5; пересказ: 6 + исцеление Ильи; VII, 1 проза: 5; 8; сказка: XII, 1 + Илья и Идолище Поганое в Киеве); сказка: XI, 10+ Илья и Руслан (=Идолище); XIII, 2; проза: 3; сказка: XIV, 1 + Илья и Обжора (=Идолище) + Илья и Алькадим (=Святогор); 5: сказка + Илья и Идолище); сказка: XV, 1; проза: XVI, 1; проза: XVIII, 1, 2

Илья Муромец и Идолище (XIV, 6)

Илья Муромец и Сокольник (II, 1)

Илья Муромец, Ермак и Мамай-царь (=Калин-царь) (XI, 1)

¹ Римские цифры означают регион, где зафиксирован текст былины, арабские — номер текста внутри региона.

Илья Муромец и Кудриянице (= Калин-царь) (XI, 3)

Илья Муромец и разбойники (II, 3; IV, 2 -4; VII, 4, 7; XI, 2; XIII, 1)

Илья Муромец на Соколе-корабле (I, 9; IV, 1; V, 1).

Илья Муромец (сводные тексты): проза: Исцеление Ильи Муромца + Илья и разбойники + Илья разбивает силу под Черниговым + Илья и Соловей-разбойник + Илья и Идолище в Киеве (I, 1); сказка: Исцеление Ильи + Помощь родителям + Илья и разбойники (здесь богатыри) + Три дороги + Илья и ведьма в виде девушки + Илья Муромец и богатство + Илья и Святогор. Исцеление Ильи (II, 6, 7); проза: Исцеление Ильи Муромца + Илья и разбойники + Илья разбивает силу под Черниговым + Илья и Соловей-разбойник + Илья и Идолище в Киеве (III, 1)

Алеша Попович и Тугарин (сказка: XI, 6; XVIII, 4)

Алеша Попович и Ярюк богатырь (XI, 5)

Алеша Попович и братья Бродовичи (VI, 1; VII, 2; IX, 1, 2; сказка: XIV, 4); XVII, 1)

Потык; (проза) Илья Муромец, Алеша Попович и Михаил Поток Иванович едут в чужеземные страны за данью + Поток находит себе невесту + Венчание Потока в Киеве + Отъезд Потока из Киева (VII, 3).

(проза) Илья Муромец, Алеша Попович и Михаил Поток Иванович едут в чужеземные страны за данью + Попок находит себе невесту Авдотью + Венчание Потока в Киеве + Отъезд Потока из Киева + Царь Золотой орды Кощей дважды осаждает Киев, требуя отдать ему Авдотью + Дважды Поток побеждает Кощея + Авдотья умирает, а Поток живым ложится в гроб + В гробницу прилетает змея с двумя змеёнышами + Поток убивает змеёнышей + Змея приносит живую воду, которой Поток оживляет Авдотью + Поток в отъезде; Кощей опять осаждает Киев и требует отдать ему Авдотью; киевляне отдают ему Авдотью + Поток едет сразиться с Кощеем + Кощей с Авдотьей спят в шатре + Авдотья дает Поток усыпающее питье + Авдотья предлагает Кощею убить спящего Потока, тот отказывается + Авдотья превращает Потока в камень + Илья Муромец и Алеша Попович едут искать Потока + Калика (=Михаил Архангел) воскрешает Потока + Поток едет в Золотую Орду убить Авдотью + Авдотья усыпляет Потока питьем и приковывает его к стене + Дочь Кощея освобождает Потока и приковывает к стене татарина + Авдотья убивает татарина, думая, что это Поток + Илья Муромец, Алеша Попович и Поток побеждают вражеское войско, выкалывают глаза Кощею, убивают Авдотью + Богатыри возвращаются в Киев + Поток женится на дочери Кощея + Поток избивает киевлян, отдавших Авдотью Кощею (VII, 6).

Сюжет: Князь Владимир просит богатырей охранять Киев от нашествия войска из Царьграда + Богатыри едут в Царьград + По дороге богаты-

ри встречаются калик и меняются с ними платьями + Придя в Царьград богатыри просят милостыни + Ссора Алеши Поповича с чужеземным богатырем Идолом + Богатыри уезжают из Царьграда и побеждают татарское войско и цареградских богатырей + Идола отдают цареградскому царю, а Тугарина Змиевича берут с собой в Киев + Князь Владимир награждает победителя (XVIII, 3)

Дюк Степанович (I, 7).

Ставр Гоудинович и Василиса Микулишна (I, 5).

Иван Гостинный сын (VIII, 2)

Мишута Данилович (II, 2)

Василий Буслаев (XI, 4)

Садко в подводном царстве (II, 5; сказка: XI, 9)

Сюжет: По Днепру плывут струги с русскими богатырями + Они собираются добыть в жены князю Владимиру дочь правителя Золотой Орды (XVIII, 5)

1. Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности [1]. Былины. 1–XVI. М., 1897. С. 65–96; 69; 376; 378; 375–376.

2. Чичеров В. И. Школы сказителей Заонежья. М., 1982. С. 5.

3. Астахова А. М. Былины. Итоги и проблемы изучения. М.; Л., 1966. С. 217.

4. Дмитриева С. И. Географическое распространение русских былин по материалам конца XIX — начала XX в. М., 1975. С. 21.

5. Зачиняев А. Об эпических преданиях Орловской, Курской и Воронежской губ. // Известия ОРЯС. 1906. Т. XI-го книжка 1-я. С. 147–148.

6. Пропп В. Я. Русский героический эпос. Л., 1955. С. 492.

7. Новиков Ю. А. Эпический мир и способы его художественного воплощения (Из текстологических наблюдений над былинами). Вильнюс, 2013. С. 313.

8. Смирнов Ю. И. Былины. Указатель произведений в их вариантах, версиях и контаминациях. М., 2010. 278 с.

9. Былины в записях и пересказах XVII–XVIII веков / издание подготовили А. М. Астахова, В. В. Митрофанова, М. О. Скрипиль. М.; Л., 1960. С. 119–120; 128–129; 84; 194–195; 91–92; 175–180; 79–81; 107–110; 92–96.; 157–160.

10. Колосов М. А. Заметки о языке и народной поэзии в области севернорусского наречия // Сб. ОРЯС. 1877. Т. 17. С. 310.

11. Русские былины старой и новой записи / под ред. Н. С. Тихомирова и В. Ф. Миллера. М., 1894. С. 277; 8.

12. Бережков М. Еще несколько образцов народных исторических песен, записанных во Владимирской губернии. Нежин, 1895. С. 6–11.

13. Рабинович Б. И. Музыкальные записи народных песен во Владимирской обл. // Традиционный фольклор Владимирской деревни. М., 1972. С. 92.

14. Гордиенко О. В. Былинный напев, записанный на Владимирщине // Русский фольклор. СПб., 2001. XXXI. С. 237.

15. Воронежский литературный сборник, повременное издание. Воронеж, 1861. Вып. 1. С. 59–64.

16. Воронежские губернские ведомости. 1861. № 30 (29 июля). С. 418–419.

17. Концерты М. Е. Пятницкого с крестьянами. М., 1914. С. 42.

18. Сказки А. Н. Корольковой / запись, вст. ст. и комм. В. А. Тонкова. Воронеж, 1941. С. 11–15.

19. Русские народные сказки / сост. и отв. ред. Э. В. Померанцева. М., 1969. С. 25–32; 32–36.

20. Народные сказки Воронежской области. Современные записи / под ред. А. И. Кретьова. Воронеж, 1977. С. 25–32.

21. Песни, собранные П. В. Киреевским. Изданы Обществом любителей российской словесности. М., 1861. С. 1–4.

21а. Песни, собранные П. В. Киреевским. Изданы Обществом любителей российской словесности (изданием 2-м, без изменений). М., 1868. С. 90–91; 16–17; 15–16.

21б. Песни, собранные П. В. Киреевским. Изданы Обществом любителей российской словесности. 2-е изд., значительно исправл. и доп. П. Бессоновым. М., 1875. Вып. 5. С. 64–66; 1–2; 64–66; 66–67; 64–66; 2–3.

22. Селиванов Ф. М., Канчавели Л. Г. Песня на былинный сюжет в Калужской области // Музыкальная фольклористика. М., 1986. Вып. 3. С. 82–88.

23. Андроников В. Народные песни сказания и легенды Махловской волости, Юрьевоцкого уезда // Костромская старина. Издание Костромской Ученой Архивной Комиссии. Вып. 7. Кострома, 1911. С. 35–36.

24. Машкин А. С. Быт крестьян Курской губ., Обоянского у. // Этнографический сборник, издаваемый РГО. М., 1862. Т. V. С. 26–27.

25. Русские народные песни, собранные П. В. Шейном. Песни былевые // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1877. Кн. III, отд. II. С. 17.

26. Традиционный фольклор Новгородской области. Серия: Памятники русского фольклора. Сказки. Легенды. Предания. Былички. Заговоры. По записям 1963–1999 гг. СПб., 1999. С. 103–104.

27. Стахович М. А. Русские народные песни / предисл., ред. и примеч. Н. Владыкиной-Бачинский. М., 1964. С. 20.
28. Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1903. С. 484–485.
29. Песни и сказки Пензенской области / сост. А. П. Анисимова; под ред. Э. В. Померанцевой. Пенза, 1953. С. 55–56.
30. Былины или побывальщины, собранные г. Гуляевым // Памятники и образцы народного языка и словесности русских и западных славян. Прибавление к Изв. имп. АН по отделению русского языка и словесности. СПб., 1853. Тетр. 2. С. 145–152.
31. Гильфердинг А. Ф. Певец былин в Петербургской губернии // Русская старина. 1871. Т. IV. С. 451–458.
32. Господин леший, господин барин и мы с мужиком. Записи о сказочниках Д. Молдавского и сказки, собранные В. Бахтиным и Д. Молдавским. М.; Л., 1965. С. 88–91.
33. Астахова А. М. Народные сказки о богатырях русского эпоса. М.; Л., 1962. С. 28; 16.
34. Сказки Ленинградской области серьезные и несерьезные и не очень, байки, народные анекдоты и прибаутки / собрали и подготовили к печати В. Бахтин и П. Ширяева. Л., 1978. С. 104–106.
35. Сказки, песни, частушки, присловья Ленинградской области / зап., сост., обработка и примеч. В. С. Бахтина. Л., 1982. С. 59–60.
36. Диалектологические материалы, собранные В. И. Тростянским, И. С. Гришкиным и др. / приготовил к печати и снабдил примечаниями А. А. Шахматов // Сб. ОРЯС РАН. Пг., 1920. Т. 95. С. 98–101.
37. Смоленский этнографический сборник / сост. В. Н. Добровольский. Ч. 1 // Записки РГО по отделению этнографии. Т. XX. СПб., 1891. С. 397–402; 397; 416–433.
38. Смоленский этнографический сборник / сост. В. Н. Добровольский. Ч. IV // Записки РГО по отделению этнографии. Т. XXVII. СПб., 1903. С. 599.
39. Былины новой и недавней записи из разных местностей России / под ред. В. Ф. Миллера при ближайшем участии Е. Н. Елеонской и А. В. Маркова. М., 1908. С. 299–300.
40. Тамбовский фольклор : сборник / составлен коллективом фольклорной экспедиции МИФЛИ; ред. и предисл. акад. Ю. М. Соколова и Э. В. Гофман. Тамбов, 1941. С. 79–81.
41. Ярославский фольклор дооктябрьский / сост.: Б. Н. Быстров, Н. Е. Новиков; под ред. В. Ю. Крупянской и В. М. Сидельникова. Ярославль, 1938. С. 24–28; 28–30.

**ЛЕОНИД АНДРЕЕВ И ТЕАТРАЛЬНЫЕ ИСКАНИЯ XX ВЕКА.
АНДРЕЕВ И ЗАМЯТИН****LEONID ANDREEV AND THEATRICAL SEARCHES
OF THE XX CENTURY. ANDREEV AND ZAMYATIN**

В данной статье рассматриваются театральные теории и практики Леонида Андреева, предвосхитившие поиски новых форм и нового языка в драматургии XX века. Данная проблема представлена в широком контексте многообразных концепций обновления театра, бытовавших в России первой трети XX века. Особенно подробно анализируется типологическое родство театральных открытий Л. Андреева и Е. Замятина, сблизившихся в попытках создания театра «представления», в идее «народного театра», опирающегося на традиции лубка и балагана.

Ключевые слова: *новая драма, интеллектуальный театр «представления», народный театр, народная смеховая культура, лубок, карнавализация.*

This article examines the theatrical theories and practices of Leonid Andreev, which anticipated the search for new forms and a new language in the drama of the twentieth century. This problem is presented in the broad context of the diverse concepts of theater renewal that existed in Russia in the first third of the twentieth century. The author analyzes in particular the typological kinship of the theatrical discoveries of L. Andreev and E. Zamyatin, who came together in attempts to create the theater of “representation”, in the idea of “people’s theater”, based on the traditions of lubka and balagan.

Keywords: *new drama, intellectual theater “representations”, folk theater, folk laughter culture, lubok, carnivalization*

Сегодня общепризнано, что драматургия Леонида Андреева — новаторская попытка обновить театр «старых форм», отказавшись от натуралистической видимости, политической злободневности и бытового правдоподобия, — во многом предвосхитила театральные искания XX века. При этом продолжение андреевской традиции преобразования быта в бытие, стремление в повторяющихся закономерностях жизни увидеть ее метафизическое просветление, усматривается, как правило, в новаторских тенденциях зарубежного театра: пьесах Ж. Кокто, Ж. Ануя, Э. Ионеско, Т. Уильямса и др. На отечественной сцене примеры удачных театральных воплощений андреевских пьес редки. Это указывает на то, что режиссеры как при жизни писателя, так и в последующую эпоху предлагали не соответствующие их поэтике

постановочные решения. Между тем размышления о будущем театра, разрабатываемая Андреевым теория новой драмы оказались чрезвычайно продуктивными для театрального контекста начала XX века.

Одним из авторов, которому оказались близки театральные открытия Л. Андреева, стал Евгений Замятин. При этом необходимо отметить, что схожесть размышлений и художественных поисков отнюдь не предполагала непосредственного влияния одного писателя на другого. Их объединяло глубинное, «типологическое» родство. Леонид Андреев и Евгений Замятин — представители разных поколений в русской литературе начала XX века, творческие искания которых шли в одном направлении. Как никто другой, они сумели почувствовать «нерв» своей эпохи — эпохи эсхатологических предчувствий, смены культурных парадигм, слома общественного устройства и традиционного сознания. Каждый из них по-своему приходил к выводу, что только синтезирующее, интегрирующее начало, пришедшее на смену аналитическому, характерному для спокойных статических состояний, способно воссоздать картину катастрофического мира, потрясенного войнами и революциями.

Можно указать на сходство внутренних закономерностей и внешних обстоятельств, побудивших того и другого писателя обратиться к драматургии и театру. Оба писателя предпринимают свои первые драматургические опыты, уже имея литературную известность. Начало драматургической деятельности Андреева приходится на годы Первой русской революции с ее открытой публицистичностью. Для Замятина почвой становится послеоктябрьская эпоха с ее яркой театральностью.

Для обоих обращение к театру не было случайным. В прозе того и другого читатели и критики отмечали сильное воздействие театральной эстетики. И. Анненский писал об Андрееве: «Сцена тоже избаловала его своими эффектами»; «...его замучили контуры, светотени, контрасты сгущения теней и беспокойные пятна...» [1, с. 147]. «Даже в прозе чувствуется очень сильное воздействие театра, настолько сцена «избаловала» его своими эффектами» [2, с. 8], — почти теми же словами Б. Филиппов характеризовал Замятина. Оба они — личности «театральные», хорошо знавшие современный театр и размышлявшие над перспективами его развития. Начало творческой деятельности Андреева прошло под знаком увлечения Московским художественным театром. С его достижениями писатель связывал свои драматургические опыты: «Не будь Художественного театра, я, вероятно, и не подумал бы писать пьесы» (3, с. 386), — писал он В. И. Немировичу-Данченко. Уже в своих фельетонах 1900-х годов, посвященных Художественному театру, Андреев размышлял об основных категориях нового искусства — искусства синтетического, совмещающего разные жанры, сти-

ли, направления, и утверждал, что МХТ «открыл дверь в область нового искусства». Замятин в разработке новой формы опирался на художественную практику «детища» Художественного театра — МХТ–2, поставившего на своей сцене его «Блоху».

Оба размышляли о реформировании драмы и — шире — современного театра. Опыт Леонида Андреева в создании нового театра, освобожденного от «невольной схоластики и мертвящей догмы», не мог пройти мимо сознания Замятина. Андреев — самый репертуарный драматург начала века, и Замятин, как человек театральный, безусловно, интересовался его пьесами. Опубликованные письма писателя к жене свидетельствуют о внимании к постановкам андреевских пьес и на столичной, и на провинциальной сцене. Сообщая о том, что ему предложили билет на премьеру «Анфисы», состоявшуюся 10 октября 1909 года в Новом драматическом театре в Петербурге, он замечает: «...на «Анфису» и в частности на 1 представление мне пойти интересно» [4, с. 60]. В письме из Николаева, где молодой инженер работал на корабельных верфях, он сообщал: «Веду себя нынче в театр на “Не убий”» [4, с. 168]. «Анфиса», и «Не убий» («Каинова печать») относятся к разряду андреевских драм «ретушированного реализма», которые сам писатель характеризовал так: «Оставаясь ненавистником чистого реализма, я сгустил краски, некоторые положения и характеры довел до крайности, почти дисгармонии или карикатуры, ввел изрядное количество «рож», даже черных масок» [5, с. 233]. Параллели с драматургией «ретушированного реализма» можно найти в первых пьесах Замятина «Огни святого Доминика» и «Общество почетных звонарей». В них исследователи отмечали отсутствие полутонов, плакатную четкость интриги и образов, резкую, доходящую до карикатурной остроты очерченность характеров, динамичность интриги, смешение жанров, использование приемов трагедии и мелодрамы.

Задумывая «реформировать драму», Андреев противопоставлял реалистическому театру «переживания» интеллектуальный театр «представления», задача которого — не воспроизведение действительности и воздействие на чувства зрителя, а претворение лишь *мысли* о жизни, апелляция к зрительскому интеллекту, — «чтобы зритель ни на одну минуту не забывал, что он стоит перед картиной, что он находится в театре, а перед ним актеры, изображающие то-то и то-то» [3, с. 382]. Разрушение иллюзии живой жизни, по Андрееву, необходимо для создания театра отвлеченной мысли, в центре которого стояли бы бытийные проблемы, соответствующие эсхатологическому и апокалипсическому сознанию эпохи. «С внешней стороны — это стилизация, характеры, положения и обстановка должны быть приведены к основным своим идеям, упрощены и в то же время углублены,

благодаря отсутствию мелочей и второстепенного. <...> С внутренней стороны — это широкий синтез, обобщение целых полос жизни» [3, с. 383].

Необходимость создания нового театра Андреев увязывал с появлением после революции 1905 года нового читателя и нового зрителя. По его мнению, это должна быть демократическая драма, простая и понятная, ориентирующаяся на устойчивые, традиционные народные формы — «не книжкой для народа, не нравучением, а именно демократической в смысле универсальности» [6, с. 2]. В письме к В. И. Немировичу-Данченко (1908) он писал: «Моя задача в драме — демократизация искусства, то есть упрощение внешних приемов при сохранении внутренней идейной сложности» [5, с. 235]. Долгое время Андреев вынашивал мечту о создании собственного театра, независимого от буржуазной публики, экспериментаторского. Незадолго перед революцией эти мечты обрели реальность в планах создания народного театра. Летом 1916 года, обдумывая планы работы театрального отдела в газете «Русская воля», он писал В. И. Немировичу-Данченко, что его мало интересуют «мещанские буффы и миниатюры». Его особенно волнует «народный» театр, вопросы, теория, практика народных театров, «этому будет уделено особое внимание и благоволение, и ярость наша» (5, с. 280). Другому адресату — театральному критику С. С. Голоушеву Андреев сообщал о своих планах более определенно: «...дело **создания** народного театра я хочу сделать одной из кардинальных задач газеты. Тут не в одних теориях дело, а надо нечто провести, внедрить в умы, создать. <...> Конечно, «народный» театр не есть детский театр или театр «кукол», морального болванства — а **большое** здание, в котором талантливые актеры играют общечеловеческий репертуар» [7]. Попросив друга написать для «Русской воли» статью о народном театре и не удовлетворенный полученным вариантом (длинна, путана, не выразительна и не заразительна), он набросал свои тезисы: «Народный театр как дело величайшей государственной важности. Помимо водки — народ идет и должен идти к верхам и один из путей — театр. Его сила, захват, могущество, влияние и т. д.» [7]. Андреев неоднократно возвращался к идее создания народного театра, но она так и осталась нереализованной на практике.

О необходимости нового театра для нового зрителя в том же русле размышлял в 20-е годы и Замятин. Перспективой театрального развития ему также представлялся народный театр. При этом он разграничивал понятия театр «для народа» — примитивизированный театр второго сорта, созданный «верхами» для «низов»; и «народный театр» как форма — «те своеобразные формы театра, какие в течение веков созданы самим народом, его — очень древней и крепкой культурой: <...> это обрядовый, кукольный театр, народная комедия и драма» [2, IV, с. 428].

Таким образом, и Андреев, и Замятин сознательно обращаются к традициям народной культуры. Обращение к народной эстетике — общая тенденция художественной жизни начала XX века. Мотивы народных праздников, русской ярмарки, балагана нашли отражение в изобразительном искусстве (и в его тематике: «Балаганы» Б. Кустодиева, «Кукольный театр» С. Суйдейкина, и в живописных решениях произведений А. Бенуа, М. Ларионова, Н. Гончаровой, И. Сапунова, К. Петрова-Водкина, М. Шагала и др.). Поэтика балаганных представлений, соединенная с традицией европейской карнавальной культуры, с итальянской комедией *de l'arte*, определила направленность режиссерских исканий В. Мейерхольда. А. Ремизов в своих «русальных действиях» пытался реконструировать содержание народной комедии и драмы. Но картины «мирискусников» — это, в первую очередь, стилизация. У Мейерхольда условность балаганного театра (знаменитые мейерхольдовские арапчата, открывавшие действие блоковского «Балаганчика») — не более чем *прием*, ставший своего рода «знаком» маскарадной эпохи [8], но не всегда оправданный содержанием [9]. Ремизовские опыты Замятин считал кабинетной архаикой. Нужен народный театр *как форма*, — провозглашал он в статье «Народный театр» (1927) и его особенности определял так: «Истинно народный — это, конечно, театр не реалистический, а условный от начала до конца, это именно — игра, дающая полный простор фантазии, оправдывающая любые чудеса, неожиданные анахронизмы» [2, IV, 428].

В 1913 году в своих «Письмах о театре» Андреев, размышляя о будущем этого вида искусства, произнес поистине пророческие слова. По его мнению, одним из возможных направлений развития театра, которое поможет ему выдержать конкуренцию с «чудом XX века» — кинематографом, — это включение в театральное действие зрителей, театрализация жизни — «театр расплывется, уйдет в самую жизнь, как один из элементов ее». «Развитие социальной жизни обещает и новую почву для нетеатральной игры: будут процессии, в которых играть будут массы; быть может, возродятся и мистерии; на некоторых новых началах, но с их неизменным условием участия всеобщего в игре.

<...> Выступление на арену истории масс — чем будет отличаться в веках грядущих век настоящий — выведет театр игры из его тесного зрительного закоулка на свободную ширину улиц и площадей; и кто знает — не будут ли писаться сценарии <...> для таких представлений, в котором участником явится весь миллионный город» [10, с. 284].

Андреев как бы провидел самое яркое явление общественной и культурной жизни послереволюционного Петрограда — грандиозные массовые театральные действия под открытым небом, приуроченные к первым октябрь-

ским годовщинам, — тот самый театр «улиц и площадей», где театральными подмостками становились городские улицы, Дворцовая площадь и ступеньки Биржи. Замятин был свидетелем этих зрелищ и в своей статье «Современный русский театр» (1931) называл их интересным опытом массового театра. «Многие петербургские поклонники театра вспоминают зрелище, подмостками которого были огромный портал и лестница петербургской Биржи. Ставилась спешно состряпанная революционная пьеса. Но дело было не в пьесе, а в масштабах театра: вместо первоначального гонга — пушечный выстрел, вместо огней рампы — военные прожекторы, вместо декораций — огромные белые колонны на черном покрывале ночи. <...> То было поистине великолепное театральное зрелище», — писал Замятин и делал вывод, почти дословно повторяющий андреевский: «Быть может, путь к театру будущего пройдет как раз через улицы и площади» [2, IV, 453].

Оживление театральной жизни в первые послеоктябрьские годы шло в русле общих художественных исканий эпохи, и в глубинной своей основе она соотносилась с атмосферой времени. Театральность воспринималась как примета самой послереволюционной действительности. Для многих революция «была спектаклем, зрелищем», в котором пространство раздвинулось за счет хлынувших на площадь народных масс. «Голодная, босая революция нанизывает новое звено на общую цепь того площадного искусства, где количество становится качеством, цепь, уходящую в далекие века: средневековые мистерии, рыцарские джосты <...>, санкюлотские ритуалы французской революции» [11, с. 225], — писал художник Ю. Анненков, принимавший действенное участие в оформлении и организации данных массовых зрелищ. Главный теоретик этих постановок (прежде всего — массовых инсценировок штурма Зимнего) и идей «народного театра» Платон Керженцев обозначил цель массовых представлений так: «не играть для народной аудитории», а «помочь этой аудитории играть самой» [12, с. 44]. По его замыслу, народ должен был играть сам, без посредничества жрецов и профессионалов, и представлять самого себя — как форму и главную тему. Образцом же служили фестивали времен Французской революции.

Атмосфера эпохи способствовала распространению мнений, что старый театр, дававший копию жизни, должен быть заменен массовым театральным действием, в котором театр сольется с жизнью, где исчезнут границы, отделяющие зрителя от артиста, а жизнь — от праздника.

Поиски по созданию нового народного театра, включавшего элементы площадного представления, лубка, балагана, вели разные художники. Ю. Анненков выступал с идеей синтеза разных жанров и «цирказации» зрелища. С. Радлов мечтал проложить путь к всенародному театру революции, театру-стадиону, театру многотысячных толп с единством сцены и зри-

тельного зала. А. Мгебров говорил о необходимости «героического театра», основанного на соборности и экстатическом действе. Ф. Степун видел будущее драматического искусства в монументальном театре трагического действия, призванном выразить катастрофичность эпохи, отказывающегося от бытовой изобразительности и «преображающего жизнь в подлинность духовного бытия» [13, с. 123]. Н. Евреинов формулировал свою теорию «театральности», утверждая возможность пересоздания человека через культуру. Наконец, Вс. Мейерхольд, безусловно, главная фигура театральной послеоктябрьской жизни, создал свою теорию «Театрального Октября», где предложил пять пунктов новой системы режиссерского и актерского творчества: создание агитационного зрелища, спектакля-митинга, вовлекавшего в действие зрителей, установление единства сцены и зала, разрушение сценической коробки и рампы, опрокидывание условной «четвертой стены» бытового театра; упрощение и схематизацию оформления спектакля, отмену иллюзорной (правдоподобной) изобразительности, воспитание нового актера, играющего свое отношение к образу, не прячась за грим и костюм персонажа, создание образов спектакля как социальных масок, отражающих единство политических современных целей и игровых средств народного площадного театра. Эти идеи наиболее последовательно воплотились в двух спектаклях Мейерхольда: «Мистерии-буфф» Маяковского, представленном в первую годовщину советской власти на арене цирка Чинизелли в Петрограде, и поставленной в московском театре «РСФСР-1» пьесе бельгийского драматурга Э. Верхарна «Зори» – пьесе о народном восстании, спектакле массового действия с вовлечением в него зрительного зала и импровизационным включением фактов злободневной политической жизни.

Так в эти годы актуализировался замысел Л. Андреева о создании народного театра с его демократической «архитектурой», доступными и трогательными всех приемами; получало реализацию его предвидение, что именно «низовые» жанры должны обновить высокое искусство драмы. «Театр теперь более, чем когда-либо, <... нуждается в отходе от канонов старой драмы. Ему нужно так или иначе прикоснуться к народной комедии, к балагану, к примитиву. Крайности сходятся: лубок может оказаться источником новой «высокой» комедии» [14, с. 15], – писал в 20-е годы Б. Эйхенбаум. Образцом подобной комедии стала «Блоха» Евгения Замятина. Приступая к работе над пьесой, Замятин высказывал свои предположения режиссеру А. Дикому: «...единственно возможный тип пьесы: тип народной комедии, балагана, лубка» [15, с. 281]. О том же он говорил Б. Кустодиеву, разъясняя, какими, по его мнению, должны быть декорации к спектаклю: «Пьеса построена не как бытовая, а идет от народного русского театра, от скоморохов, от «Царя Максимилиана» [15, с. 303].

Леонид Андреев первым в своих драматургических опытах использовал эстетику лубка, ориентированного на зрелище, игру, подчиняющегося не реальным, но условным законам решения театрального пространства, движения и слова. Не случайно в ряде интервью он называл в качестве источника экспериментальной формы своей первой условно-символической драмы «Жизнь человека» театр Петрушки [3, с. 390]. Связь замысла андреевской драмы с эстетикой лубка была тут же отмечена современными критиками. В частности, А. Кугель писал: «В основание жизнеописания взято лубочное изображение. Вы, конечно, видели эти «народные картины», где вокруг небольшого текста, занимающего середину листа, расположены иллюстрации главнейших моментов жизни человека: рождение, детство, юношество, возмужалость, смерть» [16, с. 159]. Элементы лубочной эстетики обратили на себя внимание критики и в пьесе «Царь-Голод». «Драма Андреева дает как бы квинтэссенцию реальности. Здесь краски сгущены, линии утолщены, рисунку дана намеренная резкость, грубость и моментами нескрываемая карикатурность» [17, с. 2], – констатировал А. Измайлов.

Л. А. Иезуитова, многосторонне исследовавшая тему «Андреев и лубок», так определяла его эстетические каноны, нашедшие отражение в творчестве писателя: банализация и упрощение материала, неприятие натуралистического правдоподобия, высокая степень художественной условности, раскованность творческого воображения. «Решающими установками лубка являются: со стороны содержания — создание сущностного, «идеального»; со стороны формы — театрализация: «лубок не <...>слушается, не смотрится, — он *разыгрывается* (*курсив мой.* — Л. Ш.) участниками — исполнителями и потребителями» [18, с. 332]. Театральность происходящего в драматургии Андреева подчеркивалась подзаголовком: «представление» («Жизнь человека», «Царь-голод»), «трагическое представление» («Анатема»). В «Царе-Голоде» писатель использует лубочный прием, обозначенный Ю. М. Лотманом как соотношение «темы и ее развертывания», когда вступительная авторская ремарка называет последующее действие: «Пролог. Царь Голод клянется в верности голодным»; «Картина первая. Царь Голод призывает к бунту работающих»; «Картина вторая. Царь Голод призывает к бунту голодную чернь» и т. д. Авторские ремарки – характеристики действия напоминают краткие подписи под лубочными картинками. В лубочном театре функцию подобных комментариев выполнял ведущий, сопровождавший своим голосом смену картинок. В «Жизни человека» эту роль играет «Некто в Сером», предвещающий каждое действие. Он выполняет и функцию античного хора (что неоднократно указывалось в критике и литературоведении), и одновременно его можно уподобить балаганному «деду»-зазывале: «Смотрите и слушайте, пришедшие сюда для за-

бавы и смеха. Вот пройдет перед вами вся жизнь Человека, с ее темным началом и темным концом» [19, с. 201].

В лубочном театре действие было строго ограничено рамками условного пространства — ящика райка. У Андреева «представление», сменившее психологическую драму, заключено в обрамляющую рамку пролога и эпилога; действие перенесено в условную замкнутую среду. Так, в «Жизни человека» мистерия человеческой жизни разыгрывается в четырехугольном пространстве («четырёхугольная большая комната мрачного вида» — 4-я картина; «высокая, большая, четырёхугольная комната с совершенно гладкими белыми стенами — 3-я картина; и т. д.). Четкая ограниченность и замкнутость пространства, намеченная автором, в сценическом решении акцентировалась оформлением (серые холсты у Мейерхольда, образовавшие «серое дымчатое, одноцветное пространство», черный бархат — у Станиславского), закрывавшим глубокие планы и превращавшим сцену в плоскость, на которой люди двигались, подобно марионеткам.

Андреев использовал и лубочные приемы создания образов: они схематизированы в своей функции воплощения «сущности»; появляются «хоровые» образы, голосом которых становится полилог, построенный по канонам раешного стиха: «речи» распределяются между несколькими персонажами, но все они характеризуются «замкнутостью» (замкнутые строки, составляющие реплику, начинаются и заканчиваются внутри реплики). Таков, например, полилог рабочих в «Царе-Голоде»:

- Мы задавлены машинами.
- Мы задыхаемся под их тяжестью.
- Железо давит.
- Гнет чугун.<...>
- О, какая безумная тяжесть [19, с. 190].

Герои «переживания» уступают место масочным персонажам, взятым из мифопоэтического арсенала: «Царь-Голод», «Время-Звонарь», «Смерть», «Некто в сером» — судьба, «старухи» — подсудьбинки» и т. д.; персонажи противопоставлены по принципу резкого контраста (друзья Человека — враги Человека).

Таким образом, Андреев в своих опытах создания условно-символической и неореалистической драмы ориентировался на русский лубок, средневековый «школьный театр» с его высокой ритмической организацией, статикой, схематизированностью движений и жестов актеров, локальностью цвета. Основа театра Замятина — это раек с его фарсовой балаганной стихией, яркостью, кустодиевской пестротой красок. По Замятину, театр — это, в первую очередь, зрелище; он призван удовлетворять органическую потребность человека в игре. Не случайно первоначальное назва-

ние его пьесы — «Игра о Блохе», а в окончательном варианте остался подзаголовок: «игра в четырех действиях».

Карнавальная, ярмарочная, балаганная стихия, вертящая мир колесом, переворачивающая его с ног на голову, со сменой масок и обликов — господствует в «Блохе». Игровое начало, нарочитая театральность пьесы подчеркнуты использованием приема «театра в театре», намеченного Андреевым и весьма распространенного в драматургии 20-х годов. Его разрабатывал в своей драматургической теории и практике, в частности пьесе «Самое главное», Н. Евреинов, на нем построен иронический смысл «Багрового острова» М. Булгакова. У Замятина он соотнесен с поэтикой раешного театра. Действие «Блохи» происходит в ограниченном пространстве, подобном чудо-ящику райка, выделенном ярким балаганным занавесом. А на просцениуме действуют «удивительные люди Халдеи — трое, один из них — девка» [2, II, с. 342]. Их функции многообразны. Они исполняют роль ярмарочного балаганного «деда», весельчака и балагура — зазывалы, задачей которого была своего рода реклама спектакля. Так, например, перед началом народной комедии «Царь Максимилиан» этот персонаж выкрикивал:

Эй, господа, пожалуйте сюда!

Здравствуйте, москвичи,

Жители провинциальные, ближние и дальние.

Эй, ты там! Протри глаза спьяна!

Увидишь самого царя Максимилиана...» [20, с.14].

В «Блохе» халдеи перед началом действия также зазывают публику: «Почтенные господа, милости прошу к нашему грошу со своим пятакком. По копейке с рыла — пожалуйте!» [2, II, с. 355]. Одновременно они выполняют и функцию раешника, который громким голосом, распевной скороговоркой произносил пояснения к движущимся картинкам. Пояснения могли быть пространными: «Вот большой город Париж, в него въедешь — угоришь, большая в нем колонна, куда поставили Наполеона...» и т. д.; или краткими: «А вот город Марсель, что не видно отсель». Замятинские халдеи кратко поясняют происходящее: «Представление продолжается! А именно происходит развитие промышленности в городе Туле нашего отечества» (2, II действие — II, с. 362); или: «Представление продолжается! А именно: снова царский дворец и разные роскошные украшения» (2, IV действие — II, с. 379). Они же представляют появляющихся на сцене персонажей: «Донской казак Платов из самых царских палатов на тройке летит, елки-палки из-под копыт, сзади пыль столбом, на столбу — фонарь» [2, II, с. 355].

Сам Замятин считал халдеев главными действующими лицами представления. Подобно историческим халдеям, которые были связующим звеном между зрелищем в храме и уличным праздником, замятинские халдеи

выплескивали действие спектакля в зал, балагурили со зрителями, поддерживали атмосферу игры. «В «Блохе» халдеи ведут всю игру, и где надо — веселой выходкой поджигают и зрителей, и актеров», — писал автор в предисловии к пьесе [2, II, с. 341].

Письма и высказывания Замятина свидетельствуют, что в процессе работы он тщательно изучал источники и образцы народной комедии и драмы (он упоминает «Царя Максимилиана», «Анику-воина», «Пещное действо», праздники Ярилы, свадьбы, «Описание путешествия в Московию Адама Олеария» и др.) и сознательно ориентировался на формы древнерусской — и шире — средневековой смеховой культуры. Одним из важнейших признаков древнерусского праздничного смеха, считает Д. С. Лихачев, является создание особого мира, свободного от условностей, что «хотя бы на время снимает с человека обязанности вести себя по существующим в данном обществе нормам» [21, с. 3]. Смеющийся «валяет дурака», паясничает, играет, переодевается, вывертывая одежду, надевая шапку задом наперед. Традиционной забавой святочного смеха были ряженье, смена одежд, которая, внешне оставаясь игрой, имела глубокую средневековую символику: «смена риз означала смену сущности» [21, с. 16]. Так и в «Блохе» халдеи «валяют дурака», по ходу действия меняют маски: 1-й Халдей на виду у публики напяливает очки, бороду и объявляет себя то «аглицким химиком-механиком», то голландским «лекарем-аптекарем». 2-й Халдей скидывает халдейскую одежду и становится тульским купцом. Халдейка по ходу действия оборачивается то тульской девкой Машкой, то «аглицкой девкой Мерей».

Атмосфера игры последовательно создается и другими элементами спектакля. Казаки Платова вылетают на сцену на деревянных досках с лошадиными головами и с мочальными хвостами. Авторские ремарки нарочито подчеркивают условность театрального пространства: «Царский дворец. Петербург. Но Петербург — тульский, такой, о каком вечерами на завалянке рассказывает небылицы прохожий странник». «Тула. Игрушечные — по пояс человека — церквушки. Слева — деревянный заборчик». «Англия — тоже, как и Петербург, тульская». «Все действие происходит как бы в балагане, изображенном на лубочной народной картинке; все яркое, пестрое, ситцевое, «тульское»: и Питер, и сама Тула, и «Англия» <...> весьма смахивающая на Англию, как ее изображали в балаганах на народных гуляньях» [22, с. 20], — описывал свои впечатления Борис Кустодиев, чьи декорации еще более акцентировали лубочный характер пьесы. Ремарки «Блохи» отсылают к картинкам и подписям райка. «В состав райка непременно входили картинки с видами русских и зарубежных городов. Подписи на них обычно сводились к указанию города и отдельных его достопримечательно-

стей, первое место среди которых отводилось монастырям и соборам» [20, с. 112], – характеризует исследователь.

Система действующих лиц также полностью соответствует устойчивому набору лубочных персонажей: царь, говорящий языком раешника, царский министр Кисельвроде — ненавистный образ чиновника-немца, донской казак Платов, который в начале XX века сменил в качестве «военных героев» – неперменных персонажей лубка — «родного героя» Суворова и прапорщика Щеголева. Все они, как и положено лубочным персонажам, схематизированы, упрощены до какой-либо одной черты, а их сущностное начало выражено посредством обобщенной «синтезирующей» детали (например, Платов — это «страшенный кулак», оглушительный голос, фляжка с водкой) и повторяющейся реплики («престол-отечество», «согласно присяге», «на поле-брани-отечества»).

Самая тема «Блохи» входит в разряд традиционной лубочной тематики: наряду с изображениями богатырей и батальных сцен почетное место в ней занимали необыкновенные случаи и чудеса природы. Лубочные картинки рассказывали об извержении Везувия, о персидском слоне, впервые привезенном в Россию при Петре I, о морском чудовище ките — обо всем странном, немыслимом, но подаваемом как нечто реальное, в пересказах обрастающее удивительными деталями и подробностями. Удивительная история о тульских мастерах, подковавших хитроумную аглицкую блоху, прошедшая путь от бродячего народного сказа к литературе (Лесков) и вновь обернувшаяся народной комедией, — органически входит в этот ряд.

Одной из особенностей эстетической природы лубка Ю. М. Лотман назвал игру с текстом («аудитория не потребляет текст, а играет с текстом и в текст»). Замятин писал, что принципиальной художественной задачей для него было дать драматизированный сказ. Но не сказ половинчатый, как у Ремизова, где авторские ремарки только слегка окрашены языком сказа, а полный, как у Лескова, когда все ведется от лица воображаемого персонажа-туляка — «тогда естественны будут все «мелкоскопы» в устах царя, и тогда до конца будет использован комический эффект, заключенный в самом словесном материале» [2, II, с. 572].

Все персонажи пьесы: царь и туляки, и аглицкий мастер, и химик-механик, и «аглицкая девка Меря», говорят языком раешного стиха: «А вот я, аглицкий химик-механик. <...> Объявляю я свои науки, чтоб старики не зевали от скуки: стариков молодыми в печи переправляю и при этом мозгов совсем не повреждаю!» [2, II, с. 345]. Они «балагурят». «Балагурство — одна из национальных русских форм смеха, в котором значительная доля принадлежит «лингвистической» его стороне» [21, с. 21], — писал Д. С. Лихачев. В балагурстве разрушалось обыденное значение слова, коверкалась

его внешняя форма, давалась неверная этимология или, напротив, этимологическое значение подчеркивалось. Опираясь на традиции словесной раешной игры, Замятин в «Блохе» «играет» со словом: вводит просторечия, сниженную лексику, неологизмы в стиле «народной этимологии»: «водное колтыхание», «шлиховка»; омофоны, когда фонетическое изменение части слова выражает попытку осмыслить его через привычный звуковой комплекс: «буреметр» вместо барометр, «керамида» — пирамида, «сидит заместо пубеля» — вместо пуделя и т. д.; использует калькирование и транслитерированную лексику: «делать дансе».

Один из распространенных языковых приемов «петрушечного» театра — игра омонимов, когда комический смысл рождается из столкновения одинаково звучащих слов, относящихся к разным сферам употребления. На этом в балагане строилась, например, традиционная сцена разговора Петрушки и городского, в которой «низовой» смех опрокидывал серьезность официальных канонов. В «Блохе» по этому принципу выстроен разговор русского мастера Левши и английского химика-механика, стремящегося удивить простодушного русского невероятными достижениями цивилизации: «А это, извольте видеть, называется керамида, а в ней сохранно заключен удивительный египетский фараон, не принимает ни питья, ни пищи, лежит годов три тыщи, а может и больше». На это следует пренебрежительное заявление Левши: «У нас этих самых фараонов — хоть пруд пруди: в Москве на каждом углу стоят вроде бесплатного удивления. А вы это самое ... их за деньги показываете» [2, II, с. 373]. Семантика омонимов, принадлежащих к разным языковым пластам: фараон как обозначение древнеегипетских царей (нейтральная лексика) и фараон в значении «полицейский» (сниженная лексика), накладываясь друг на друга, создавала «второй язык». В пьесе возникал подтекст, игра смыслов. При этом словесная игра не становилась самоцелью, чистым приемом, у Замятина она всегда содержательно оправдана: через различное толкование одинаково звучащего слова представляли различный образ жизни, система ценностей, тип мышления носителей двух разных культур.

Замятин предполагал, что «Блоха», как и большая часть образцов народной комедии, не представляет собой комедии в чистом виде, но является соединением комического и драматического. По замыслу писателя, драматургическое действие развивается таким образом, что «безоглядная, без всякой тени игра» первых двух актов постепенно отступает на второй план, а на первый план выходит «серьезное». Из раешной игры и балагурства постепенно вырастает проблема русского национального характера. Она была сформулирована в программе первого представления «Блохи» на сцене

МХТ–2: «...военно-драматургическое представление, <...> вполне осмысленный и поучительный сюжет о судьбе природного русского гения».

Левша, по Замятину, – носитель некоего исконного и вечного свойства национального характера. Отсюда, во многом, вытекает логика финала пьесы, который лишен лесковского трагизма. Сам писатель объяснял это расхождение законами жанра народной комедии, где герой всегда торжествует. И потому Левша, одаренный за талант царским двугривенным да кафтаном с чужого плеча, забитый городовыми, не гибнет, как у Лескова. В карнавальной стихии смены масок, в результате ярмарочного перевертыша из облика первого халдея вновь возникает неумирающий, вечный русский Левша.

Финал пьесы вполне соотносился с художественной системой Замятина, который считал обязательным для современной литературы создание новой реальности и стремился в своем творчестве к предельному заострению гротеска, смешению реальности и фантастики, что, в свою очередь, соответствовало поэтике лубка с его превращениями, переодеваниями, сменой масок, маскарадными ситуациями, создававшими «фантастическую реальность». Но — главное — писателю удалось понять и выразить кардинальное свойство народного праздничного смеха, амбивалентного по своей природе. «Веселый и высмеивающий, он и отрицает, и утверждает, и хоронит, и возрождает» [23, с. 17], а народ, находящийся в центре смехового мира, «умирает, рождается, обновляется», так как «смерть и обновление неотделимы друг от друга в целом жизни» [23, с. 59]. Таким образом, Замятин с присущим ему чувством стиля сумел воссоздать стихию праздничного смеха, корнями своими уходящего в древнерусскую средневековую культуру. Но его «Блоха» – не стилизация лубочной «Расеи», как посчитали некоторые критики, объявившие и пьесу, и спектакль режиссера А. Дикого в МХТ–2 несвоевременными. Писатель создал остро современное произведение, понимая современность не как сиюминутность, примитивное создание картинок и зарисовок на злобу дня, а как попытку найти художественный эквивалент мировосприятию своей переломной эпохи.

Можно согласиться с М. О. Чудаковой, что скоморошество, шутовство были для писателя формой оппозиции в то время, когда литература становилась все более серьезной, а общественный быт все более идеологизировался [24, с. 504]. Но более значимым представляется другой аспект. М. Бахтин высказал глубокую мысль, что в основе любого празднества лежит определенная и конкретная концепция природного (космического), биологического и исторического времени. «Празднества на всех этапах своего исторического развития были связаны с кризисными, переломными моментами в жизни природы, общества и человека» [23, с. 14]. Замятину было свойственно осознание современной эпохи как конца целого типа европей-

ской гуманистической культуры. Внешним его выражением стала революция, которую писатель рассматривал как природный взрыв, несущий гибель одряхлевшему миру погрязшей в энтропии цивилизации. Он пытался понять закономерности смены циклов в жизни природы и общества. Поэтому в конце 20-х годов он обратился к эпохе «кризисов в Риме», «когда составившаяся римская цивилизация была смыта волной молодых народов», похожей, по его мнению, «на нашу необычную эпоху», – в трагедии «Атилла» и позднее, написанном уже в эмиграции романе «Бич божий». А в начале 20-х годов ощущение смены эпох он опосредованно выразил в празднично-смеховом мире «Блохи».

Театральное наследие Замятина, количественно немногочисленное, демонстрирует характерную тенденцию художественных исканий театра XX века. Во многом предтечей обновления мирового театра стал Леонид Андреев, чья заслуга в создании новой театральной эстетики в настоящее время общепризнанна. Оба писателя, обратившись к эстетике лубка — по природе своей явления синкретического, соединяющего изображение, слово и игру, предвосхитили тип синтетического театра, объединяющего различные жанры: трагедию, конфликт которой — игра человека с судьбой, и фарс, водевиль, построенные на «основном принципе игры как победы над чем-то»; а также приемы различных видов искусств, создавая представление, связывающее воедино декорацию, свет, музыку, пластическое решение.

«Станиславский с его иллюзией жизни — тезис, Мейерхольд с его демонстративной театральной условностью — антитезис. Будущее принадлежит синтезу этих двух направлений. Это синтетическое направление станет для русской режиссерской работы основополагающим» [2, IY, с. 453], — с уверенностью утверждал Замятин в статье «Современный русский театр». Развитие театрального искусства показало правоту подобного рода исканий. Именно о создании синтетического театра в разных его вариантах размышляют сегодня современные режиссеры.

1. Анненский Ю. Книга отражений. М., 1979. 689 с.
2. Филиппов Б. Вступит. статья // *Замятин Е. Сочинения* : в 4 т. Мюнхен, 1970–1988. Т. 2. С. 8. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы.
3. Неизданные письма Леонида Андреева: К творческой истории пьес периода первой русской революции / вступ. ст., публ. и коммент. В. И. Беззубова // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. 1962. Вып. 119. С. 378–393
4. Рукописное наследие Евгения Ивановича Замятина / сост.: Л. И. Бучина, М. Ю. Любимова; предисловие и коммент. М. Ю. Любимовой. СПб., 1997. 436 с.

5. Письма Л. Н. Андреева к Вл. И. Немировичу-Данченко и К. С. Станиславскому: (1913–1917) / публ. и коммент. Н. Р. Балатовой и В. И. Беззубова // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. 1971. Т. ХУІІІ. Вып. 266. С. 27–301.

6. *Эс. Пе. [С. Поляков]*. В мире искусств: У Леонида Андреева // Русское слово. 1907. 5 окт. (№ 228).

7. РАЛ. Русский архив в Лидсе (Leeds Russian Archive). Лидский университет (Великобритания). MS. 606/F. 24 i.

8. Именно как «знак» эпохи упоминает его в своей «Поэме без героя» А. Ахматова:

Видишь там, за вьюгой крупчатой,
Мейерхольдовы арапчата
Затевают опять возню.

9. Не случайно раздражение А. Блока в связи с мейерхольдовской постановкой «Незнакомки», где режиссер использовал тот же прием — арапчат, перебрасывающихся апельсинами, — не имеющий отношения к содержанию драмы.

10. *Андреев Л.* Письма о театре // Альманах изд-ва «Шиповник». СПб., 1914. Кн. 22. С. 228–290.

11. *Анненков Ю.* Повесть о пустяках. М., 2001. 375 с.

12. *Керженцев П.* Творческий театр. Путь социалистического театра. М., 1918. 234 с.

13. *Степун Ф.* Основные проблемы театра. Берлин, 1923. 129 с.

14. *Эйхенбаум Б.* Лесков и литературное «народничество» // «Блоха»: сб. статей. Л., 1927.

15. *Дикий А.* Статьи. Переписка. Воспоминания. М., 1967. 502 с.

16. *Кугель А.* Театральные заметки // Театр и искусство. 1907. 4 марта (№ 9).

17. Неблагодарный читатель [Измайлов А. А.]. Литературные беседы: «Царь-Голод» Леонида Андреева // Слово. 1908. 21 марта. (№ 411).

18. *Иезутова Л.* Леонид Андреев и лубок // *Иезутова Л.* Леонид Андреев и литература серебряного века. СПб., 2010. С. 332–347.

19. *Андреев Л. Н.* Полное собрание соч. и писем: в 23 т. М., 2012. Т. 5. 796 с.

20. *Некрялова А.* Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища. Конец ХУІІІ — начало ХХ века. СПб., 2004. 188 с.

21. *Лихачев Д., Панченко А., Поньирко Н.* Смех в Древней Руси. Л., 1984. 295 с.

22. «Блоха»: сб. статей. Л., 1927.

23. *Бахтин М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Возрождения. М., 1990. 262 с.

24. *Чудакова М.* Еретик, или Матрос на мачте // *Замятин Е.* Сочинения / автор ст. М. Чудакова; коммент. Е. Барабанова. М., 1988. С. 498–523.

ПУБЛИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ, ОБЗОРЫ, МАТЕРИАЛЫ, ВОСПОМИНАНИЯ

УДК 82.09

Т. В. Бровкина
T. V. Brovkina

ПОВЕСТЬ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ТАБАКА «ИЗ ЛЕТОПИСЦА ГРЕЧЕСКОГО»

THE TALE ON THE ORIGIN OF TOBACCO FROM THE GREEK CHRONICLE

В статье представлен текстологический анализ трех списков древнерусской «Повести о происхождении табака» из греческого летописца: ИР НБУВ, Мак. № 60 (перв. пол. XVIII в.), РНБ, НСКР, Ф. 465 (кон. XVIII в.) и БАН, Казачье собрание, № 38 (кон. XIX в.). В ходе исследования этих списков мы пришли к выводу, что все три списка Повести имели общий источник, восходят к одному протографу, однако использовали его по-разному. Разночтения списков незначительны, но есть такие чтения, которые позволяют уточнить соотношение этих списков между собой. Также мы публикуем тексты двух ранее не опубликованных списков этого варианта Повести — РНБ, НСКР, Ф. 465 и БАН, Казачье собрание, № 38.

Ключевые слова: «Повесть о происхождении табака», древнерусские повести, табак, текстология, списки.

The article presents a textual analysis of three records of the Old Russian “Tale of the Origin of Tobacco” from the Greek chronicle: IR NBUV, Mak. No. 60 (first half of XVIII c.), RNB, NSKR, F. 465 (end of XVIII c.) and BAN, Cossack collection, No. 38 (end of XIX c.). In the course of researching these records, we came to the conclusion that all three copies of the Tale had a common source, go back to the same protographer, but used it in different ways. The discrepancies between the records are insignificant, but there are readings that make it possible to clarify the relationship between these lists. We also publish the texts of two previously unpublished records of this version of the Tale — RNL, NSKR, F. 465 and BAN, Cossack collection, No. 38.

Key words and phrases: The novel on the origin of tobacco, Old Russian novels, tobacco, textology, records.

В русской рукописной традиции XVII–XIX вв. наряду с разнообразными устными легендами о происхождении и распространении табака сохранилось несколько литературных произведений, посвященных данной теме. Среди них два варианта повестей о происхождении табака: «Сказание из летописца греческого» и «Сказание от книги, глаголемыя Пандок» (см. наши статьи о варианте Повести из книги «Пандок» [2; 3; 4; 5]). Первая из названных повестей о происхождении табака — «из летописца греческого» — не получила широкого распространения в рукописной традиции. Она известна сейчас всего в четырех списках. Один из них, опубликованный в 1916 г., находится в Киеве, в академической библиотеке имени В. И. Вернадского — это список перв. пол. XVIII в. из собрания Киевской духовной академии — КДА Аа 117 (современный шифр: ИР НБУВ, Мак. № 60) [9, с. 149–152], другой — начала XIX в. — ранее хранился в частном собрании А. М. Вилькена в Казани, а сейчас утрачен; эти два списка указывает в своей статье А. И. Никифоров [8] и упоминают Т. Ф. Волкова и Н. В. Поньрко [7]. М. Г. Бабалык выявила еще два списка этого памятника — РНБ, НСКР, Ф. 465, кон. XVIII в. и БАН, Казачье собрание, № 38 (неполный текст кон. XIX в.) [1, с. 149].

«Греческий летописец» в качестве источника Сказания о табаке указан во всех четырех списках. В Киевском списке Сказание озаглавлено: «Выписано из летописца греческого о том, от чего проклятая табака возниче». Текст Сказания, согласно этому списку, помещен в «летописце греческом» под 7061 (1553) годом. О западнорусском происхождении «Сказания от летописца греческого» говорит присутствие в сюжете таких деталей, как «литовский град» — место, где разворачиваются события, «ксендз» — один из героев повествования и др. [9, с. 151].

Главным сюжетным мотивом этого варианта Повести является мотив произрастания табака на могиле согрешившей девушки, но, в отличие от второго варианта Повести, где блудница, из тела которой произрос табак, была дочерью согрешившей черницы и сама вела греховную жизнь много лет, героиня Сказания от «летописца греческого» провела жизнь взаперти и согрешила с псом, подаренным ей отцом, чтобы скрасить ее одиночество в «затворе». Главную роль в этом сюжете играет дьявол.

«Сказание от летописца греческого» композиционно состоит из трех частей: «рассказ о блудодеянии», «обретение табака на могиле блудницы» и «назидание курильщикам», что сближает его с «Повестью о происхождении табака из книги Пандок».

Приведем краткий пересказ сюжета Сказания «из летописца греческого», поскольку оно относится к малоизвестным произведениям и было опубликовано лишь в начале XX в. В одном литовском городе живет бездетная

пара — богатый королевский сановник и его жена. Они долгое время не могут завести ребенка, в молитвах обращаются к Богу и обещают, что если это произойдет, то они сохранят ребенка в телесной чистоте. Бог услышал их молитвы, и вскоре у супругов рождается девочка, которую, чтобы выполнить свое обещание, отец держит взаперти. Когда затворнице исполнилось двадцать лет, она затосковала по воле, и отец дает ей для развлечения гнездо кур, кота и щенка. Проходит два года, щенок превращается в кобеля, и по дьявольскому наваждению девушка «впадает в блуд» с псом, а затем, родив «четырёх песцей», заканчивает жизнь самоубийством, повесившись на собственном поясе. Умершую девушку, по совету духовника ее отца, хоронят за городом на высоком месте.

Далее в Сказании следует история обнаружения табака на могиле грешницы. На 40-й день после погребения умершей дьявол, приняв образ ангела, является ночью к её отцу и посылает его на могилу дочери, чтобы выкопать растущую на ней траву. Сановник следует указаниям дьявола и, выкапывая траву, замечает, что тело девушки осталось нетленным.

Однажды у сановника разболелись зубы. Врачи ничем не смогли ему помочь, несмотря на большое вознаграждение. Наконец, измученный бессонницей сановник уснул. Во сне ему опять явился дьявол, снова принявший образ ангела, и рассказал ему, как вылечить зубы при помощи принесенной с могилы дочери травы. Последовав дьявольскому совету, сановник избавился от болезни, а табак стал раздавать соседям как средство от зубной боли. Явившись к отцу блудницы в третий раз в том же облики, дьявол советует ему развести у себя табак, а затем, продав его, обогатиться. Сановник исполняет и этот совет дьявола.

Табак начинает распространяться по миру, и люди разными способами употребляют его. Однако на борьбу со злом выходит «некий от святых великих». Он молится шесть дней и шесть ночей, чтобы Бог подсказал ему, чем является курение табака — добром или злом. Услышав его молитвы, Бог посылает ему видение, в котором святому открывается адская природа табака: он видит виселицу, на которой между двух мужчин, подвешенных за ноги, висит дочь сановника. Повешенные испускают зловоние. От сильного ветра виселица раскачивается, и мужчины своими носами и ртами бьются в «срамъ» «скверная девицы». Явившийся святому ангел истолковывает ему увиденное: мужчины, подвешенные на виселице, так ведут себя потому, что при жизни «проклятую табаку в рот и за губу кладут, и в носъ», за что вместе с девицею окажутся под землей в Тартаре, которого боится и сам сатана. Пророчество ангела тут же исполняется: могила проваливается «до ада преисподняго», огонь пожирает виселицу, и все, на ней висящие, «впадоша во огонь негасимый». После этого ангел исчезает, а старец спешит пе-

редать открывшуюся правду о табаке людям. Заканчивается сказание кратким назиданием о вреде табака, которое еще раз предостерегает читателей от его употребления.

Некоторые исследователи, например В. Н. Перетц, считают, что текст этой повести представляет собой самостоятельный рассказ, мало подверженный литературному влиянию и в большей степени являющийся записью старинного устного предания [9, с. 130]. По нашим наблюдениям, этот вариант Повести интересен оригинальными мотивами блуда девицы со псом и видения старцу об участи курильщиков на том свете, которые отсутствуют в другом варианте «Повести о происхождении табака».

М. Г. Бабалык отмечает, что в повести о происхождении табака «из греческого летописца» мы находим «конфессиональное противопоставление католичества и православия: дьявольский замысел не был открыт ксендзу, и согрешившая с псом девица была объявлена святой, а увидел истинный смысл ее грехопадения православный старец, поскольку его предостерег Бог от козней сатаны [1, с. 149]. Исследовательница замечает, что точное следование родителей девушки — католиков — данному Богом обету не приводит ни к чему хорошему и говорит об их духовной слепоте [1, с. 149].

Теперь обратимся к особенностям текста трех доступных нам списков рассматриваемого варианта повести: ИР НБУВ, Мак. № 60, перв. пол. XVIII в., лл. 52 об.—59 об. (далее — Мак.), РНБ, НСКР, Ф. 465, кон. XVIII в., лл. 395–397 (далее — Ф. 465) и БАН, Казачье собрание, № 38, кон. XIX в., лл. 31–32 об. (далее — Каз.). Мы попытались с помощью текстологического анализа: выяснить, насколько известные списки Сказания близки по тексту между собой и восходят ли они к общему источнику. В результате проведенного исследования мы пришли к выводу, что все три списка Сказания из «летописца греческого» имели общий источник, восходят к одному протографу, однако использовали его по-разному. Разночтения списков между собой незначительны, но есть и такие чтения, которые позволяют уточнить соотношение этих списков между собой.

Список Каз. представляет собой фрагмент повести: его текст содержит часть сюжета Сказания от указания духовника сановнику похоронить дочь-блудницу в отдалении от города до второго явления дьявола сановнику во время охватившей его зубной боли. Поэтому текст этого списка мы можем использовать при характеристике текстуальных особенностей списков Сказания лишь частично. Сравним сначала тексты полных списков Мак. и Ф. 465, а затем привлечем к анализу и текст фрагментарно сохранившегося в списке Каз. Сказания, чтобы выявить, как он соотносится с двумя другими списками в совпадающей с ними части.

Сравним заглавия списков повести из «летописца греческого»:

Мак.	Ф. 465
Выписано из лѣтописца грѣческаго о томъ, от чего проклятая табака <i>возниче</i> ¹ . Слово 21, лист <u>131</u> , в лето 7061 <u>года</u> . (л. 52 об.)	Выписано из лѣтописца греческаго о томъ, от чего проклятая табака <i>возникла</i> , слово 21, лист <u>139</u> , в лѣто 7061. (л. 395)

Как видим, различие заглавий списков Мак и Ф. 465 незначительны и проявляются лишь в форме глагола «возниче / возникла», в разном номере листа, на котором читается текст в «летописце греческом», — 131/139, и в наличии слова «год» в списке Мак.

Далее сравним начало повести по спискам Мак. и Ф. 465. Приведем фрагменты, в которых приводятся сведения о месте действия повести, бездетности сановника и его жены, их обращении к Богу и обещании сохранить ребенка в чистоте:

Мак.	Ф. 465
В литовскомъ градѣ велицемъ бысть некий человекъ славень и многимъ богатствомъ кипяще, сановникъ каролѣвъ. Жена же его не раждаше детей <i>многая</i> лета. И <i>начаша</i> оный человекъ <i>обѣщаватися</i> з женою своею и глаголати в сѣбе: «Аще ли родится сынъ или дщерь, то сохранимъ в чистотѣ» (л. 52 об.).	В литовскомъ градѣ велицѣмъ <u>Вилнѣ</u> бысть некий человекъ славень и многимъ богатствомъ кипяще, сановникъ королевъ. Жена же его не раждаше дѣтей <i>многия</i> лѣта. И <i>нача</i> оный человекъ <i>обѣщатися</i> з женою своею и глаголати в себѣ: «Аще ли родится сынъ или дщерь, то сохранимъ в чистотѣ» (л. 395).

Как и при сравнении заглавий списков, можно отметить, что начало повестей по спискам Мак и Ф. 465 почти полностью совпадает, только в списке Ф. 465 появляется название литовского города, в котором происходят описываемые события, — «Вильно», и есть незначительные орфографические расхождения. Таким образом, действие в списке Ф. 465 топографически уточнено, описываемые в нем события происходят не просто в «литовскомъ градѣ», а конкретно — «литовскомъ градѣ велицѣмъ Вилнѣ».

Обратимся к фрагменту, описывающему рождение у супругов дочери и начало ее жизни в заточении.

Мак.	Ф. 465
И услыша Богъ <i>обещания</i> ихъ, и роди женскъ пол, и созда дщери	И услыша Богъ <i>обещание</i> <u>свое</u> ихъ, и роди, <u>и родиша</u> женескъ полъ, и

¹ В сопоставительных цитатах грамматические и орфографические разночтения обозначаем курсивом, различный порядок слов — жирным шрифтом, вставку или замену отдельных слов — подчеркиванием.

своей полату красну. Дщерь же ихъ растяше въ // великомъ воздержание. И дадѣ отецъ ея дщери своей <u>на утешение</u> три девицы велми прекрасны, и утешаше велми ея. (лл. 52 об.–53)	созда дщери своей полату красну. Дщерь же ихъ растяше в великомъ воздержании. И даде отецъ ея дщери своей три девицы велми прекрасны, и утѣшаше велми ея. (л. 395)
--	--

В этом фрагменте при общем сходстве текста в двух списках список Мак имеет отсутствующее в списке F. 465 уточнение, зачем отец поставил к дочери трех девушек — «на утешение», а список F. 465 содержит явную опisku: помимо совпадающего со списком Мак. «и роди», добавлен еще один глагол «и родиша». Кроме того, в первом предложении в F. 465, помимо правильного «ихъ», читается ошибочное «свое».

Далее сравним текст эпизода о блудодеянии дочери сановника:

Мак.	F. 465
И минула тому два лѣта, и <i>оныя</i> щеня возрасте // кобель, и дьявольскимъ навождениемъ впадѣ девица в блудъ со онымъ псомъ , а оныя девицы сего не вѣдуше. (лл. 53 об.–54)	И минула тому два // лѣта, и <i>оное</i> щеня возрасте кобель, и дьявольскимъ навождениемъ впаде в блудъ девица со псомъ онымъ , а оныя девицы сего не вѣдуше. (лл. 395–395 об.)

Как видим, и в этом фрагменте различия между списками минимальны, грамматически более точно местоимение «оное» единственного числа в F. 465, чем «оныя» (в Мак.). Различаются списки и порядком слов в предложении, сообщающем о согрешении девицы.

Приведем далее фрагмент, рассказывающий об осознании девушкой содеянного и ее самоубийстве:

Мак.	F. 465
Егда приидѣ время оной <i>девицѣ</i> родити, <i>отслаша</i> своихъ девицъ от себя на некое орудие. После ихъ родила 4 <u>песцей</u> и весма оскорбися, что отца своего посьрамила. И помышляша в сѣбе: «Что сотворю? — снемъ съ себя поесь и удавлюся ». <u>И сотвориша тако</u> . (л. 54)	<u>И</u> егда прииде время оной <i>девицы</i> родити, <i>отсла</i> своихъ дѣвицъ от себе на нѣкое орудие, <u>и</u> после ихъ родила 4 <u>песики</u> и весма оскорбися, что отца своего посьрамила. И помышляше в себѣ: «Что сотворю?» И снем с себя поясь и удавися . (л. 395 об.)

Как видно из приведенных текстов, списки в этом фрагменте помимо отмеченных ранее в других фрагментах отличий в грамматических

формах некоторых слов (отсаша — отсла), различаются той частью текста, где переданы размышления родившей «песцей» девушки: в списке F. 465 часть ее внутреннего монолога вынесена за его пределы и передана как авторский текст, а в Мак. после решения девушки, приведенного как прямая речь, добавлено от автора «И сотвориша тако». Кроме того в списках по-разному названо, кого родила девушка: в Мак. — «4 песцей», в F. 465 — «4 песики».

Далее рассмотрим фрагмент, читающийся в тексте Сказания после описания видения с виселицей, ниспосланного святому, и исчезновения ангела, ранее истолковавшего старцу смысл увиденного:

Мак.	F. 465
По семь скончаша видение, и бысть земля по-прежнему, и ангель Господень невидимъ бысть. <i>И</i> оный святой мужъ велми восплакася, сказа вся по ряду на ползу слышашимъ, яже от ангела <i>слышаша</i> , учаше и запрещаше. (л. 56 об.)	По семь скончаша видѣние, и бысть земля по-прежнему, и аггель Господень невидимъ бысть. Оный святой мужъ велми восплакася, сказа вся по ряду на ползу слышашимъ, яже от аггела <i>слыша и своима очима видѣ</i> , учаше и запрещаша. (л. 396 об.)

Как видим, тексты списков вновь близки друг другу, однако в конце рассматриваемого фрагмента в списке F. 465 появляется дополнение, отсутствующее в списке Мак. — «*и своима очима видѣ*», усиливающее призыв к читателю поверить в реальность описанных событий, делая их более убедительными, так как они излагаются со слов очевидца.

Сравним и концовки Повести по спискам Мак. и F. 465:

Мак.	F. 465
О братия и сестры, блюдитесь проклятой табаки и не оскверняйте <i>себя</i> отнюдь; аще послушаете, и спасени будите, аще не послушаете, <u>то</u> осуждени будите в <i>сей</i> векъ и в будущий. <u>Аминь</u> . (л. 59 об.)	О братие и сестры, блюдитесь проклятой табаки и не оскверняйте <i>себѣ</i> отнюдь; аще послушаете, спасени будите, аще не послушаете, осуждени // будите в <i>сий</i> вѣкъ и в будущий. <u>Богу нашему слава. И есть же писано и в другомъ писании о семь, хотя подленно увѣдать, да зрит тамо.</u> (лл. 396 об.-397)

Как видим, список F. 465 по сравнению со списком Мак. имеет более распространенную концовку, в которой вместо традиционного «Аминь», завершающего список Мак., использована другая традиционная формула «Богу нашему слава», после которой следует важное указание, что те, кто

хочет «подленно увѣдать» о вышеописанных событиях, может прочитать об этом «и в другомъ писании». Таким образом, создателю списка F. 465 был известен какой-то другой, более подробный рассказ об описанных событиях.

Отметим также, что кроме приведенных фрагментов и в ряде других случаев текст из «летописца греческого» по спискам Мак. и F. 465 полностью совпадает или имеет совсем незначительные разночтения, связанные с передачей грамматических форм различных частей речи. Это прослеживается, например, во фрагментах, рассказывающих о распространении табака среди людей, о появлении «некоего от святых великих» и его молитвах к Богу с просьбой открыть, для чего же миру дан табак, о передаче святым Божьего послания простым людям.

Таким образом, сравнительный анализ списков Мак. и F. 465 показал, что они явно восходят к одному источнику, но имеют целый ряд мелких разночтений, которые можно отнести к индивидуальному восприятию общего источника разными писцами. К ним можно отнести разный порядок слов, разные формы глаголов, уточняющие слова, описки и т. п. Есть и более существенные расхождения (отсутствие в списке Мак. названия города «Вильно» и ссылки на более подробное изложение событий «в другом писании»), что может быть объяснено либо сокращением в Мак. текста общего с F. 465 источника, либо добавлением писцом F. 465 этих уточнений по какому-то другому источнику, может быть, тому, на который он ссылается в конце Сказания.

Далее привлечем для сопоставительного анализа список Каз. и обратимся к рассказу о призвании сановником своего духовника и погребении девушки, с которого начинается текст этого списка.

Мак.	F. 465	Каз.
И призва оный мужъ к сѣбе отца <u>своего</u> духовнаго и сказа ему по ряду. Отець его повелѣ оною удавленную девицу за три поприща от града <i>схоронить</i> , на высокомъ месте. (л. 55 об.)	И призва оный мужъ к себѣ отца духовнаго и сказа ему <u>вся</u> по ряду. Отець его повелѣ оную удавленную девицу за три поприща от града <i>схоронить</i> на высокомъ мѣстѣ. (л. 395)	<u>своего</u> духовнаго и сказа ему <u>вся</u> по ряду. Отець <u>же</u> его повеле оною удавленную девицу за три поприща от града <i>схоронити</i> на высокомъ мѣстѣ. (л. 31)

Сопоставляя приведенные выше цитаты, можно отметить, что тексты всех трех списков в этом фрагменте очень близки, однако список Каз. в одном случае передает чтение списка Мак. («отца *своего* духовнаго»), а в

другом — чтение списка F. 465 («сказа ему вся по ряду»), что свидетельствует о наличии у них общего протографа, текст которого создатели этих списков передали несколько по-разному.

Далее приведем эпизод первого явления дьявола сановнику.

Мак.	F. 465	Каз.
<p>И минула ей 40 дней_ и 40 <u>ношей</u>. Прииде дияволь нощию ко отцу ея, преобразися во ангела светла, и глагола ему: «Востани от сна // своего и гряди скоро к могиле дщери своей, и узриши предивную вѣщь, и, возьмь, сохрани ю, и смотри, от чего произошла» (лл. 55 об.-56)</p>	<p>И минула ей 40 дней. И прииде дияволь нощию ко отцу ея, преобразися во аггела свѣтла, глагола ему: «Востани от сна своего и гряди скоро к могилы дщери своя, и узриши вещь предивную, и возьмь, сохрани ю и смотри, от чего произошла» (л. 395 об.)</p>	<p>И минуло ей 40 дней_ и 40 <u>нощий</u>. Ко отцу ея прииде дияволь нощию, приобразися во ангела свѣтла, и глагола ему: «Востани от сна своего и гряди скоро к могилѣ дщери своей, и узриши вещь предивную, и возьмь, и сохрани ю, и смотри, от//чего произошла» (лл. 31-31 об.)</p>

В этом фрагменте прослеживается та же тенденция — близость текстов всех трех списков Сказания, но в списке Каз. при передаче сообщения об очередном явлении дьявола сановнику использован иной порядок слов, чем в двух других списках.

Важным для сюжета повести является фрагмент обретения табака на могиле блудницы. Рассмотрим, как он передан в трех исследуемых списках:

Мак.	F. 465	Каз.
<p>И прииде отецъ к могиле дщери своя, и виде былъ травы на могиле ростомъ в полтара аршина, и оный человекъ велми возрадовася, и <i>посмотривъ</i>, от чего тая проклятая выросла табака — оныи девицы из срама, <u>а она не истлела</u>, и понесъ оную траву ко отцу</p>	<p>И прииде отецъ к могилѣ дщери своя, и видѣ былъ травы на могилѣ ростомъ в полтора аршина. И оный человекъ велми возрадовася, и <i>посмотрилъ</i>, от чего тая прклятая выросла табака — оныя девицы изъ срама, <u>а не истѣла</u>. И понесъ оную траву ко отцу своему — к <i>ксензы</i>.</p>	<p>И прииде отецъ к могилѣ дщери своя, и виде былъ травы на могилѣ ростомъ в полтора аршина, и оный человекъ вельми возрадовася, и <i>посмотрилъ</i>, от чего тая проклятая выросла табака — <u>от оныи девицы из срама, а она не истлела</u>. И понес оную траву ко отцу своему — <i>ксензы</i>.</p>

духовному — <i>ксези</i> . Отецъ его похвали и повелѣ ея из могилы выкопать и <i>вести</i> к себе. (л. 56)	Отецъ его похвали и повелѣ ея из могилы выкопать и <i>вести</i> к себѣ. (л. 395 об.)	Отецъ его похвали и повеле ея из могилы выкопати и <i>ввести</i> к себѣ. (л. 31 об.)
--	--	--

Сравнение списков по этому фрагменту подтверждает наши предварительные наблюдения о том, что список F. 465 имеет отличия от других списков Сказания. Здесь переписчик не понял текст протографа и вместо правильного «не истлела» прочитал «не ис тѣла». В результате смысл предложения искажился, а мотив нетленности тела блудницы оказался опущенным, и повеление ксендза выкопать девушку из могилы лишилось мотивировки, которую в других списках дает сообщение, что тело девушки не истлело. Список Каз. в этом случае передает правильный текст, при этом одно чтение «ксензы» снова сближает его со списком F. 465 (Мак. — «ксези»).

Обратимся далее к тексту фрагмента о повторном погребении блудницы ксендзом и об истлении ее тела:

Мак.	F. 465	Каз.
И привезоша ю // <u>неистлелаю</u> . Тогда возрадовашася велми и разсудивъ <i>ксеза</i> про <u>оную</u> девицу, что ея Богъ простил. И егда ксенза начать оную девицу <u>погребати</u> , и оная в тотъ часъ <u>вся истлела</u> . (лл. 56-56 об.)	И привезоша ю <u>неистѣлаю</u> . Тогда возрадовашася велми и разсудилъ <i>ксенза</i> <u>праведную</u> девицу, что ея Богъ простилъ. И егда ксенза начать оную девицу <u>погребать</u> , и оная в той часъ <u>вся истлѣла</u> . (л. 395 об.)	И преведо//ша ю <u>неистлалаю</u> . Тогда возрадовашася велми и разсудилъ <i>сксенза</i> про <u>оную</u> девицу, что ея Богъ простилъ. И егда скенза начать оную девицу <u>погребать</u> , и она в той часъ <u>истлѣвши</u> . (лл. 31 об.-32)

В этом фрагменте мы снова видим в списке F. 465 собственное осмысление писцом описываемых событий: поняв по контексту, что тело умершей не истлело, переписчик называет ее «праведной», в то время как в других двух списках речь идет просто об «оной девице». Отметим, что все три списка по-разному передают причастие «неистлевшую»: «неистлелаю» (Мак.), «неистѣлаю» (F. 465) и «неистлалаю» (Каз.), и существительное ксендз: «ксеза» — Мак., «ксенза» — F. 465 и «сксенза» — Каз.

Отметим также, что список Каз. в двух приведенных выше фрагментах использует общие со списком F. 465 грамматические формы: «посмотриль» (в Мак. — «посмотривъ») и «погребать» (в Мак. — «погребати»). Возможно, у этих списков был общий источник на более ранней стадии

истории текста Сказания. Есть и другие мелкие расхождения списка Каз. с двумя другими исследуемыми списками: переписчик списка Каз. использует форму причастия «истлѣвша» вместо глагола «истлела» и опускает местоимение «вся» в словосочетании «вся истлела».

В ряде случаев тексты всех трех исследуемых нами списков совпадают полностью. Например, история о зубной боли сановника, фрагмент, рассказывающий о беспомощности врачей при попытке вылечить зубы героя и др. Это наблюдение вновь указывает на близость всех трех списков Сказания.

Таким образом, рассмотрев три списка «Повести о происхождении табака» из «летописца греческого», мы пришли к выводу, что тексты списков Мак., F. 465 и Каз. близки друг другу, различия, встречающиеся в текстах списков, незначительны и служат конкретизации некоторых моментов повествования. Это свидетельствует о том, что все три списка этого варианта Повести имели в своей основе общий источник.

Однако, подключив к сопоставительному анализу список Каз., можно заметить, что он ближе к списку F. 465, чем к списку Мак., на что указывают часто встречающиеся одинаковые чтения в тексте этих списков. Также следует отметить, что переписчик списка F. 465 был более самостоятелен в создании своего варианта текста. Он добавляет в текст свои детали, иногда не понимает значения некоторых слов и выражений своего источника, совершает опiski. В целом, текст списка F. 465 несколько упрощается по сравнению с другими списками. Так, например, в списках Мак. и Каз. есть тяготение к повторам, восходящее к устной традиции: «*И минула ей 40 дней и 40 ночей*», тогда как в списке F. 465 читаем: «*И минула ей 40 дней*».

Таково соотношение доступных для изучения списков «Повести о происхождении табака из летописца греческого». Обнаружение новых, ранее не известных списков этого варианта Повести, возможно, позволит уточнить наши предварительные текстологические наблюдения.

1. Бабалык М. Г. Растения хмель и табак в поздних старообрядческих сочинениях // ГОРА калинова: (бильни свет у традиционалној култури Словена) : зборник радова / уредила Зоја Карановић. Белград, 2019. С. 139–157.

2. Бровкина Т. В. Краткие редакции Повести о происхождении табака // Человек и событие в исторической памяти : материалы Всероссийской научной конференции. Сыктывкар, 2017. С. 104–114.

3. Бровкина Т. В. VIII краткая редакция «Повести о происхождении табака» // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Волгоград, 2019. №10 (143). С. 239–244.

4. Бровкина Т. В. Некоторые наблюдения об особой и распространенной редакциях «Повести о происхождении табака» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2019. Т. 12. Вып. 11. С. 10–14.

5. Бровкина Т. В. Основная редакция «Повести о происхождении табака» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2019. Т. 12. Вып. 10. С. 7–11.

6. Бровкина Т. В. Список новой краткой редакции «Повести о происхождении табака» // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2019. Вып. 3 (11). С. 86–91.

7. Волкова Т. Ф., Понырко Н. В. Повести о табаке // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1998. Вып. 3 (XVII век). Ч. 3. С. 45.

8. Никифоров А. И. Литературные материалы: (Из рукописей Казанского центрального музея) // Казанский музейный вестник. 1922. № 2. 72. С. 66–74.

9. Перетц В. Н. Отчет об экскурсии семинария русской филологии в Киев 30 мая — 10 июня 1915 года. Киев, 1916. 221 с.

Приложение

Тексты списков мы публикуем по правилам, принятым в издании Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН «Библиотека литературы Древней Руси»^{1*}.

Выписано из летописца греческого о томъ, от чего проклятая табака возникла, слово 21, лист 139.

В лето 7061 г. В литовскомъ градѣ велицѣмъ Вилнѣ бысть некий человекъ славенъ и многимъ богатствомъ кипяше, сановникъ королевы. Жена же его не раждаше дѣтей многия лета. И нача оный человекъ обѣщатися з женою своею и глаголати в себѣ: «Аще ли родится сынъ или дочь, то сохранимъ в чистотѣ».

И услыша Богъ обещание свое ихъ, и роди, и родиша женескъ полъ, и созда дщери своей полату красну. Дщерь же ихъ растяше в великомъ воздержании, и даде отецъ ея дщери своей три девицы велми прекрасны, и утѣшаше велми ея. И егда нача в возрастъ приходити и смыслити, отецъ ея приказа девицамъ, да не испущаютъ пустя ея ис полаты, да не узритъ ничто же в мирѣ дѣмыхъ красотъ и наслаждений, да не прелстится на нетлѣнныя вещи.

И егда исполнися оной дѣвицы 20 лѣтъ, слышитъ поющихъ птицъ и человекъ глаголющихъ, псовъ лающихъ, глаголаше девицамъ. «Чесо ради отецъ мой не испущаетъ мене ис полаты?» И нача велми сокрушатися и плака-

^{1*} Благодарю Т. Ф. Волкову за помощь в подготовке к изданию этих списков Сказания о происхождении табака из летописца греческого.

ти горко, и глаголати в себѣ: «Аще отецъ не выпуститъ мене ис полаты, то я отселѣ не хочу жива быти, сама себѣ убию или удавлю. Аще отецъ мой хошетъ, да жива буду, то дастъ ми утѣху малу».

Слышаша дѣвицы от госпожи своея, сказаша отцу ея все по ряду. Отець же ея то слышавъ, велми оскорбися, дастъ ей по ея прошению три животныя на утѣшение ея: гнездо куръ, кошка и щеня. Тогда оная девица мало утѣшися от печали, кормяше ихъ, и утѣшашеся. И минула тому два // (л. 395 об.) лѣта, и оное щеня возрасте кобель, и диявольскимъ навождениемъ впаде в блудъ девица со псомъ онымъ, а оныя девицы сего не вѣдуше.

И егда прииде время оной девицы родити, отсла своихъ дѣвиць от себе на нѣкое орудие, и после ихъ родила 4 песики и весма оскорбися, что отца своего посрамила. И помышляше в себѣ: «Что сотворю?» И снем с себя поясъ и удавился. И приидоша девицы, и видѣша госпожю свою висящу мѣртву во удавѣ, зѣло убояшася и повѣдаша господину своему вся бывшая. Отець же ея велми ужасеся, видя дщерь свою во удавѣ и щентята ползуютъ, повелѣ щенятъ бросити в рѣку, а девицамъ заповѣдавъ никому о семъ не глаголати.

И призва оный мужъ к себѣ отца духовнаго, и сказа ему вся по ряду. Отець его повелѣ оную удувленную девицу за три поприща от града схоронити на высокомъ мѣстѣ. И минула ей 40 дней, и прииде дияволъ нощию ко отцу ея, преобразися во аггела свѣтла, глагола ему: «Востани от сна своего и гряди скоро к могилы дщери своя, и узриши вещь предивную, и возьми, сохрани ю и смотри, от чего произошла».

И прииде отецъ к могилѣ дщери своея, и видѣ былъ травы на могилѣ ростомъ в полтора аршина. И оный человекъ велми возрадовася, и посмотриль, от чего тая прклятая выросла табака — оныя девицы изъ срама, а не ис тѣла. И понесъ оную траву ко отцу своему духовному — к ксензы. Отець его похвали и повелѣ ея из могилы выкопать и вести к себѣ.

И привезоша ю неистѣлаю. Тогда возрадовашася велми и разсудиль ксенза праведную девицу, что ея Богъ простиль. И егда ксенза начатъ оную девицу погребать, и оная в той часъ вся истлѣла. Людие же видѣвши, дивяшася и начаша между собою спиратися и роптитися: овии глаголють, аки бы на ней нѣсть грѣха, что под неволею отца своего сотворила, а друзии глаголють, что она девица // (л. 396) скверная, проклятая. И бысть между ими ропта велия, и слыша единъ от отецъ, что распря в людехъ немала, и умолче.

И минуло тому шесть месяць, и начаша у отца ея зубы болѣти велми, и начат призывати врачевъ, и даяше имъ злато и сребро доволно, инии тоже упеша. И многия нощи не спяше, горко кричаше. И во едину от нощей усну крѣпко. И видѣ во снѣ: прииде к нему бѣсъ во образе аггела свѣтла и глаго-

ла человеку оному: «Востани от сна своего и возми оную траву, а прозвани-емъ табаки, и положи на зубы своя корень ея, и потомъ смотри: будетъ тебѣ великое утѣшение, и начнуть тебѣ блажити во многия роды».

И вземъ табачей корень, положи на зубы и усну крѣпко. Спа ночь и день, и егда воста, премѣнися от болѣзни. И нача блажити дщерь свою велми. И начаша к нему приходити людие мнози, а онъ даяше того кореня, и от зубныя болѣзни премѣняшеся на прелесть человекомъ от диявола показанное, и даяху ему многия пѣнязи, и начаша вси людие велми похваляти онаго человека.

И потомъ усну, в сонномъ видѣнии видѣ: прииде к нему дияволъ, приобразися во аггела свѣтла, и глагола ему: «Востани, человекче, от сна своего и возми оную траву табаку, раздроби намелко оную быль и посади, и потомъ узриши: будетъ тебѣ от человекъ великая похвала, и распространится во многия народы, и собереши себѣ многия пѣнязи».

И оный человекъ, воставъ от сна своего, немедленно сотвори тако и посадилъ раздробленую быль. И возрастѣ скоро. И егда созрѣ, и вземъ, нача употреблять всякими видами: в носъ и за губу, в рот дымчатой, дияволомъ научени. Слыша се нѣкий от святыхъ великихъ, что тако сотворися в народѣ, нача молитися Богу со слезами 6 дней и ночей, да явить ему Господь, что от сего будетъ: добро или зло.

И услыша Господь молитву раба своего, посла аггела своего ко о// (л. 396 об.)ному святому мужу показати ему, о чемъ прошаше. И стояше на молитвѣ святой, и прииде к нему аггелъ, глагола ему: «Благослови, отче!» Онъ же рече ему: «Богъ да благословить тя, чадо!». И вопроши его: «Кто еси и откуда? Вижу тя красна паче мѣры». И отвеща ему: «Азь есмь аггелъ Господень, посланъ от Бога показати тебѣ, о чемъ просилъ еси». И поведе на оно мѣсто, идѣже скверная девица закопана.

И видѣхъ надъ оною могилою — висилица, и два человека за наги висят, третия девица видетъ за шию удавлена поясомъ, а из ноздрей и из рота у нихъ исхождаху сопли, и смрадъ золь исходитъ до земли, злование лютое. И нача из могилы исходити духъ, аки вѣтръ сильный, и раскочаль оныхъ висилниковъ, и биются два мужа ртомъ и носомъ в срамъ скверныя девицы, и велми ужасеся.

И вопроши аггела Божия, и показа ему: «Ихъже видиши, что цѣлуютъ в срамъ девицу скверную, того ради, что проклятую табаку в рот и за губу кладутъ и в носъ, и сего ради прокляти суть в сий вѣкъ и въ будущий, понеже есть всѣхъ сквернъ сквернейшии. Вси, любящии скверную сию табаку, прокляти суть со оною девицею во единомъ мѣстѣ будутъ под землею и под моремъ, идѣже есть Тартаръ, егоже и самъ сатана трепещетъ».

И по семь явися видѣние страшно, и провалися оная могила до ада преисподняго, и воспыла огонь велми страшно, и згорѣ висилица, и она три человека впадоша во огонь негасимый. По семь скончася видѣние, и бысть земля по-прежнему, и аггель Господень невидимъ бысть.

Оный святой мужъ велми восплакася, сказа вся по ряду на ползу слышашимъ, яже от аггела слыша и своима очима видѣ, учаше и запрещаша. О братие и сестры, блюдитесь проклятой табаки и не оскверняйте себѣ отнюдь; аще послушаете, спасени будите, аще не послушаете, осуждени // (л. 397) будите в сий вѣкъ и в будущий. Богу нашему слава. И есть же писано и в другомъ писании о семь, хотя подленно увѣдать, да зрит тамо.

РНБ, НСРК F. 465, л. 395–397.

Без заглавия и начала.

... своего духовнаго и сказа ему вся по ряду. Отець же повеле оною удавленную девицу за три поприща от града схоронити на высокомъ мѣстѣ. И минуло ей 40 дней и 40 нощій. Ко отцу ея прииде дияволъ нощию, приобразися во ангела свѣтла, и глагола ему: «Востани от сна своего и гряди скоро к могилѣ дщери своей, и узриши вещь предивную, и возьми, и сохрани ю, и смотри, от // (л. 31 об.) чего произошла».

И прииде отецъ к могилѣ дщери своей, и виде былъ травы на могилѣ ростомъ в полтора аршина. И оный человекъ велми возрадовася, и посмотрилъ, от чего тая проклятая выросла табака — от оныи девицы из срама, а она не истлела. И понес оную траву ко отцу своему — ксензы. Отець его похвали и повеле ея из могилы выкопати и ввести к себѣ.

И преведо// (л. 32) ша ю неистлалаю (так!). Тогда возрадовашася велми и разсудилъ ксенза про оную девицу, что ея Богъ простилъ. И егда ксенза начатъ оную девицу погребать, и она в той часъ истлѣвша. Людии же видѣвши, дивишася и нача между собою претися и роптатися: овии глаголют, аки бы на ней несть грѣха, что под неволею отца своего сотворила, а друзии глаголють, что оная девица // (л. 32 об.) скверная, проклятая. И бысть между ими ропта велия. И слыша единъ от отецъ, что распря в людехъ немала, и умолче.

И минуло тому 6 месяць, и нача у отца ея болети зубы велми, и нача призывати врачей, и даяше имъ злата и сребра довольно, и ничтоже уеша. И многия нощи не спаша, горько кричаша. И во едину от нощей усну крѣпко. И виде во сне: прииде // (л. 33)...

БАН, Казачье собрание, № 38, л. 31–32 об.

**ПЕЧОРСКИЙ КНИЖНИК СТЕПАН АНФИНОГЕНОВИЧ НОСОВ
— ИНФОРМАНТ ФОЛЬКЛОРНЫХ ЭКСПЕДИЦИЙ МГУ¹**

*Вступительная статья, подготовка текстов и комментариев
Т. С. Каневой*

*PECHORA KNIZHNIK STEPAN NOSOV AFINOGENOV – INFORMANT
OF FOLKLORE EXPEDITIONS OF MOSCOW STATE
UNIVERSITY INTRODUCTORY ARTICLE*

Preparation Of texts and Comments by T. S. Kaneva

Публикация вводит в научный оборот записи из архива кафедры фольклора МГУ, сделанные в фольклорных экспедициях 1978 и 1980 гг. от печорского старообрядческого писателя Степана Анфиногеновича Носова. Это духовный стих, легендарные и топонимические предания, мифологические рассказы, поверья, приметы, анекдоты, а также бытовые рассказы об охотниках и о прошлом. Имеется вступительная статья, тексты сопровождаются комментариями. В качестве приложения публикуется заметка собирателя А. А. Ивановой о С. А. Носове.

***Ключевые слова:** старообрядчество, фольклор, Усть-Цильма, Степан Анфиногенович Носов, репертуар, источники, архив.*

The publication introduces into scientific circulation the records from the archives of the Department of Folklore of Moscow State University, made in folklore expeditions in 1978 and 1980 from the Pechora Old Believer writer Stepan Anfinogenovich Nosov. These are spiritual verse, legendary and toponymic legends, mythological narratives, beliefs, omens, anecdotes, as well as everyday stories about hunters and the past. There is an introductory article. The texts are accompanied by comments. A note by the collector A. A. Ivanova about S. A. Nosov is published as an appendix.

***Keywords:** old belief, folklore, Ust-Tsilma, Stepan Anfinogenovich Nosov, repertoire, sources, archive.*

Степан Анфиногенович Носов (1902–1981), уроженец пижемской деревни Загривочной (Усть-Цилемский район Республики Коми), прежде всего, известен исследователям старообрядческой культуры как яркий представитель поздней рукописно-книжной традиции Печоры [1]. Однако бла-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований: грант № 19-012-00593 «Грани духовного наследия Усть-Цильмы: фольклор, книжность, язык (новые источники)».

годаря фольклористам Московского государственного университета мы можем оценить его и как носителя устного народного знания.

В 2000 г. в фундаментальном издании печорских былин в серии «Свод русского фольклора» были опубликованы старины, исполненные и пересказанные С. А. Носовым в 1980 г.¹ Но этим его репертуар не исчерпывается, и данная публикация преследует цель познакомить широкий круг специалистов и всех интересующихся севернорусским фольклором и с другими записями, сделанными собирателями МГУ от печорского книжника.

Фольклорные экспедиции Московского университета работали в Усть-Цилемском районе Республики Коми дважды: в 1978 и в 1980 гг. [3; 4]. Оба раза группы собирателей посетили печорское село Среднее Бугаево, где проживал С. А. Носов, и оба раза встречались с ним.

В 1978 г. с С. А. Носовым беседовала фольклорист Нина Ивановна Савушкина, доцент кафедры русского устного народного творчества МГУ. В пяти ее тетрадях содержится 31 прозаический текст (былички, бывальщины, легенды, бытовые истории, рассказы о прошлом) и духовный стих «О заонежских девицах» (он, очевидно, был записан при пении), зафиксированные со слов С. А. Носова. Большая часть этих текстов (24 единицы) и стих представлены в данной публикации.

Молодой преподаватель кафедры русского устного народного творчества МГУ Анна Александровна Иванова, побывавшая в Среднем Бугаево в 1980 г., открыла для нас Степана Анфиногеновича как знатока былин. В ходе нескольких встреч А. А. Ивановой удалось сделать 11 вариантов записей, относящихся к этому жанру. Все они — разного качества. Четыре из них можно квалифицировать всего лишь как воспоминания о былинных сюжетах и / или героях («Добрыня и змей», «Добрыня Никитич и Алеша Попович», «Илья Муромец и Идолище», в которой противник русского богатыря назван С. А. Носовым Тугарином, и припоминание былин о Садко и Чуриле). Еще три единицы записи представляют собой краткие прозаические пересказы фрагментов старин («Добрыня и Маринка», «Исцеление Ильи Муромца» и «Илья Муромец и Соловей разбойник»). Фрагмент были-

¹ [2, № 30] (Добрыня и Маринка: пересказ, 18 стихов), [2, № 66] (Илья Муромец и Тугарин (Идолище): воспоминание о былине), [2, № 96] (Илья Муромец и Сокольник: 120 стихов), [2, № 97] (Илья Муромец и Сокольник: 37 стихов), [2, № 151] (Дюк Степанович и Чурила Пленкович: 50 стихов, смешанное исполнение), [2, № 249] (Смерть Василия Буслаевича: краткий пересказ); [2, Приложение I, № 5] (Добрыня Никитич и змей: пересказ-воспоминание о былине), [2, Приложение I, № 6] (Добрыня и Алеша: воспоминание о былине), [2, Приложение I, № 12] (Исцеление Ильи Муромца: фрагмент-пересказ), [2, Приложение I, № 14] (Илья Муромец и Соловей-разбойник: фрагмент-пересказ), [2, Приложение I, № 32] (припоминания былин о Садко и Чуриле Пленковиче); см. также заметку об исполнителе: [2, т. 2, с. 552–553].

ны о Дюке Степановиче зафиксирован в смешанном исполнении: из 50-ти стихов 34 пропеты, остальные пересказаны ритмизованным стихом. Наконец, с напевом исполнены небольшой фрагмент былины о Василии Буслаевиче («Смерть Василия Буслаевича», 18 стихов) и любимая старина печорских сказителей «Илья Муромец и Сокольник». Последняя записана дважды: сначала фрагмент в 37 стихов, в следующую встречу — более полный текст в 122 стиха. Также С. А. Носову были известны былинные имена Святогора¹ и Микулы Селяниновича².

Мы не знаем, каков был опыт Степана Анфиногеновича в сказывании былин. По замечанию А. А. Ивановой, на то, что он «сам исполнял старины», «указывали некоторые исполнители из других деревень»³. Выросший на Пижме, прославленной многими талантливыми исполнителями, С. А. Носов был наслышан о сказителях старого времени (как, например, об Анкудине из Замежной, Федосье Емельяновне Чуркиной из Чуркинской⁴). Кроме того, он рос в семье, где сказывали старины — мать Матрена Михайловна Чупрова, дядя Игнатий Лукич Носов, от которого собственно и перенял былины С. А. Носов, подолгу проводя с ним время в лесу. Знакомом старин и сказок был и дед Игнатия Лукича Василий Александрович Носов («Они с дядей тоже на лесах жили вместе»)⁵. Таким образом, Степан Анфиногенович наверняка хорошо представлял, как должен звучать эпический стих. Поэтому (а также, конечно, и в силу своего «степенного, обстоятельного характера»⁶) он тщательно готовился к встрече с собирателями, накануне вспоминая тексты старин и записывая их в тетрадь. Об отношении С. А. Носова к былинам, его стремлении воспроизвести тексты полно и точно свидетельствуют и замечания о собственных трудностях их исполнения, см.: «ещё это как-то там, всё по старини поется, всё надо привести в известны слова тоже» («Добрыня и Маринка»), «Путать-то вот ведь оно нельзя так а. Надо, чтобы точно знать, а вот я не знаю точно-то» («Добрыня Никитич и Алеша Попович»), «Ишь, вот оно не приводится в рифму-то тут да» («Дюк Степанович»), «Ну, тут надо вот подобрать-то... <...> ...оно поетсе, дак тут довольно сложно, тоже уж мне не сделать» («Илья Муромец и Соловей разбойник»).

¹ «[Пели про Святогора?] — Нет, рассказывали только» (АКФ МГУ, аудиозапись 80/13а-6); «У Ильи со Святогором была дружба. Ноне уж не скажу, чем она кончилась, как...» (АКФ МГУ, ФЭ-12: 4-10-1980, т. 1, с. 4306, № 358).

² АКФ МГУ, ФЭ-12: 4-10-1980, т. 1, с. 4305, № 358.

³ См.: Приложение. Заметка собирателя А. А. Ивановой о С. А. Носове.

⁴ Там же.

⁵ Там же. (Эти факты по заметке А. А. Ивановой приведены также в: [2, т. 2, с. 552]).

⁶ Там же.

Будучи человеком начитанным, С. А. Носов наверняка был знаком с изданиями былин и богатырских сказок, интересовался историческими прототипами былинных героев: «Алеша Попович действительно был. Я тут в книжке читал, в энциклопедии, он жил в 1001–1004 гг.»¹; «Дак это есть в сказках. Эводе я читывал тоже» (о Садко); «Вот хороший рассказ такой был. <...> В малых годах только читал, всё забыл уже, теперь ничё не скажешь...» (об Илье Муромце и Тугарине). Очевидно, не без влияния книжных источников в старинах и их пересказах у Носова появляются редкие — на фоне словаря печорских былин — характеристики, например: «исполнин Сокольничёк», «гордый Сокольник», «сила исполинская», «сила басурманская», «голова басурманская», «седло казацкое». Вероятно, по этой же причине некоторые из текстов исполнителя, по наблюдениям Ю. А. Новикова, не обнаруживают «специфических деталей, характерных для печорской традиции» [2, т. 2, с. 520] («Илья Муромец и Соловей-разбойник» [2, т. 2, с. 520], «Дюк Степанович» [2, т. 1, с. 751], «Илья Муромец и Тугарин (Идолище)»², «Смерть Василия Буслаевича» [2, т. 2, с. 496]).

В то же время в отдельных записях С. А. Носова, как считает Ю. А. Новиков, проступают следы их принадлежности печорским («Добрыня и Маринка») и даже уже — пижемским («Илья Муромец и Сокольник») былинам. В этой связи обращает на себя внимание небольшой прозаический пересказ сюжета о Добрыне и Маринке [2, № 30], в котором нашли отражение и «печорские черты», и более редкие моменты. Так, «имя героини, упоминание “бабушки-задворенки”, рассказ о необычном поведении тура» свойственны печорской редакции сюжета [2, т. 1, с. 676]. Довольно оригинальными в пересказе С. А. Носова являются сообщения о растерянности родителей героя в связи с его пропажей («И вот Добрынюшка потерялся. Не знают родители, где его сыскать»), а также о том, каким образом он (уже в облике тура) привлекает внимание к себе: ходит сзади за остальными турами, пытаясь при этом приблизиться к родному дому; обычно в печорских вариантах Добрыню-тура узнают по тому, что он не только отделяется от других туров, но и плачет (ср.: [2, № 23, 24, 27]). Изображение С. А. Носовым обнимающихся крыльями голубей (на доме Маринки) дословно совпадает с вариантом усть-цилемского сказителя П. Р. Поздеева (данная «картина» в печорских записях встречается только у этих двух исполнителей), ср.:

¹ См.: Приложение. Заметка собирателя А. А. Ивановой о С. А. Носове.

² «Отказ Ильи “кровавити палаты царские” — мотив, неизвестный устной печорской традиции» [2, т. 1, с. 697].

³ «Упоминание Мишки Торопанишки, формула “Я видел в поле коровушку базыкую”» [2, т. 1, с. 716].

«Увидел: два голубя любуются,
золотыма крыльями обнимаются»
(С. А. Носов, [2, № 30: 2]¹);

«На жолобе сидят у ей два голуба,
Да целуютца они, право, милуютца,
Золотыма крыльяма обнимаютца»
(П. Р. Поздеев, [2, № 23: 30]).

С этим вариантом текст С. А. Носова сближается также в некоторых деталях описания промаха Добрыни при стрельбе и попадания в любовника Маринки, ср. (совпадения подчеркнуты, близкие варианты выделены курсивом мной. — Т. К.):

«Пустил он стрелку, да нога
скользниласе, и рука его
опустиласе.
Полетела стрелка не в голубя, а
ниже жёлоба. <...> И залетела
стрелка в окно татарина,
<...> разорывала <...> завесы
полотняны, и залетела ему в белу
грудь»
(С. А. Носов, [2, № 30: 3]);

«Да левá ногá подкатилася,
Да правá рукá скатилася,
Полетела стрела ниже жолоба,
Залетела в окошечко косевщето,
<...>
Да разóрвал зáвесу полотнenu,
Да попала татарину в белую грудь»
(П. Р. Поздеев, [2, № 23: 36]).

Эти схождения наводят на мысль о возможном знакомстве С. А. Носова с первым сборником печорских былин, где был опубликован и вариант Петра Родионовича Поздеева (ок. 1837 г.р.) [5, № 21].

В 1980 г. в с. Среднее Бугаево записи былин и их пересказов были сделаны участниками фольклорной экспедиции МГУ только от С. А. Носова². Они стали последними зафиксированными свидетельствами памяти о данном жанре в этом селе, которое в 1902 г. посетил еще первооткрыватель печорской традиции Н. Е. Ончуков³. Степан Анфиногенович Носов не принадлежит к числу знаменитых сказителей, но воспоминания, которыми поделился исполнитель, являются довольно ценным источником изучения эпической традиции. Его представления о героях и сюжетах былин, их сло-

¹ Здесь и далее в подобных ссылках двоеточие отделяет номер текста от номера первого из цитируемых стиха.

² Предыдущей экспедицией МГУ (1978 г.) былины в Среднем Бугаево были записаны от Натальи Тимофеевны Семеновой (ок. 1901 г.р.), уроженки пижемского села Замежая (см.: [2, № 39, Приложение I, № 4, 16]); краткий пересказ-упоминание одного сюжета — от Елифера (в записи собирателя: Елипидиафера) Афанасьевича Дуркина (ок. 1912 г.р.) (см.: [2, Приложение I № 2]). Автор публикации выражает свою благодарность заведующему Сельским домом культуры с. Среднее Бугаево Лидии Петровне Вокуевой за помощь в уточнении данных об исполнителях.

³ Запись былины «Лука, змея и Настасья» от М. К. Шишеловой 63 л., с. Ср. Бугаево, см.: [5, № 71]. То же см.: [2, № 279].

ге и стиле являют пример «обиходного» (если можно так выразиться) эпического знания, характерного, наверное, для очень и очень многих представителей местной среды, многократно слышавших былины (часто — с детства или в только в детстве и юности), но практически не имевших опыта самостоятельного публичного сказывания старин или решавшихся на такое только в узком семейном кругу.

Кроме былин А. А. Иванова общалась с С. А. Носовым и на другие темы. Ею были записаны сообщения о календарных обычаях и магических практиках (в т. ч. приговор от ос), приметы, загадки, пересказ протяжной песни балладного семейно-бытового сюжета, топонимические рассказы, анекдоты о пошехонцах (почти все эти тексты представлены в настоящей публикации). Вместе с записями, сделанными Н. И. Савушкиной, они составляют интересный корпус материалов, позволяющих оценить разнообразие познаний известного книжника в части устной народной культуры.

После былин (как наиболее объемной и значимой группы записей) в фольклорном репертуаре С. А. Носова выделяются историко-легендарные предания и мифологические рассказы и поверья на разные темы. Некоторые из них он слышал от своих старших родственников («В долгие зимние ночи много рассказывал дед, всякие бывальщины, я некоторые запомнил»¹). Историко-легендарные сюжеты, записанные от Степана Анфиногеновича, в основном связаны с событиями и героями местной старообрядческой истории (легендарные предания о самосожжении на Великих Пожнях и сакрализации этого места, о последнем скитнике из Тобышского скита; в одном из рассказов о прошлом есть упоминание о протопопе Аввакуме). Повествования С. А. Носова фольклорно-мифологического содержания, также на известные данной традиции темы — о колдовстве, нечистой силе в лесу, дополняют усть-цилемские записи отдельными редкими для них мотивами: «собственность колдуна нельзя украсть: вор не может уйти с места кражи, пока хозяин не отпустит» (в настоящей публикации — текст № 8), «продажа следов зверя охотникам» (№ 9), «мифическая сила в лесу хохотом пугает, прогоняет охотников» (№ 13, 14, 16). Интересно своей символикой и воспоминание о гадании матери рассказчика, при котором увиденные в зеркале три небесных светила — месяцы — получили толкование как предсказание рождения у гадающей трех сыновей (№ 23).

Эти и другие уже названные фольклорные записи, а также не менее интересные бытовые рассказы, записанные от С. А. Носова, выдают в нем вполне типичного представителя местной традиции. В 10-летнем возрасте оставшись без отца, Степан в работе и на досуге проводил много времени

¹ АКФ МГУ, ФЭ-12: 4-6-1978, т. 139, с. 0327 № 1. Зап. Н. И. Савушкиной в 1978 г.

с дядей и дедушкой, что сказалось и на его хозяйственных и житейских познаниях, и — в известной мере — на его «фольклорном багаже». С. А. Носов рано женился, был отцом большой семьи и всю жизнь много трудился. Он был знаком с основными видами занятий севернорусского крестьянина: охотой, рыболовством, животноводством, строительством дома и нежилых построек; вынужденный переезжать, приобрел опыт обоснования на новых местах, по воспоминаниям его дочери, был неплохим столяром и печником¹. С другой стороны, еще подростком мать Степана обучила его чтению старинных книг и переписыванию религиозной литературы. После резких душевных изменений, произошедших с ним вследствие тяжелой болезни, книжное знание как инструмент познания истины и самосовершенствования, составление рукописных сборников, обсуждение в переписке с единовѣрцами тонкостей старообрядческой веры стали главным делом последних десятилетий жизни Степана Анфиногеновича. Однако память его и тогда хранила немало сюжетов и образов устного народного знания, чему свидетельством являются фольклорные материалы экспедиций МГУ (последние из них были собраны летом 1980 г. — за год с небольшим до ухода С. А. Носова: он скончался 14 сентября 1981 г.)².

Таким образом, записи фольклорных сюжетов и бытовых историй, выполненные учеными Московского университета, позволяют составить более полное представление о неординарном жителе Печорского края Степане Анфиногеновиче Носове, его внутреннем мире, личных переживаниях и глубине фольклорной памяти.

¹ Биография С. А. Носова, написанная У. С. Хозяиновой [1, с. 374–381].

² Весьма любопытно, что фигура этого авторитетного грамотея сама едва ли не стала объектом фольклоризации: в 2003 г. в Среднем Бугаево от соседки С. А. Носова был записан рассказ о чудесном сне, изменившем его жизнь. Приведем его: «[Степан Анфиногенович Носов соседом у Вас был, дом-то рядышком стоит...] ...И он рассказывал, шо мне, говорит, приснился сон, шо сам Господь пришел ко мне и говорит: “Иди вот за 20 километров с лишним сходи в лес, там, говорит, есть избушка, она, говорит, уже падат, там, говорит, есть образá — створы, и ты, говорит, их заberi”. И он, говорит, я сходил, за 25 километров и, действительно, эту избушку нашел и образа эти нашел, и принес. И с тех пор, он говорит, я не поселиться не стал, а стал, говорит, молиться. Молиться стал и на Божью руку пошел, всё такó у его пошло. [То есть изменился совсем?] Аха, изменилсе совсем, стал... Видишь, раз Господь к ему пришел, говорит, во сне, что сходить заставил за образáми, дак вот он и жизнь свою сменил. Образа принес. <...> Ну, и стал панифиды собирать, у его собирались. <...> Под Паску Христову вот тут всю ночь молятся стоят у него да. Грамотный раз стал дак. <...> Бог ума дал, шо больше хватит, надо за такó взяться. За такó и взялся» (ФА СГУ, АФ 03132-25: Шушкова Александра Анхеновна 1931 г.р., с. Ср. Бугаево; зап. И. И. Чупровой в 2003 г. Расшифровка Т. С. Каневой).

Фольклорные тексты и устные рассказы публикуются по рукописным материалам архива кафедры фольклора МГУ. В квадратные скобки помещены примечания и вопросы собирателей, в фигурные скобки — автора данной публикации, те же обозначения применены и в названиях текстов. В ломаные скобки заключены пропуски незначительных фрагментов и неразборчивые слова.

В Приложении к данной публикации помещена записка собирателя Анны Александровны Ивановой о С. А. Носове.

Компьютерный набор текстов осуществлен при участии Р. Е. Тубылевич.

1. Печорский старообрядческий писатель С. А. Носов: видения, письма, записки / подгот. текста, вступ. ст. и примеч. М. В. Мелихова. М.: Памятники исторической мысли, 2005.

2. Былины Печоры / изд. подгот. В. И. Еремина, В. И. Жекулина, В. В. Коргузалов, А. Ф. Некрылова; отв. ред. А. А. Горелов. СПб.; М., 2001 (Свод русского фольклора. Былины : в 25 т. Т. 1–2).

3. Савушкина Н. И., Селиванов Ф. М. Коротко об экспедициях // Советская этнография. 1980. № 2. С. 157.

4. Харитонов В. И., Иванова А. А. Коротко об экспедициях // Советская этнография. 1981. № 5. С. 178.

5. Ончуков Н. Е. Печорские былины. СПб., 1904.

Сокращения

АКФ МГУ — Архив кафедры фольклора Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, г. Москва.

Зиновьев — Зиновьев В. П. Указатель сюжетов-мотивов быличек и бывальщин // Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / сост. В. П. Зиновьев. Новосибирск, 1987. С. 305–321.

Канева — Усть-цилемские историко-легендарные нарративы, относящиеся к одной местности: указатель основных тем и мотивов / сост. Т. С. Канева // Усть-цилемская фольклорная традиция. Справочно-библиографическое мультимедийное издание / авт.-сост. Т. С. Канева. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2013.

Канева и др. — Канева Т. С., Сомсиков Р. А., Шомысов Д. И. Усть-цилемские «лесные» рассказы (по материалам Фольклорного архива Сыктывкарского университета) // Palaeoslavica: Международный журнал по исследованиям славянской средневековой литературы, истории, языку и этнологии. Vol. XXIV (2016). № 1. С. 190–231.

РЗЗ — Русские заговоры и заклинания : материалы фольклорных экспедиций 1953–1993 гг. / под ред. В. П. Аникина. М.: Изд-во МГУ, 1998.

СРГНП — Словарь русских говоров низовой Печоры : в 2 т. / под ред. Л. А. Ивашко. СПб., 2003. Т. 1; СПб., 2005. Т. 2.

СУС — Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / сост.: Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л., 1979.

ФА СГУ — Фольклорный архив Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар

1. Стих о заонежских девицах

Днесь Лекса преславна,
Славится издавна,
Не крутистых вод струями,
Слухом все изрядным.*
5 Россия все слухом,
Веселится духом,
Украшены соборы,
Дороги в них притворы.*
Дев прекрасны лики,
10 И пение, и клики.
Всех не в мале привлекает,
И дух тем оживляет.*
В ней прекрасны дома,
Здания, народы,
15 Все желают, к ней притекают,
И любовь велию являют.*
Соборы зрят драгоценные.
Устав древлеположенный,
Очи зрящих возвеселяют
20 Своим украшеньем.*
И тут поют прекрасно,
Чинно и согласно,
Ако музы олимпийки,
Всегда все ватийски.*
25 Став на своем крьле,
В положенном чине.

Все в ряски одеты,
Фливером прикрыты,*
Служат присно богу,
³⁰ Всяк день попремногу,
Хотя млада, престарелы,
Купно без измены.*
В свободны их часы,
Скинув черны рясы,
³⁵ Занимаются делами
Во своих приделах.*
Знатныя писицы,
Всяк в своей светлицы
Они перьями черкают,
⁴⁰ Книги составляют,*
Всюду по России,
За деньги сбывают
Доходы составляют.*
Ткут, плетут шелками,
⁴⁵ Ко крестам шнурками,
Пояски также со златом,
При уборе богатом.*
Есть и такие девицы,
Что и краской мастерицы,
⁵⁰ Маляруют листочки важно
Очень прекрасно.*
Всем гостям входящим
Покупать хотящим
Все охотно дают,
⁵⁵ За серебро продают.*
Во всех приделах ткут,
Про себя прядут
Чистые салфетки
И полотенца уборочны
⁶⁰ Для продажи сподручно.*
Составлять не хоры,
А всем разны приборы,
Столовые харчи
Где взять златы парчи.*
⁶⁵ Братство в скудости живет,

Откуда себе кто что наживет,
И слава Богу завсегда поет.*
Впромен по России
За деньги большие
⁷⁰Составляют их в расходы
На малые годы.*

АКФ МГУ, ФЭ-12: 4-6-1978, т. 127, с. 0186-0189. Зап. Н. И. Савушкиной в 1978 г.

Духовный стих. В 1955 г. В. И. Малышев опубликовал «Стих о заонежских девицах» по рукописи середины XIX в., привезенной им и Ф. А. Каликиным из Усть-Цилемского района, отметив: «стихотворение о заонежских (лексинских) девицах, несмотря на несовершенство своей формы, интересно тем, что освещает бытовую сторону знаменитого в XVIII–XIX веках в Карельском Поморье Выго-Лексинского женского общежительства» (*Малышев В. И.* Археографическая экспедиция в Усть-Цилемский район Коми АССР // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1955. Т. 11. С. 435. Стихотворение опубликовано на с. 436–437). Список этого стиха выявлен В. И. Малышевым также в составе небольшой рукописи последней четверти XIX в., в конце которой есть приписка, сделанная рукой С. А. Носова (*Малышев В. И.* Усть-цилемские рукописные сборники XVI–XX вв. Сыктывкар, 1960. С. 127), что указывает на его знакомство с рукописью и, вероятно, и с данным произведением. При этом обращает на себя внимание замечание самого С. А. Носова об устном источнике этого стиха, зафиксированное Н. И. Савушкиной: «Пела мать, была и книга, я-то списал, как мать пела. Стихи эти стали печатать в начале века, до 1914 года много книжек было “Стиховников”, по ним и пели. А до этого пели старинные, так я их не знаю. Их никто не помнит, они не записаны были» (АКФ МГУ, ФЭ-12: 4-6-1978, т. 127, с. 0189-0190). К сожалению, Нина Ивановна не отметила, как был исполнен стих — по памяти или по письменному тексту, и что значит «списал, как мать пела» (возможно, С. А. Носов заранее подготовился, как это делал при записи былин). Отсутствие специальной пометы в тетради опытного собирателя говорит, скорее всего, в пользу того, что исполнитель спел стих по памяти.

Примечания собирателя к тексту: к слову «Лекса» (в строке 1): «Название реки и <нрзб>»; к слову «ватийски» (в строке 24): «Витийски».

Строки, отмеченные звездочкой*, повторяются дважды (в тетради собирателя: «2 р. {раза}»).

Публикуемый текст стиха, исполненного С. А. Носовым, в целом обнаруживает близкое сходство с рукописным вариантом, приведенным

В. И. Малышевым (*Малышев В. И.* Археографическая экспедиция... С. 436–437). Отметим наиболее существенные отличия этого текста от публикуемой фольклорной записи:

– на месте строк 5-8: «Ро[с]сия вся слухом веселится. / Духом украшены соборы, / Други в них притворы»;

– строка 11: «Всех к елма привлекает»;

– на месте строк 13-16: «В ней прекрасны зданьем, / Нарот всим желаньем / Притещают и являют / Любовь превеликую»;

– строка 17: «Собор зрет безценный»;

– строка 18: «Устав положенный»;

– строка 24: «Весьма все витийки»;

– строка 27: «Черны ряскими одеты»;

– строка 28: «Флиором прикрыты»;

– строка 39: «Оце перьям черкают»;

– на месте строк 41-43: «В промен по Рос[с]ии, / За деньги большие, / Составляют их в расходы / Не малые годы»;

– строка 47: «Приборы богатом»;

– строка 48: «А другия писицы»;

– строка 50: «Малеруют тож листовки»;

– строка 55: «За серебро и медны»;

далее (после строки 55):

«Все при делах присно,

Ткут холсты их чисто

Про себя, на своей добытки.

Виде в скуде братство

Где же искать богатство?

Кто чем может промышляет

А все помаленьку.

Слова два в конец¹

Составить нехоры,

Всем нодать приборы

Столовые, харчевыя,

Что были изрядны.

Сего стиха конец

Получат златой венец.

Кого прозову к рыданью,

Токмо конец».

¹ Эта строка в рукописи написана киноварью (прим. В. И. Малышева).

Историко-легендарные и топонимические предания

2. Легенда о самосожжении

В Великопоженском скиту 63 книги было у них служебных и по истории. Они как вероучители были. И им было известно [многое]. Старуха была в монастыре, пожарище когда было, и говорила так. Двухэтажная часовня была, и они закрылись наверху и подожгли. Сначала белые куропти¹ вылетали из этого пожарища, а потом два старца стояли дотуда, как потолок не загорелся. И как потолок пал, старцы пали, и два лебедя вылетели. Старуха эта умерла в 1910 году. Знамение такое было, а что были за куропти, что за лебеди, не знаем.

АКФ МГУ, ФЭ-12: 4-6-1978, т. 130, с. 0228-0229, № 6. Зап. Н. И. Савушкиной в 1978 г.

Легендарное предание о самосожжении в Великопоженском монастыре — старообрядческом общежительстве на реке Пижме (приток Печоры), основанном в первой четверти XVIII в.; 7 декабря 1743 г. произошло самосожжение скитников, нашедшее отражение и в устной традиции (см.: *Канева Т. С., Матвеева Л. Е. Устные рассказы о Великопоженском ските в усть-цилемской фольклорной традиции // Старообрядчество: история, культура, современность : материалы VII Международной научной конференции. М., 2005. Т. 2. С. 234–240*). Фольклорные мотивы превращения душ сгоревших в птиц, стойкого моления отдельных старцев во время пожара зафиксированы и в других усть-цилемских вариантах этого легендарного сюжета (см.: *Канева. Великие Пожни: VI.1; VI.2*).

С. А. Носову была известна и повесть о самосожжении в Мезенском уезде («В Архангельской губернии, в Мезенском уезде, содеяся в нынешнем 7252 году», см.: *Мальшев В. И. Усть-цилемские рукописные сборники XVI–XX вв. Сыктывкар, 1960. С. 186–189*), которую он воспроизвел в одном из своих рукописных сборников (см.: *Прокуратова Е. В. Новые источники изучения рукописного наследия печорского книжника С. А. Носова (археографическая находка 2009 г.) // Вторые Мяндинские чтения : материалы Всероссийской научно-практической конференции. Сыктывкар, 2011. Т. 1. С. 166–167*). Ср. сообщения о количестве книг и о двух старцах в рассказе С. А. Носова с повестью: «А как горела храмина и уже стало опадывать, а оной старец все стоял, стоя молился богу, и поклонися, успе»; «Гонители же множество живота взяша, <...> 63 книги и икон множество» (*Мальшев В. И. Указ. соч. С. 189. Подчеркнуто мной. — Т.К.*).

См. № 3, 4.

¹ Куропатки.

3. Легенда о святом месте {Наказание}

Рассказывают, что на том месте, где часовня стояла, после этого сделали часовню на погорелом месте. Часовня стояла несколько десятков лет. Тут после революции налог непосильный наложили, заставили платить большую сумму — тысячу рублей, они отказались, и сделали тут клуб. А потом рассказывают, что на том месте два дома поставили, и там жили жильцы. И вот которы дома поставили, одному нечаянная смерть получилась, а у другого двое {детей} глупы, как болваны. Стали этого места опасаться. Святое место, а стали грязь людску валить, вот так и вышло.

АКФ МГУ, ФЭ-12: 4-6-1978, т. 130, с. 0229-0230, № 7. Зап. Н. И. Савушкиной в 1978 г.

Вариант сюжета о наказании людей за непочитание святого места в д. Скитской на Пижме, где был старообрядческий монастырь (см., например: ФА СГУ, АФ 0322-76; 03416-58).

См. № 2, 4.

4. Легенда о святом месте {Видение}

Трудно об этом говорить, безбожие стало, видений <сейчас> нет. Был в Боровской один человек Тимофей Перфильев Чупров. Как-то он ехал с Верховья¹. Подъезжает к этому месту и вдруг видит — кресты стоят на этом месте. А подъехал — ничего не оказалось.

АКФ МГУ, ФЭ-12: 4-6-1978, т. 130, с. 0230, № 8. Зап. Н. И. Савушкиной в 1978 г.

Рассказ о видении в сакральном месте .

См. № 2, 3.

5. Легенда о святом Иване

За Трусовым² повыше по Цильме был скит, девятнадцать или двадцать один человек там жили. Там ездят и сейчас обещаются³, там амбарец и службу служили. А рассказывают, там все старцы умерли, последний есть остался Иван. Он когда последнего похоронил, плот сделал и выплыл оттуда. Старые люди так говорили. Он умер, а потом, понимаешь, какое дело

¹ Возможно: верховья (с верховья реки, от верхних деревень).

² Село Трусово.

³ Обещаться — исполнять обет (ответ).

— он оказался на кладбище. Этот плот и крест он себе сделал, оказался там против воды километра два-три, и там его похоронили. Наверное, плот каким-то образом там оказался. Обещаются Ивану и сейчас, ходят молятся. Помогало от болезней, многие обещания делали и на Цильме, и все правильно делается.

АКФ МГУ, ФЭ-12: 4-6-1978, т. 130, с. 0230-0231, № 9. Зап. Н. И. Савушкиной в 1978 г.

Вариант широко известного в усть-цилемской устной традиции легендарного предания об Иване, последнем скитнике из Тобышского скита, чудесным образом выплывшем к селу Усть-Цильма, по захоронению которого названо местное кладбище (Иваново). Рассказ С. А. Носова отличается оригинальной деталью — сообщением о том, что Иван сделал себе не только плот (в вариантах: лодку, гроб), но и крест. См.: Усть-цилемские предания об Иване / вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Т. С. Каневой // Русский фольклор : материалы и исследования. СПб., 1999. Т. 30. С. 423–430; *Канева*. Тобышский скит: VI.

6. Объяснения названий сел и деревень

6.1. Село Среднее Бугаево. Оно раньше по-другому называлось. Кругом лесвяк, а в этом лесу водилось много филинов. Перед ненастьем так гуляют, так оглушат. И филина здесь «бугой» зовут. Потому и Бугаево.

6.2. Деревня Загривочная. Эта деревня на мысе стоит. Он вышел, как загривок. Высокий как бы холм, как кониная грива.

6.3. Село Замежная. Кругом мег — река обходит носом. Бывало, запрет льдинами и прет прямо.

6.4. Деревня Крестовка. За Печорой крест стоял, и ему жертвы приносили. Крест этот знаменитый, и стали так звать.

6.5. Деревня Медвежка. Старое название — Медвежьё. Медведи на этот берег выходили.

6.6. Поселок Новый Бор. Наново поселились на Бор первожители.

6.1. АКФ МГУ, ФЭ-12: 4-6-1980, т. 1, с. 4290, № 323. Зап. А. А. Ивановой в 1980 г. — 6.2. Там же. С. 4294, № 341. — 6.3. Там же. С. 4294, № 342. — 6.4. Там же. С. 4295, № 347. — 6.5. Там же. С. 4295, № 348. — 6.6. Там же. С. 4295, № 349.

Топонимические рассказы о происхождении названий местных населенных пунктов (д. Загривочная, с. Замежная — на реке Пижме, остальные — на реке Печоре).

Мифологические рассказы

7. Легенда о провале

В Усть-Цильме говорят, что лужа есть, а это болотина. Стращали малых. А там, рассказывали, провалились. Но в Усть-Цильме таких действий не было, чтоб богу противно. У меня дед жил сто лет, не знаю, стары чего-то говорили, не знаю, был ли дом или нет.

АКФ МГУ, ФЭ-12: 4-6-1978, т. 130, с. 0231, № 10. Зап. Н. И. Савушкиной в 1978 г.

Упоминание о провалившемся доме, ставшем лужей, болотиной — «страшным местом» в Усть-Цильме. В начале этой же тетради Н. И. Савушкиной приведен рассказ о провале в Усть-Цильме от Ульяны Дмитриевны Поташовой 79 лет из д. Загривочной (родины С. А. Носова), содержащий объяснение появления «лужи» — как кары за беззаконие: «На веках в Усть-Цильме, говорят, дом просел. Гулянка была, да все и просели. И земля закрылась, и на том месте была долго озерина, ляга, ляговина¹. И стояла долго, вода заплеснела. Говорят, пуще на то бают, что беззаконно живут, в пост гулянку собрали» (с. 0226, № 1). Очевидно, С. А. Носов знал эту историю и высказал сомнение в ней, будучи уверенным в праведности своих земляков-единоверцев («таких действий не было, чтоб богу противно»).

8. Быличка о колдуне {Колдун и вор}

Был один старичок повыше Нарьян-Мара. Рассказывали о нем, он сам-то не ворожил, а другой приехал. Рыбу они ловили в избе. Приехал, и лошадь куда-то запустил. А в саях было продуктов наложено всего. Старичок ему и говорит:

На повесть бы надо загнать.

— Да никто не тронет, не заденет. А заденет, так никуда не уйдет.

А вор польстился. Взял, а уйти не может. Замерз. Старик и будит другого-то:

— Давай, вставай, у тебя замерзнет воришко-то!

АКФ МГУ, ФЭ-12: 4-6-1978, т. 141, с. 0359-0360, № 36. Зап. Н. И. Савушкиной в 1978 г.

Мифологический рассказ, построенный на мотиве «собственность колдуна нельзя украсть: вор не может уйти с места кражи, пока хозяин не от-

¹ Ляга, ляговина — яма со стоячей водой (СРГНП. Т. 1. С. 400).

пустит» (см.: *Зиновьев* ГП 10а), с упоминанием о способности колдунов морочить людей, заставляя увидеть то, чего нет в действительности: «ловили рыбу в избе» (ср.: *Зиновьев* ГП 10б).

9. Быличка о колдунах {Колдун и охотники}

Раньше придет охотник — не спрашивается ловить зверей, все заготовит, поставит капканы. А главного не спросил — и никак, никак. Уже заметна лисица, и никак не поймать, никого и не добыл. Так и уехал охотник. Эти главные и следы продавали. Им говорят:

– Дайте следы!

Следы по 3 рубля продавали, и, действительно, действовали. Сейчас это называется магия, а тогда было чародейство.

АКФ МГУ, ФЭ-12: 4-6-1978, т. 141, с. 0360-0361, № 38. Зап. Н. И. Савушкиной в 1978 г.

Мифологический рассказ, основанный на редком для усть-цилемской традиции поверье о продаже / покупке у колдуна следов зверя для удачи в охоте.

10. Поверье о колдунах {Колдуны и свадьба}

Свадьбу делают, так они обязательно напроказят, насмешку сделают. Но их ловили, ненавидели. На добро-то не делали, все зло было. Зла много делали.

АКФ МГУ, ФЭ-12: 4-6-1978, т. 141, с. 0361, № 39. Зап. Н. И. Савушкиной в 1978 г.

Традиционное поверье о вредительстве колдунов на свадьбе (см., например: *Зиновьев* ГП 6а).

11. Быличка о колдуне {Как колдун помог жениться}

У меня братан был, родителей почетных, а сам невзрачный, насмеху держали. Жениться не мог: худу не хочет, а хороша не идет. Вот один ему и говорит:

– Вот что, Ваня, если хочешь жениться, сходи в баню. И возьмишь девку, каку хочешь.

Пришли в баню, в сени:

– Снимай крест да пояс.

Посадил на лавку (он сам потом рассказывал) и что-то шепчет. Потом, говорит, вышла собака черная из-под полка и блевнула к его ногам.

– Слижи!

[Тот слизал]. И такую дал силу, как облако сверкнет. Девку взял красавицу, почетну, и детей трое было. Он сперва-то все делал, потом людей-то много стало страдать, стали его бить. А говорят, если женщина через мужчину перешагнет, то не станет сила действовать. Замучали его, дня 3 храпел, замучали его.

АКФ МГУ, ФЭ-12: 4-6-1978, т. 141, с. 0361-0362, № 40. Зап. Н. И. Савушкиной в 1978 г.

Мифологический рассказ с традиционными мотивами получения колдовской силы в бане, где появляется черная собака, (см., например: Мифологические рассказы и легенды Русского Севера / сост. и автор коммент. О. А. Черепанова. СПб., 1996. № 343) и трудной смерти колдуна (см., например: *Зиновьев* ГП 17). Кроме прочего рассказ С. А. Носова интересен по-верьем о воздействии женщины на колдовскую силу.

12. Быличка о колдуне {Тарас-коновал}

Коновал был Верховской¹. Приходили тогда и с Мезени, с Пинеги. Денежное дело было. Он их не допускал делать. Старичок уже был. У дяди, помню, коня лóжил, и стал его лóжить — мы все смотрели: вяжет, а не настоящему. Значит, стали выпивать [и спрашивают]:

– Как ты, Тарас Семенович?

А он говорит хозяину-то:

– Мы и сами не знаем, слова какие-то скажешь, они и действуют.

Он добро делал, нáзло никому не делал. А сын его нáзло стал делать.

АКФ МГУ, ФЭ-12: 4-6-1978, т. 141, с. 0362, № 42. Зап. Н. И. Савушкиной в 1978 г.

Мифологический рассказ о способности колдуна «легчить» коней. Один из вариантов, записанных на Пижме быличек о колдуне Тарасе из Верховской (см., например: ФА СГУ, АФ 03159-31, 03167-4, 03189-28 и др.).

13. Быличка о лешем {Мифическая сила пугает охотников}

Степановская и Чуркинская деревни² — были засельщики из скита. Может быть, они работниками там были. И вот случай, как пугало. У меня дядя

¹ Деревня на реке Пижме.

² Деревни на реке Пижме.

Перфилий, дедушкин брат, они на ярмарку груз всегда перевозили. Кругом сорок километров, а прямо три километра. И там избушка стояла. Мартын не любил в этом домике ночевать, а тут пришлось. Уложились честь-почести, а только стали засыпать — вдруг ставень вылетел и в другую стену. А на бору так и хохочет, заливаясь.

– Нечистая сила!

Улеглись, благословясь. Нет все равно толку. Так же хохочет. Ну и ушли. А это сделано было ненцем, который их не любил, чтобы выжить с угодья.

АКФ МГУ, ФЭ-12: 4-6-1978, т. 141, с. 0363, № 43. Зап. Н. И. Савушкиной в 1978 г.

Мифологический рассказ о проделках нечистой силы, отождествляемых рассказчиком с ненцем (колдуном?). Интересен редким для усть-цилемских сюжетов мотивом «мифическая сила в лесу хохотом пугает, прогоняет охотников». Ср. с другими усть-цилемскими рассказами о случаях в охотничьих избушках: *Канева и др.* № 40-61. См. № 14.

14. Быличка о лешем {«Чудится» в лесу}

А другой раз выскочили мужики с топорами, а лошади связаны хвостами вместиах. А там опять на бору хохочет. А был случай — вытолкнет ставень, а кони хорошо стоят. А что-то почудилось — колья почудились, и спорубили их.

АКФ МГУ, ФЭ-12: 4-6-1978, т. 141, с. 0363, № 44. Зап. Н. И. Савушкиной в 1978 г.

Лаконичные воспоминания о разных случаях проявления мифической силы в лесу. См. № 13.

15. Быличка о лешем {Мифическая сила поет в лесу}

Весной, пód весну комары летают. Высоко это сопка, черный лес, елки повалило, оприжарило¹. [Шел мужик].

– Ну, наверно, нечистая сила там живет, — подумал, и опять подумал:

– Подруга у меня где-то там живет.

А она там песню и запела, какую всегда пела. Он пошел проверять, обошел, окружил весь лес. Пришел на стан и давай рассказывать эти дела.

АКФ МГУ, ФЭ-12: 4-6-1978, т. 141, с. 0364, № 45. Зап. Н. И. Савушкиной в 1978 г.

¹ Прижарить — сильно пригреть солнцем (СРГНП. Т. 2. С. 147).

Мифологический рассказ об опасной провокации: человек вспоминает подругу и слышит ее пение (мифическая сила чудит в лесу; ср.: *Зиновьев* АИ 6 «Леший пугает людей в лесу свистом (пением...)»).

16. Быличка о нечистой силе {Мифическая сила «пужает» в лесу}

Дядя Игнашка рассказал. Яма была глубока, а лес густой, непроходимый. И все там кого ле пужало. Рыбу удили, глядят — три девки бежат и хохочут, в белых лустях¹ все. И мы, говорит, думаем, кто ето может быть? Приходят домой — все, ничего нет. Дьявола тоже.

АКФ МГУ, ФЭ-12: 4-6-1978, т. 141, с. 0364, № 46. Зап. Н. И. Савушкиной в 1978 г.

Мифологический рассказ о явлении мифической силы в лесу в облике хохочущих девок в белом (ср.: Мифологические рассказы русских крестьян XIX–XX вв. / сост., подгот. текстов, вступ. ст. и коммент. М. Н. Власовой. СПб., 2013. С. 66–67, № 7).

17. Быличка о нечистой силе {Мифическая сила «пужает» в лесной избушке}

В самом деле пужало. Один вышел [из избушки] оправиться. Лампочка худяща горела. Стал заходить и вздумал:

– Кабы женка² была.

Вошел — она там и сидит! Надо бы взад идти, не видно стало. И, говорит, в одних чулочках побежал оттуда. А утром пришли — еще лампочка показалась.

АКФ МГУ, ФЭ-12: 4-6-1978, т. 141, с. 0364-0365, № 47. Зап. Н. И. Савушкиной в 1978 г.

Мифологический рассказ о случае в охотничьей избушке, включающий мотивы опасного (провокационного) ожидания и явления к охотнику нечистой силы в облике жены. Ср. с другими подобными усть-цилемскими рассказами: *Канева* и др. № 40–49.

¹ Возможно: шелуха, ср.: «Лустка — шелуха» (Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин. М., 1981. Т. 17. С. 205).

² Жёнка — здесь: жена.

18. Быличка о порче

Здесь бабушка Марья была толкова, дед Лука и взял ее замуж. И восемь ребят у них стало. И был работник, с Мезени охотник. Он сделал ей, она сделалась глупой. «Очаровал» её бесовщиной, нечистым духом.

АКФ МГУ, ФЭ-12: 4-6-1978, т. 141, с. 0365, № 48. Зап. Н. И. Савушкиной в 1978 г.

Мифологический рассказ о наведении порчи пришлым человеком на женщину.

Рассказы о магических практиках

Рассказы о магических практиках

19. Заговор от ос

От ос заговаривались много. Однажды мы косили. Всех осы кусают, а одну тетку нет. Я к ней:

– А что они тебя не кусают?

– Слова знаю.

– Ты скажи, тетка, меня научи.

Ну и она сказала:

«Осы вы осы,

Калены стрелы,

Не жгите меня,

А жгите своих деточек».

(Заговор нужно произнести 3 р{аза}).

АКФ МГУ, ФЭ-12: 4-10-1980, т. 1, с. 4290-4291, № 324. Зап. А. А. Ивановой в 1980 г.

Заговорный текст от ос. Другие варианты этого текста в усть-цилемских записях, выполненных собирателями МГУ, см.: РЗЗ № 1974, 1976, 1978. Вариант, переданный С. А. Носовым, отличается от них образным сравнением ос с калеными стрелами (в других усть-цилемских записях — «жгучие / железные носы») и пожеланием-повелением жечь «своих деточек» (в других вариантах — просьбы не вредить самому адресанту: «не кусайте / не троньте / не клуйте»).

20. {Как направить ружье}

Вот если ружье хорошо стреляло, и вдруг, что подумаешь, и ничего не добудешь. Нужно громко {во}е дерево найти, что грозой разбито, собрать щепки и обкурить¹ ружье.

АКФ МГУ, ФЭ-12: 4-10-1980, т. 1, с. 4291, № 325. Зап. А. А. Ивановой в 1980 г.

Рассказ о приемах охотничьей магии. Ср. с другой усть-цилемской записью из архива МГУ о магических приемах применительно к охотничьему ружью: РЗЗ № 1359. Об окурировании ружья при неудаче на охоте см.: Знатки, ведуны и чернокнижники: колдовство и бытовая магия на Русском Севере / под общ. ред. А. Б. Мороза. М., 2013. № 476.

21. {Знающая старуха}

Одна была старуха. Она вдова была. Она лошадь никогда не пасла. Найдет траву, обойдет с ней лошадь, и лошадь никуда не уйдет, она это словами действовала.

АКФ МГУ, ФЭ-12: 4-10-1980, т. 1, с. 4291, № 326. Зап. А. А. Ивановой в 1980 г.

Рассказ о знающей, обладавшей приемами скотоводческой (пастушеской) магии.

22. Крещение {Топтание шуликунов}

Их топчут, как начинает светать. Это не наш обычай. Это был принят от других вер. Наш закон старообрядческий ни во что не ставил.

АКФ МГУ, ФЭ-12: 4-10-1980, т. 1, с. 4291, № 327. Зап. А. А. Ивановой в 1980 г.

Рассказ-упоминание о топтании шуликунов (святочных духов) в день Крещения (Богоявления) — 19 января (по н.ст.). Воспоминания об этом обычае широко представлены в усть-цилемских материалах АКФ МГУ и ФА СГУ (публикацию одного из подобных рассказов см.: *Афанасьев А. В., Канева Т. С.* Голоса над Печорой: иллюстрированная антология усть-цилемского фольклора. М.; Сыктывкар, 2020. С. 227).

¹ Обдать дымом.

К сожалению, название демонов непосредственно от самого рассказчика не было зафиксировано — текст записан как ответ на расспросы собирателя («Расспрашиваю об обряде топтания шуликунов»). Текст интересен отношением рассказчика-старообрядца к данному местному обычаю как к чужому.

23. Гадание {Высматривание в зеркале}

Нужно сесть на пороге, смотреть в зеркало и ждать, что покажется. Только у меня мать сказывала, что в прежние времена пытались смотреть в зеркало. Хомут на себя наденут и в зеркало смотрят. Села она под матицу в избе, и стали появляться месяцы: один, два, потом третий. Она и отвернулась. По её приметам будут сыновья. Потом у нее и родилось 3 сына.

АКФ МГУ, ФЭ-12: 4-10-1980, т. 1, с. 4292, № 328. Зап. А. А. Ивановой в 1980 г.

Рассказ о визуальном гадании — высматривании в зеркале, интересен сообщением о видении в зеркале месяцев, предсказывающем гадающей пол (на основе традиционной метафоры «месяц — мужчина») и количество детей. Содержит подробности правил гадания («сесть на пороге» или «под матицу», надеть хомут). Близких по символике вариантов этому гаданию в усть-цилемских записях не выявлено (ср.: *Канева Т. С., Богданова Е. Д.* Репертуар усть-цилемских святочных гаданий (на материалах АКФ МГУ и ФА СыктГУ) : таблица-указатель // *Покровские Дни : труды конференции* (Н. Новгород, 10–11 октября 2009 г.). Н. Новгород, 2010. Вып. 1. С. 34–61).

24. Приметы

24.1. Митрий на коне (8 ноября лед замерзал), Егорий на лодке (7¹ мая — половодье).

24.2. Если весной у чирка² олень³ белый — лето будет ветренное, сухое, если пестрый или кровавой — вперемешку с дождливыми днями.

24.3. Если листья упадут с березы и осины чисто — год будет урожайным.

24.4. Если осенью листопад пройдет скоро, зима будет крутой.

¹ Очевидная ошибка: Егорий (Егорьев день, день Георгия Победоносца) — 6 мая по современному стилю.

² Чирок — водоплавающая птица (прим. собирателя).

³ Олень — гребень (прим. собирателя). Грудная кость птицы, чаще утки, по которой в зависимости от количества светлых и темных пятен узнают погоду (СРНГП. Т. 1. СПб., 2003. С. 520).

24.5. Дым к земле — к снегу.

24.6. Если весна затяжная — мало будет зверя осенью и летом.

24.1. АКФ МГУ, ФЭ-12: 4-10-1980, т. 1, с. 4293, № 335. Зап. А. А. Ивановой в 1980 г. — 24.2. Там же. С. 4293, № 336. — 24.3. Там же. С. 4293, № 337. — 24.4. Там же. С. 4294, № 338. — 24.5. Там же. С. 4294, № 339. — 24.6. Там же. С. 4294, № 340.

Приметы метеорологические и промысловые. Прим. собирателя: «У С. А. собрана целая тетрадь с приметами: то, что он слышал, переписал из журналов и газет» (Там же. С. 4294).

25. {Старая арифметическая задача}

Летел однажды гусь, а ему навстречу летят гуси. Он им говорит: «Здравствуйте, друзья сто гусей». А они отвечают: «Нет, нас не сто гусей, а ещё столько да полстолько, и четверть столько, да ты, гусь, с нами, тогда было бы сто гусей». Сколько же летело гусей? (36)

АКФ МГУ, ФЭ-12: 4-10-1980, т. 1, с. 4313, № 363. Зап. А. А. Ивановой в 1980 г.

Прим. собирателя: «С. А. назвал ее арифметической старой задачей».

Вариант известной задачи, см.: Загадки русского народа : сборник загадок, притч и задач / сост. Д. Садовников. М., 1995. № 2383.

От С. А. Носова А. А. Ивановой записаны также традиционные загадки — о корове, балалайке, венике и столе. Их загадывание он предварил замечанием: «Бывало, соберемся малыши и начнем отгадывать» (Там же. С. 4292, № 330).

Анекдоты

26. {Хитрый работник}

Один работник пришел к хозяину, просит работу, хотя бы на месяц, причем работать станет по дешевке: первый день за полкопейки, второй день — за копейку, третий день — за две копейки, четвертый день — за четыре копейки, и так каждый день будет прибавлять за каждый день вдвое. И нанял работника дешево на месяц, да только у него имения не хватило с работником рассчитаться (за последние дни до миллиона дошло).

АКФ МГУ, ФЭ-12: 4-10-1980, т. 1, с. 4314, № 364. Зап. А. А. Ивановой в 1980 г.

Рассказ, очевидно, книжного происхождения, из области занимательных задач по геометрической прогрессии.

27. {Пошехонцы и медведь}

Однажды пошехонцы ходили за медведем охотиться и вернулись домой все с помятыми боками, а у Фомы совсем нет головы. Стали спрашивать тут бабушку Филатьевну, была ли у Фомы голова, а она поясняет: «Не знаю, была нет голова, а борода-то тряслась».

АКФ МГУ, ФЭ-12: 4-10-1980, т. 1, с. 4315, № 365. Зап. А. А. Ивановой в 1980 г.

Тексты № 27–29 обозначены в тетради собирателя как «анекдоты о пошехонцах» и предваряются примечанием собирателя: «С. А. рассказал, что в старину конфеты заворачивали в бумажки с изображением пошехонцев и текстом, рассказывающем об их приключениях».

Ср.: СУС 1225 «Глупец (поп) без головы (откусил медведь, оторвало мельницей)» (Глупец (поп) без головы (откусил медведь, оторвало мельницей): другие (жена) помнят, что борода у него была, а была ли голова, не знают).

28. {Пошехонцы и ружье}

Да было тоже: пошехонцы купили ружье, а зарядить толку не знали, и насыпали в ствол полно пороху, и все ухватились за ствол руками, а одному места не осталось ухватиться; он просит хотя бы в устье ружья поглядеть — «ведь моя-то копейка не щербата же была» — и взвели курок ружья, дернули за крючок, ружье бахнуло, разлетелись пошехонцы в разны стороны, кто с раной, кто совсем убит.

АКФ МГУ, ФЭ-12: 4-10-1980, т. 1, с. 4315, № 366. Зап. А. А. Ивановой в 1980 г.

Ср.: СУС 1228 «Глупцы стреляют из ружья» (Глупцы стреляют из ружья: один заглядывает в отверстие ствола). См. прим. к № 27.

29. {Пошехонец-постовой}

Одного пошехонца поставили на пост стоять, а на стены висели большие часы. Увидел их он, давай посылать: «Поди вон, а то стрелять буду». А у часов не останавливается, стучает, а он одно знает: «Поди вон» да и только. Наконец, не вытерпел, в циферблат выстрелил, часы остановились. Приходит разводчик. Увидав часы с дырой, спрашивает часового пошехонца,

что с часами сделал, зачем стрелял, а он отвечает: «Мне сказано, кто остановиться не хочет, то стреляй по нем. Я по правилу так и сделал».

АКФ МГУ, ФЭ-12: 4-10-1980, т. 1, с. 4315, № 367. Зап. А. А. Ивановой в 1980 г.

См. прим. к № 27.

30. {Курьезный случай}

Первые пароходы начали ходить, и был случай в Усть-Цильме. Первый пароход шел, несут покойника. Тут надо смотреть. Все побежали, а покойника оставили на дороге. А коровы ходили, тощи были. Покойника повалили, листья-то, всю зелень¹ повыели. Слегка поглазели, приходят — а покойника и нет [в гробу].

АКФ МГУ, ФЭ-12: 4-6-1978, т. 139, с. 0330-0331, № 7. Зап. Н. И. Савушкиной в 1978 г.

Рассказ о курьезном случае. В тетради собирателя обозначен как «Бывальщина». Этот рассказ см. также в рукописном рассказе С. А. Носова: Воспоминания о деде, Луке Васильевиче Носове // Печорский старообрядческий писатель С. А. Носов: видения, письма, записки / подгот. текста, вступ. ст. и примеч. М. В. Мелихова. М., 2005. С. 122.

Рассказы об охотниках

31. {Сноровистый охотник}

Двое охотников пошли из Новожиловской². Они дружно жили, а потом рассорились. И один другому говорит:

– Огнива не дам!

– Без тебя проживу!

Тот огнивку взял, зажег, трут и кремь. А он ему не дал.

А тот тоже сделал дело. Всюду положил тощее дерево, гнилое <нрзб>, и там огонек. Она стала шаять³. Шаёт и шаёт. Шесть недель проходил. Сам добыл огонь, не подчинился. Бедовый был старик.

¹ Листья березового веника, которыми устилали гроб.

² Деревня на реке Пижме.

³ Тлеть.

АКФ МГУ, ФЭ-12: 4-6-1978, т. 139, с. 0329-0330, № 5. Зап. Н. И. Савушкиной в 1978 г.

Бытовой рассказ об охотниках. В полевой тетради тексты № 31 и 32 записаны как «Бывальщины».

32. {Смелый охотник}

Был год — белка не родилась, пшеница не родилась, грибы, ягоды. Ходили-ходили охотники, нашли всего двух белок. Тощие были зверьки.

Один старик был в Лёвкинской¹, удалой такой. Взял медведя, убил без ружья. Ветня² была такая, вроде копыя, и наконечником регулировали, острием и так медведей били. [А у этого и ветни не было]. Взял посох — оглоблю:

– Пусть только нападет!

Пошел в лес, а медведь близко спит. Он медведя этой оглоблей убил, шкуру содрал и пришел в деревню:

– Натё, боитесь, так берите!

Вот каки были смелы и удалы старики!

АКФ МГУ, ФЭ-12: 4-6-1978, т. 139, с. 0330, № 6. Зап. Н. И. Савушкиной в 1978 г.

Бытовой рассказ об охотнике, см. № 31. Этот рассказ см. также в рукописном рассказе С. А. Носова: Воспоминания о деде, Луке Васильевиче Носове // Печорский старообрядческий писатель С. А. Носов: видения, письма, записки / подгот. текста, вступ. ст. и примеч. М. В. Мелихова. М., 2005. С. 124.

Рассказы о прошлом

33. О прошлом с. Бугаева

Я родом из Загровочной, живу здесь с 1924 года. Здесь, в Бугаеве, покотина удобна, угодя и сенокосы. Кругом луга заливные, озера были, каждый год ловили, и на Печору не ходили. А сейчас рыбы не стало. С краю была деревня сначала, с пристани, низко место. На Печору-то мало выезжа-

¹ Деревня на реке Пижме.

² Так в тетради собирателя. В рассказе о своем деде, где С. А. Носов также приводит этот случай — «витня»; там же дано объяснение: «витня — копые на древке, в середине — шарик на веревке» (см.: Воспоминания о деде, Луке Васильевиче Носове // Печорский старообрядческий писатель С. А. Носов: видения, письма, записки / подгот. текста, вступ. ст. и примеч. М. В. Мелихова. М., 2005. С. 124).

ли, скотоводством занимались. Хлеб начинали сеять, но мало. Печора кривляла и на узко место поворот, закрывает все, лед <торо...тя¹>, север дует — холодное время.

АКФ МГУ, ФЭ-12: 4-6-1978, т. 147, с. 0480, № 12. Зап. Н. И. Савушкиной в 1978 г.

Тексты № 33–37 помещены собирателем в тетрадь «Рассказы о прошлом».

34. О прошлом Пустозерска

Пустозерск выше Нарьян-Мара километров тридцать. Там еще недавно был памятник Аввакуму. Теперь он ликвидирован. Там виска была, пролив, и он обмелел, зарос. И доступ стал плохой. Километров около десяти ниже живут еще. Неможно стало на лодках ездить, песку тоже от ветру наносило. Мы охотничали с соседом, ездили там, в километре примерно, весной. Там озеро, рыба была, еще жила одна старушка, Аполлинаруя Ивановна Присухина. Так все те столбы, на которых были виселицы, при ней еще стояли.

Про Аввакума рассказывали по тайности, друг по другу, по веры, знали много о нем.

Я в Пижме жил, мне родитель вечером говорит, рассказывает: «В Пустозерске был такой-то Аввакум», — а мне не пришлось расспросить про него.

АКФ МГУ, ФЭ-12: 4-6-1978, т. 147, с. 0480-0481, № 13. Зап. Н. И. Савушкиной в 1978 г.

Аввакум, Аввакум Петров (1620–1682) — идеолог, духовный лидер и наиболее видный деятель старообрядчества в период его возникновения. 14 последних лет своей жизни провел в земляной тюрьме в Пустозерске, где был казнен (сожжен в срубе). Почитается старообрядцами как священномученик и исповедник.

35. О прошлом деревень по реке Пижме

По Пижме большинство деревень было охотничьими, а потом обстроились, постоянно жить стали. Из Усть-Цильмы заселялись.

Боровская — на бору, там немного было жителей, а теперь из Абрамовской переехали. А в Абрамовской Абрам был первый житель. В Боровской мало было жителей, мало распложались. А в Абрамовской много ста-

¹ Возможно: «торосится» (от «торос») или неверно записанное «трощится» / «торощится».

ло. Жен из других деревень брали, из Усть-Цильмы. В 1924 г. в Загрявочной было сорок хозяйств.

Деды раньше жили по девяносто, сто лет. Охотничали с осени до весны. А летом пахали и сенокосили. Дед мой Лука в начале жизни даже оленей имел, немного, четыре-пять для езды и охоты. Ездили по Тобышу, по Выми на санках по пять-шесть недель.

Были избушки сделаны. Четыре охотника сговорятся и санки делали долги, долги, по семь пудов тянули. За сезон забивали по пятьсот белок. А под весну истощали, пустовар¹ варили и квас. Постились еще. Туда-то идут, сколько груза тащат, а обратно идет впереди — бросит рукавицу, тяжело, так что грузу убавилось.

А рябчиков по четыреста штук убивали, ружья были кремненные. А птицы, ой, сколько было!

АКФ МГУ, ФЭ-12: 4-6-1978, т. 147, с. 0481-0482, № 14. Зап. Н. И. Савушкиной в 1978 г.

36. О прошлом {О прежних домах и семьях}

Раньше строили дома без трубы. Была построена избушка на четыре угла и дыра в потолке, были курные избы. А тёсу не было. И пил не было, кололи и тесали топорами плахи. Ездили два года. Два-три мужика лиственницы валили, лиственницы долги, дорого стоили. Пилы и ружья патронные при дедушке появились.

Стекла тоже не было. Брюшина была коровья. Ее выскоблят и в рамы вставляли. Небольшие оконца были, а свет и летом, как стекла закуржат² от мороза зимой.

Ну, однако были тогда семьи крупные. По восемнадцать человек выйдут на кошенину³ из одной семьи. Тут семь лет недокорм был, хлеб не родил, многие поехали в Сибирь. Но однако некоторые вернулись. А некоторые вернулись через несколько лет.

АКФ МГУ, ФЭ-12: 4-6-1978, т. 147, с. 0483, № 15. Зап. Н. И. Савушкиной в 1978 г.

¹ Пустовара — похлебка, жидкая каша из муки на воде без жира (СРГНП, т. 2, с. 189).

² Закуржать — покрыться изморозью, обиндеветь (СРГНП, т. 1, с. 243).

³ Кошенина — работа по сушке и уборке скошенной травы (СРГНП, т. 1, с. 345).

37. О прошлом (об охоте)

Другой дед рассказывал, который в Усть-Цильме, сто лет жил. Охотник был. Пойдет охотиться, а тетёр кругом налетит! Три тысячи куро́птей¹ за зиму стрелил.

Озеро было Жигун, там избушку построил. Никогда угару не было, один раз немного голова поболела. Иногда ночевать там не оставался, тридцать километров пробежит, а дома не обедали еще.

Птицы столько было — один раз два гуся и лебедя одним зарядом убил. Силком ловили до трехсот глухарей, шестьсот-пятьсот забивал в год.

АКФ МГУ, ФЭ-12: 4-6-1978, т. 147, с. 0484, № 16. Зап. Н. И. Савушкиной в 1978 г.

¹ Куропаток.

Заметка собирателя: А. А. Иванова о С. А. Носове

С. А. Носов родился в д. Загривочная по р. Пижма. Эти места издавна славятся своими песенными и былинными традициями. Его родная семья была немногочисленной (кроме него было еще два брата, мать и отец). В детстве выучился читать, писать. 18-ти лет женился. У него было 15 детей, но в живых осталось только 10. Воевал во Вторую мировую войну под Ленинградом и стечением обстоятельств попал в блокаду. В д. Среднее Бугаево проживает последние 15 лет, работал счетоводом. До этого 30 лет жил в г. Нарьян-Маре. Жена у него несколько лет как умерла, и живет он один.

С. А. исповедует старую веру и среди староверов ближайших в радиусе 100 км деревень, в которых мы работали, пользуется большим авторитетом. Дома у него много икон и старинных книг. Но не только старинных. С. А. один из самых активных читателей местной библиотеки (он также пользуется книгами сыктывкарской городской библиотеки, которая высылает их ему по почте как хорошо зарекомендовавшему себя читателю).

Характеру С. А. степенного, обстоятельного. Это проявляется не только в его образцовом домашнем порядке, размеренном образе жизни, манере вести беседу. Думаю, что очень показателен тот факт, что С. А. никогда не пел и не рассказывал мне до тех пор, пока точно всё не вспоминал. Он любит, чтобы «концы с концами сводились», и мне большого труда стоило уговорить его пересказать запомнившиеся ему фрагменты, сюжеты, обрывки старин.

Когда я впервые шла к нему на запись, я знала, что он когда-то слышал и сам исполнял старины (на это указывали некоторые исполнители из других деревень). Но, признаться, мало рассчитывала услышать живое исполнение былины (до сих пор нам удалось записать лишь несколько пересказов старин). В тот день он ничего не исполнял, но внимательно выслушал и записал на бумажке то, что мне было нужно. Мы договорились встретиться на следующий день. Каково же было моё изумление, когда, придя к нему, я увидела целую тетрадь с записями старин, загадок, песен. Оказывается, после моего ухода он допоздна сидел и все записывал, чтобы не забыть. <...>.

На 2-й день С. А. спел по моей просьбе начало былины «Илья и Соколик». Он не допел ее до конца, так как по ходу исполнения вспомнил много пропущенных стихов. И вновь перенесли нашу встречу на следующий день. Во 2-й день я записала от него интересные былички, поверья, приметы.

В 3-й день он спел былины «Илья и Соколик», «Смерть Василия Буслаева», «Дюк Степанович», пересказал то, что помнил из сюжетов других былин.

Я старалась поподробнее узнать об источниках. Вот что выяснилось в ходе наших бесед (иногда слова С. А. привожу дословно, изредка пересказываю то, что не удалось застенографировать).

С. А.: «Были старины. Мать моя пела. Это все правда, что в старинах. Алеша Попович действительно был. Я тут в книжке читал, в энциклопедии, он жил в 1001–1004 гг.».

(В родной С. А. д. Загривочной Ончуков и Астахова записали немало былин. Естественно, я спрашиваю С. А. о земляках, которые на его памяти пели старины). «Давно еще жил Анкудин в д. Замежная (Ончуков сделал от него несколько записей)¹. Сколько старин пел! Тогда усольцы ездили. И вот в Усть-Цильме барки стояли. И вот разговорились. Ну, один там и говорит Анкудину: “Рассказывай и пой, а я тебя за это буду бесплатно вином поить”. И вот он несколько дней пел. И всё наново. А то еще недалеко от нас была д. Чуркинская. Там старуха жила Федосья Емельяновна Чуркина. Она еще до 1-ой германской войны умерла. Сказывают, много старин знала². Много старин и мать моя пела, Матрена Михайловна Чупрова. От дяди Игнатия Лукича Носова перенял много. Он в 1931 г. умер, старый уже был, около 80 лет. У него был тоже дед. Такой он был смышлённый. Сколько он знал старин и сказок! Они с дядей тоже на лесах жили вместе. Его Василием Александровичем Носовым звали. Я уж его не застал. Он до Японской войны умер. Старый тоже, сказывают».

(Я естественно спрашиваю, как и когда С. А. перенял старины от матери и дяди).

С. А. сказал, что вместе с дядей они подолгу работали в лесу. А ночи долгие. Делать нечего. Вот тут Игнатий Лукич и пел, рассказывал. Память у С. А. хорошая, и он многое запомнил, но за давностью лет немало уже забыл. Интересно, что в репертуаре С. А. нет сказок. Он объяснил это так: «Мой дядя мне их не рассказывал. Он мало занимался этим». Да и мать его предпочитала старины.

Во время пения старин С. А. высказал много интересных замечаний о характере их исполнения («У старин один напев: нет разницы». «У меня не все сходится. Надо ведь как-то рифму положить» и др. — см. в коммента-

¹ Осташов Анкудин Ефимович, ок. 1824 г.р. Публикации былин, записанных от него в 1902 г. Н. Е. Ончуковым, см.: Былины Печоры / Отв. ред. А. А. Горелов. В 2-х т. СПб.; М., 2001. Т. 1. № 16, 68, 132; Т. 2. № 165, 186, 252, Приложение VI, № 5.

² Чуркина Федосья Емельяновна, ок. 1847 г.р., урож. д. Абрамовской. Публикации былин, записанных от нее в 1902 г. Н. Е. Ончуковым, см.: Былины Печоры / Отв. ред. А. А. Горелов. В 2-х т. СПб.; М., 2001. Т. 1. № 67, 100, 117; Т. 2. № 196.

риях к тексту). С. А. также сказал, что в старину их исполняли хором. Видимо, вспоминая, как тогда хорошо пели, С. А. во время исполнения старин иногда плакал.

Когда я попросила вспомнить сюжеты старин, С. А. сказал, что его мать и дядя пели «Про Илью Муромца», «Про Василия Буслаевича», «Про Садка», «Про Дюка Степановича», «Про Чурилу» и др.

АКФ МГУ, ФЭ-12: 4-6-1980, т. 1, с. 4286–4290, № 322. Тетрадь А. А. Ивановой.

Анна Александровна Иванова — в 1980 г. руководитель одного из отрядов собирателей фольклорной экспедиции МГУ им. М. В. Ломоносова на Печору; ныне — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского устного народного творчества МГУ им. М. В. Ломоносова.

Информация об авторах

Бровкина Татьяна Владимировна, заведующий отделом редких книг и рукописей Научной библиотеки, преподаватель кафедры русской филологии Института гуманитарных наук ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина», г. Сыктывкар.

E-mail: tatjana-brovkina@rambler.ru

Ефименко Владимир Петрович, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина», г. Сыктывкар.

E-mail: efimenkovp1950@gmail.com

Канева Татьяна Степановна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской филологии, старший научный сотрудник НИЛ «Филологические исследования духовной культуры Севера», ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина», г. Сыктывкар.

E-mail: t-kaneva@yandex.ru

Лудыкова Валентина Матвеевна, доктор филологических наук, профессор кафедры коми филологии, финноугроведения и регионоведения ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина», г. Сыктывкар.

Некрасова Ольга Ивановна, кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора языка Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН, г. Сыктывкар.

E-mail: lesik3108@yandex.ru

Попова Римма Павловна, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой коми филологии, финноугроведения и регионоведения ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина», г. Сыктывкар.

E-mail: rimmapp@mail.ru

Розов Александр Николаевич, доктор культурологии, кандидат филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН: Российская Федерация, г. Санкт-Петербург.

E-mail: rosov@list.ru

Шишкина Лидия Ивановна, кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры журналистики и медиакоммуникаций Северо-западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Санкт-Петербург.

E-mail: lidia_shishkina@mail.ru